

НА Б О ЕВОМ П О С ТУ

ЖУРНАЛ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД РОССИИ

№4
апрель
2003

Традиций огонь
негасимый

Рождение
"ДИНАМО"

Иванов
ПОДВИГ

В этом месяце

- 1812 г. — батальоны внутренней стражи, дислоцировавшиеся в западной части России, приняли активное участие в оборонительных сражениях против наполеоновских войск.
- 1947 г. — во внутренних войсках МВД СССР введен институт заместителей командиров рот по политчасти.
- 1966 г. — воины внутренних войск Ташкентского гарнизона приняли участие в ликвидации последствий землетрясения в г. Ташкенте.
- 1986 г. — личный состав частей и подразделений внутренних войск МВД СССР принял участие в мероприятиях по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС и охране 30-километровой зоны по периметру.
- 1989 г. — подразделения внутренних войск принимали участие в охране общественного порядка в г. Тбилиси.
- 18 апреля 1995 г. подразделения внутренних войск приняли участие в освобождении Бамуна и его окрестностей на Лысой горе жесточайшей бой приняли спецназовцы отряда "Росич".

1 апреля

- 1969 г. — утвержден Устав боевой службы внутренних войск МВД СССР.

2 апреля

- 1973 г. — тридцать лет назад установлено ношение букв "ВВ" на погонах военнослужащих внутренних войск срочной службы.

5 апреля

- 1945 г. — приказом Верховного Главнокомандующего 145-му стрелковому полку внутренних войск НКВД, отличившемуся в боях за овладение городом и крепостью Познань, присвоено наименование "Познанский".

7 апреля

- День памяти в софринской бригаде внутренних войск.

16 апреля

- 1923 г. — была установлена форма одежды для войск ГПУ.

18 апреля

- 1923 г. — восемьдесят лет назад состоялось пер-

вое учредительное собрание Московского proletарского спортивного клуба "Динамо".

20 апреля

- 1937 г. — решением НКВД СССР пограничные школы переименованы в военные училища пограничной и внутренней охраны НКВД.

23 апреля

- 1979 г. — издан приказ МВД СССР о формировании УВВ МВД СССР по Северо-Западной зоне, УВВ МВД СССР по Западной Сибири.

27 апреля

- 1946 г. — приказом МВД СССР в составе Управления войск МВД по охране важных предприятий промышленности создано специальное отделение с задачей: организация войсковой охраны НИИ и лабораторий АН СССР, занимающихся исследованиями в области атомной энергетики. Одновременно предписывалось сфор-

мировать 5 комендатур из личного состава внутренних войск для обеспечения их охраны.

28 апреля

- 1922 г. — приказом Реввоенсовета Республики в Вооруженных силах вводилась единая форма одежды и знаки различия по родам войск, которые распространялись и на внутренние войска.
- 1990 г. — вышел в свет первый номер еженедельной газеты внутренних войск "Ситуация".

30 апреля

- 1904 г. — приказом военного ведомства за особо выдающиеся подвиги, проявленные нижними чинами конвойной стражи, по ходатайству непосредственных начальников установлено награждать их серебряной медалью "За усердие" на Станиславской ленте для ношения на груди, а также деньгами за счет средств тюремного ведомства.

НА БОЕВОМ ПОСТУ

№ 4, АПРЕЛЬ, 2003

Издается с 1958 года

Содержание

УЧРЕДИТЕЛЬ —
МВД России
ИЗДАТЕЛЬ —
Главное командование
внутренних войск

Журнал зарегистрирован в
Министерстве печати и информации
Российской Федерации.
Регистр. № 01420.

Главный редактор
УЛЬЯНОВСКИЙ В.Н.

Редакционная коллегия:
АРИБЖАНОВ Р.М., АРТИУХОВ Е.А.,
АШУРКОВ И.А., БАННИКОВ А.Ю. (зам.
главного редактора — ответственный
секретарь),
БЕЛЬСКИЙ В.Ю., ЕРМАКОВ П.И.,
КАЗАКОВ Н.Н., КАРПОВ Б.В.,
КИСЛЫЙ Ю.П. (зам. главного
редактора),
КОЛЕСНИКОВ С.С., КУДРЯШОВ А.В.,
ЛЕВКОВИЧ В.Г., МАКАРОВ А.В.,
ОБРЕВКО В.М.,
ПЛАНЧЕНКОВ В.В., СЕНОКОСЕНКО Л.Ф.,
СКРЯБИН В.Н.,
СВИТКО Е.В., ТОНКОНОГОВ В.П.,
ЮРЧЕНКО С.П.

**Художественное
оформление**
БАННИКОВ А.Ю., КОПЫЛОВ Э.П.

Верстка
ВИНОГРАДОВА О.К.

Корректоры
БОГДАНОВА Е.А., ГАВРИЛОВА Е.Ю.

На 1-й странице обложки
фото БОЛТИКОВА В.

Имеет приложения:
газету «Ситуация» и сборник учебно-
методических материалов
«Войсковой вестник»

При переписке материалов ссылка на
наш журнал обязательна.
Редакция вправе сокращать и литературно
обработать принятые к публикации тексты.
Редакция может публиковать материалы,
не разделяя точку зрения авторов. Рукописи
не рецензируются и не возвращаются. За
достоверность фактов, имен собственных,
названия тайны отвечают авторы публикаций.
За достоверность рекламных объявлений
— рекламодатели. За качество печати
— типография. Переписка с читателями
ведется только на страницах журнала.

Сдано в набор 17.02.2003
Подписано к печати 21.03.2003
Формат бумаги 34x108 1/16,
Общий тираж издания 15 000
Печать офсетная. Усл. п. л. 8 В.
Уч. изд. л. 17, Зет. № 565
Индикатор индивидуальной подписки — 70610
для предприятий и организаций — 73175

Отпечатано в ФГУП Издательство и
типография газеты «Красная звезда»
123007, Москва,
Хорошевское шоссе, д. 38

6

20

34

76

ИНТЕРВЬЮ НОМЕРА

В реформировании войск без
совершенствования
воспитательной работы не
обойтись

ЮБИЛЕИ

Р. АРИБЖАНОВ

Традиций огонь негасимый

ПРОФЕССИОНАЛЫ

К. АЛЕКСЕЕВ

Правнуки Пересвета

ИСТОКИ

В. КРИВЕЦ

Рождение «Динамо»

СПОРТ

Ю. МУХИН

На призы генерала Романова

ХАРАКТЕР

А. ЛЕБЕДЕВ

Избранные эпизоды из жизни
разведчика

И. БЫСТРОВ

Скалолаз Сеин

ТЕХНИКА И ВООРУЖЕНИЕ

Бережь, что имеем

ЗА БЕЗОПАСНОСТЬ ДВИЖЕНИЯ

В. КОВАЛЬ

Чтобы не осталось смертельно
опасных дорог

ТРЕТИЙ ТОСТ

А. КИРИЛЕНКО

Иванов подвиг

СЛУЖБА

Р. ИЛЬИН

Мужики

ЕСТЬ ПРОБЛЕМА

И. ДЕНИСОВ

Из армии в «братву»?

В ПОМОЩЬ ВОСПИТАТЕЛЮ

Р. ИЛЮЩЕНКО

Язык мой — враг мой!

КВАРТИРНЫЙ ВОПРОС

А. МАКАРОВ

Новоселье для «держинцев»

ЛИТЕРАТУРА

В. ДЬЯКОВ

Долг

Письмо

(рассказы)

Г. КАСМЫНИН

«Остаться в этой жизни...»

(стихи)

И. ДЕГТЯРЕВА

Ромашковая горечь

ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС

Ю. ШЕВЧУК

«Я не служу в армии, я служу
армии...»

2

6

12

16

20

22

30

34

36

38

43

50

52

56

76

© Журнал «На боевом посту», 2003

Адрес редакции: 111250 Москва, Красноказарменная 9а
Телефоны для справок: 361-61-71, 361-62-57 E-mail: a.u.bannikov@mail.ru

Визитная карточка. Генерал-лейтенант Владимир Ильич Светличный родился в 1949 году. Военную службу начал в 1968 году рядовым в одной из частей РВСН. На срочной службе прошел все должности младшего командира и после ее окончания поступил в Орджоникидзевское командное училище внутренних войск имени Кирова, которое закончил в 1973 году. Затем продолжил службу в училище, пройдя путь от курсового офицера до начальника училища. В 1986 году закончил академию имени Фрунзе. С 2001 года начальник управления воспитательной работы Главного командования внутренних войск. Кандидат педагогических наук, профессор. Женат, сын военнослужащий.

В реформировании войск без совершенствования воспитательной работы не обойтись

— Товарищ генерал-лейтенант, по итогам прошлого года на восемнадцать процентов снизилось количество правонарушений среди военнослужащих войск, в том числе на треть число уклонений от военной службы и нарушений уставных правил взаимоотношений. Не могли бы вы раскрыть эти цифры, пояснить, в какой мере они отражают общее состояние дисциплины в войсках?

— Новые качественные параметры состояния воинской дисциплины и правопорядка — важнейшая составляющая реформирования войск. И в прошлом году здесь сделан шаг вперед.

Работа по профилактике правонарушений более эффективно проводилась в войсках Приволжского округа, Санкт-Петербургском военном институте, соединениях, которыми командуют генерал-майор А.М. Устинов, генерал-майор М.Р. Пачиков, полковник С.А. Куценко. После нескольких лет отставания заметно улучшилось положение дел в Северо-Кавказском округе.

Вместе с тем оценка, данная Президентом Российской Федерации В.В. Путиным внутренним войскам, обязывает нас рассматривать достигнутые результаты прежде всего с позиции роли войск в правоохранительной системе государства. Войска, стоящие на страже законности и правопорядка страны, сами должны быть их образцом. Соответ-

ствуем ли мы этому требованию?

В 2002 году нам не удалось добиться решительного перелома динамики по целому ряду негативных явлений. Так, почти в два с половиной раза возросли правонарушения, связанные с нарушением правил караульной службы, почти на четверть — превышения должностных полномочий начальниками по отношению к подчиненным.

Не все командиры на местах с равной степенью ответственности подошли к решению задачи по повышению качественных параметров воинской дисциплины и правопорядка.

Хуже вопросы поддержания воинской дисциплины и правопорядка решались в войсках Северо-Западного, Московского и Восточного округов внутренних войск.

— Подводя итоги года, назвали и лучших, и тех, кто сегодня отстает. А какими мерами, по вашему мнению, достигнуты успехи Северо-Кавказского округа? Как удалось уменьшить в группировке войск на Северном Кавказе число преступлений, происшествий и небоевых потерь?

— Да, в прошлом году в сравнении с 2001 годом количество преступлений в войсках округа сократилось на треть, происшествий почти наполовину. Значительно уменьшилось число небоевых потерь.

Анализируя положение дел, мож-

но отметить, что, во-первых, это обусловлено личным вкладом командующего войсками Северо-Кавказского округа генерал-полковника М.И. Лабунца, который при работе в подчиненных воинских частях и соединениях находит время встретиться и побеседовать с солдатами, сержантами и офицерами, узнать их проблемы и нужды и делает все для их решения.

Во-вторых, в округе улучшаются быт и питание военнослужащих, строятся теплые и светлые казармы. Сегодня военный городок и казарменные помещения 46-й ОБРОН — одни из лучших в войсках.

В-третьих, налажен тесный контакт с военными прокуратурами и общественными организациями, оказывающими большую помощь командованию частей в правовом и воинском воспитании военнослужащих. Повышен спрос с должностных лиц за состояние воинской дисциплины и правопорядка.

И, в-четвертых, все достигнуто повседневным, кропотливым трудом офицеров, прапорщиков по наведению уставного порядка в подразделениях и поддержанию здорового нравственного климата в воинских коллективах.

В самой группировке внутренних войск в Северо-Кавказском регионе мы в прошлом году провели комплекс мероприятий по профилактике неуставных проявлений, обеспечению личной примерности офице-

ров и сержантов в соблюдении законодательства и иных нормативных актов Российской Федерации, недопущению противоправных действий военнослужащих в отношении гражданских лиц. Принятыми мерами удалось существенно улучшить некоторые показатели воинской дисциплины и правопорядка.

Так, количество правонарушений в группировке в прошедшем году в сравнении с 2001 годом сократилось наполовину, происшествий и боевых потерь — на треть.

Главнокомандующий определил, что приоритетным направлением деятельности всех должностных лиц Главного командования и округов внутренних войск является поддержание на должном уровне воинской дисциплины и правопорядка в группировке внутренних войск в Северо-Кавказском регионе.

— Товарищ генерал, как изменилась воспитательная работа в войсках? Есть ли новые формы и методы?

— Отвечая на этот вопрос, хочу отметить, что изменение задач и структуры внутренних войск в ходе их реформирования, трудно изживаемые негативные процессы, происходящие в ряде воинских коллективов, и в то же время возрастание роли морально-психологического фактора в успешном выполнении войсками служебно-боевых задач потребовали коренного улучшения воспитательной работы.

В целях ее совершенствования полностью обновлена нормативная база по основным направлениям воспитания военнослужащих. В войска была направлена директива "О совершенствовании воспитательной работы во внутренних войсках", которой конкретизировано ее содержание и организация в современных условиях. Разработана и реализуется концепция воспитания военнослужащих внутренних войск.

Приняты действенные меры к совершенствованию системы общественно-государственной подготовки. Сложилась хорошая практика ежегодной отработки типового плана ОГП для всех категорий военнослужащих, издания на каждый период обучения методических рекомендаций для руководителей групп ОГП по всем изучаемым темам.

В целях качественной подготовки личного состава к выполнению служебно-боевых задач в Северо-Кавказском регионе в округах составлены и реализуются целевые планы МПО. Эта позволило повысить качество отбора военнослужащих, направляемых в Северо-Кавказский регион.

Обстановка проведения контр-

террористических операций в Чеченской республике потребовала существенно изменить подходы к воспитательной работе. Возникла и доказала свою действенность система боевого информирования личного состава, ставшая в боевой обстановке важнейшей формой воспитания. Для ее методического обеспечения ежеквартально направляются в группировку войск сборники боевого информирования.

Учитывая сложную обстановку, возросшие психологические нагрузки, в поддержании морально-психологического состояния личного состава полностью себя оправдал упор на индивидуальную воспитательную работу с военнослужащими.

Активизация героико-патриотического воспитания личного состава способствовала и реализация в войсках Государственной программы "Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001 — 2005 годы".

И все же сегодня состояние воспитательной работы нельзя признать отвечающим требованиям времени. Нам не удалось в полной мере превратить роту в центр воспитательной работы. Офицеры управлений воинских частей, а тем более соединений и округов, продолжают оставаться гостями в подразделениях.

Сосредоточив усилия на воинском и героико-патриотическом воспитании, мы упускаем организацию воспитательной работы в ходе боевой подготовки. Мы забываем крылатые слова "обучая — воспитывай".

— Разрешите от анализа приказов и документов вернуться к вопросам, волнующим наших читателей. К примеру, не один командир стоял перед дилеммой "скрывать или не скрывать". Доложишь о происшествии — испортишь отчетность, не доложишь, составишь бумагу об очередном "падении с турника", глядишь, пронесет, инцидент удастся скрыть. И сам тогда не окажешься среди отступающих.

— Требования министра внутренних дел, главнокомандующего внутренними войсками однозначны — по всем событиям с признаками преступления должно быть принято правовое решение. Другого командир не дано законом. Вопросы порчи отчетности не должны мешать действовать по закону и уставу.

К тому же, согласно действующим приказам, при выявлении в ходе инспектирования или проверок умышленного сокрытия от учета преступления или происшествия подразделению, воинской части выставляется оценка "неудовлетвори-

тельно". Поэтому скрывать, как видите, нецелесообразно.

Жесткая оценка фактам сокрытия дается и военной прокуратурой. Так, в 2002 году в отношении командира войсковой части полковника В.И. Фролова прокурором гарнизона вынесено представление. А командир войсковой части подполковнику Ю.В. Михайлюку военным прокурором объявлено прокурорское предостережение.

Следует учесть и то, что есть определенная методика оценки состояния воинской дисциплины. Учитывается численность личного состава, количество тяжких преступлений, боевых потерь. Подход главнокомандующего войсками следующий — при подведении итогов в первую очередь посмотрим, улучшились или нет показатели состояния воинской дисциплины. И должностных лиц наказывают не за нарушения, допущенные подчиненными, а за невыполнение своих должностных обязанностей по поддержанию порядка и законности. Офицеры, принимающие все зависящие от них меры по укреплению воинской дисциплины, не боящиеся испортить отчетность, находят поддержку у командования войск.

— Еще один вопрос из войска: как сегодня наказать нерадивого солдата? С изменением законодательства практически исчезла из арсенала командира такая мера, как гауптвахта.

— Да, теперь лишить свободы можно только по решению военного суда. Пока не проработан механизм действий командира воинской части, прокурора, военного судьи. Но эта проблема в стадии разрешения, над ней работают в Главной военной прокуратуре и в Управлении военных судов.

В то же время вопрос в первую очередь должен стоять не о том, как наказать военнослужащего, а как предотвратить, пресечь правонарушение. Анализ работы в войсках показывает, что отдельные командиры стремятся применять только крайние меры воздействия на нерадивого солдата, которым являлся арест с содержанием на гауптвахте. А ведь методов воздействия достаточно много. Проступки военнослужащих по решению командира могут рассматриваться и обсуждаться на собраниях военнослужащих по категориям. Но проступки военнослужащих по призыву выносятся на обсуждение коллектива крайне редко.

Приказом предписано в полку, батальоне, роте ежемесячно подводить итоги состояния воинской дисциплины и правопорядка. Наряду с

лучшими должны отмечаться и недисциплинированные военнослужащие. Их фамилии, проступки должны знать все. Однако это делается далеко не везде. Так, буквально месяц назад, в ходе работы в войсковой части 3419 (г.Реутово) выяснилось, что большинство военнослужащих не знает, кто является нарушителем воинской дисциплины в их роте и что он совершил. Зачастую обсудить уроки, выводы, последствия проступления, дисциплинарного проступка, допущенного в войсковой части, подразделении, забывают.

Среди других форм работы можно назвать и открытые заседания военных судов в частях, доведение их приговоров, просмотр видеофильмов по правовой тематике, выступления представителей военных прокуратур.

Я хочу нацелить офицеров не на обсуждение проблемы отмены права командира на арест с содержанием на гауптвахте, а на использование всех возможностей по предупреждению правонарушений и использование для этого только правовых методов воздействия.

— Воспитывать подчиненных должен каждый командир. Но есть и должности офицеров-воспитателей. Специального института, как раньше, для них нет. Так кто же назначается на эти должности?

— В какой-то мере вы уже ответили на свой вопрос. Воспитанием должен заниматься каждый начальник и командир. К сожалению, на сегодняшний день мы не имеем военного образовательного учреждения по подготовке офицеров-воспитателей для внутренних войск.

Вместе с тем главнокомандующим внутренними войсками принято решение об организации на базе курсов усовершенствования офицерского состава Санкт-Петербургского военного института трехмесячной подготовки офицеров для замещения должностей заместителей командиров подразделений по работе с личным составом.

С 1998 года во всех военных институтах, за исключением Пермского, с отобранными выпускниками проводятся учебно-методические сборы по организации морально-психологического обеспечения в подразделениях. Но и вопрос подготовки заместителей командиров подразделений по работе с личным составом в одном из наших военных институтов не снимается с повестки дня.

— Герой нашей публикации в №8: "Почему еще служит полков-

ник?", заместитель командира курского соединения по работе с личным составом полковник В.Зайцев, считает своими основными союзниками в вопросах воспитания военнослужащих внутренних войск МВД России ветеранов и отечественную историю. На что еще опереться в своей работе офицеру-воспитателю?

— Не стоит забывать и о работе войсковых общественных организаций, шире использовать в воспитании возможности местных органов законодательной и исполнительной власти. Так, военнослужащие и гражданский персонал воинских частей в Московском округе принимают участие в программах "Золотое кольцо России", "Молодежь-2003", "Молодые атомщики", "Молодежь Подмосковья 2000-2005гг."; Северо-Кавказского округа — в Ростовской области: "Молодежь и войска", "Рейд, Россия с вами!" (землякам, воюющим в Чечне), в Волгоградской области: "Память — категория нравственная", "Наследники Великой Победы", "Клуб молодого казака" (г. Калач-на-Дону), в Краснодарском крае — "Призывник Отечества", в Калмыкии: "Мерги баатримуд", в Ставропольском крае: "Парни, это в наших силах!"; в Пермском военном институте внутренних войск МВД России — "Молодежь Прикамья".

Поможет и контакт с комитетами солдатских матерей. Так, члены комитета солдатских матерей города Северска четырежды побывали в Чечне с гуманитарным грузом, посылками и письмами от родителей и жителей города Томска, Северска, Ангарска, Зеленогорска. Личному составу, выполняющему служебный долг в СКР, был передан гуманитарный груз на сумму 600 тысяч рублей.

Нельзя забывать и об информационном обеспечении в воспитательной работе, использовании не только войсковых, но и местных, центральных средств массовой информации.

— Вы сказали о войсковых общественных организациях. Какова сегодня их роль? Стали ли они реальным рычагом воспитания военнослужащих?

— Благодаря умелому использованию воспитательных возможностей войскового актива, во многих соединениях и воинских частях улучшилось состояние воинской дисциплины и правопорядка, повысилась сплоченность воинских коллективов, качественно решаются служебно-боевые задачи.

Наиболее показателен опыт работы организаций войсковой общест-венности в войсковых частях 5580 (г. Тула), 6804 (г. Сыктывкар), 3702 (г.

Краснодар), 3496 (г. Челябинск), где принятыми мерами удалось значительно снизить количество происшествий и преступлений, повысить эффективность работы по укреплению воинской дисциплины и правопорядка.

Эффективно работают организации войсковой общест-венности войсковых частей 3273 (г. Озёрск), 5491 (г. Н.Новгород), 6531 (г. Иркутск), 3405 (г. Курск).

Заметное место в структуре организаций войсковой общест-венности занимают офицерские собрания, работа которых нацелена на обеспечение личной примерности офицеров, чести и достоинства, добросовестного выполнения воинского долга, чуткости и заботливого отношения к подчиненным. Например, советы офицерских собраний Приволжского, Сибирского, Северо-Кавказского округов, в войсковых частях 6531 (г. Иркутск), 3702 (г. Краснодар), 3033 (п. Персиановка), 3660 (г. Новочеркасск) много времени уделяют оказанию помощи молодым офицерам в их становлении и преодолении трудностей военной службы.

Большую роль в военно-патриотическом воспитании молодежи играют офицерские собрания войсковых частей 6653 и 6767 (п. Сосновка), 3476 (г. Красноярск), 3034 (г. Ростов-на-Дону).

— В этом году нашему журналу исполнилось 45 лет, помимо него есть в войсках и окружные газеты. Как вы оцениваете работу войсковых изданий?

Войсковая пресса может и должна быть надежным помощником офицера-воспитателя. Где, как не на страницах журнала и газеты, можно оперативно рассказать о примерах мужества и героизма, о жизни войск, проблемах, которые волнуют наших военнослужащих? С этой работой наши журналисты в погонах справляются. И не только в журнале. С положительной стороны хочется отметить работу редакций Приволжского, Сибирского округов и Северо-Кавказского военного института, которые в своих изданиях публикуют материалы по актуальным темам, пропагандируют передовой опыт лучших военнослужащих войск.

В то же время, на страницах нашего журнала и войсковых газет хочется видеть больше аналитических материалов, проблемных статей. Не везде и не всегда командиры видят в прессе своего надежного помощника.

— Работая в частях, приходится слышать мнения, что офицеры отделов по работе с личным

составом перегружены бумажной работой. И вместо работы с людьми им приходится заниматься бумаготворчеством.

Есть поговорка: "Кто хочет сделать дело — ищет способ, а кто не хочет — ищет причину". В тех воинских коллективах, где налажена система работы, этой проблемы не существует. И, наоборот, там, где хромает система воспитательной работы, а офицеры имеют серьезные упущения в работе — эту причину приводят в оправдание.

Есть соответствующие приказы и директивы и надо их выполнять.

Вместе с тем за последнее время управлением по воспитательной работе подготовлены и отправлены в войска рекомендации по оптимизации и качественному улучшению параметров воспитательной работы, которые значительно повысили ее действенность и практическую направленность. Мы пошли дальше. Во всех объединениях, соединениях и воинских частях имеется перечень вопросов, проверяемых по организации МПО. Определены основные направления: воинская дисциплина, воспитательная работа, социально-психологическая работа, социально-правовая работа, культурно-досуговая работа и информационное обеспечение, которые способствуют гармоничному развитию личности военнослужащего.

Другое дело, что существует проблема привлечения офицеров структур по работе с личным составом для выполнения несвойственных им задач. Между тем в приказе ГКВВ МВД России № 80-1999г. четко определено: "Не привлекать офицеров структур по работе с личным составом для выполнения не предусмотренных уставами обязанностей, в том числе к проведению дознаний". Для этого определены должностные лица, на которых возложены эти задачи.

— Какие перспективы у культурно-массовой работы в войсках? На что нацелена работа войсковых учреждений культуры в современных условиях развития материально-технической базы?

— Внутренние войска располагают достаточным потенциалом культурно-досуговых учреждений. Это два гарнизонных Дома офицеров, клубы и библиотеки, комнаты боевой славы (истории) части, которые проводят ежедневную воспитательную работу с военнослужащими. Особая роль принадлежит Центральному музею внутренних войск МВД России. Имеется также 14 музейных образований округов и военных-учебных заведений. Только в Московском округе сотрудниками

Центрального музея внутренних войск проведено более ста экскурсий для семи тысяч посетителей.

В условиях реформирования внутренних войск, при наличии серьезных проблем, связанных с поддержанием в соединенных и воинских частях твердого уставного порядка и воинской дисциплины, возрастает значение культурно-досуговой работы с военнослужащими, создания необходимых условий для восстановления их физических сил, душевного равновесия, более эффективного использования в воспитательном процессе возможностей войсковых учреждений культуры.

Войсковая практика показывает, что развитый в культурном отношении военнослужащий, усвоивший на уровне убеждений общепринятые нормы поведения, гораздо успешнее и эффективнее выполняет служебно-боевые задачи.

Поэтому приоритетными направлениями в культурно-массовой работе остаются: воспитание у личного состава средствами культуры и искусства безаветной преданности своему народу и Отечеству, верности конституционному и воинскому долгу; организация полноценного досуга личного состава в целях поддержания на должном уровне его физического и морально-психологического состояния.

Несмотря на сложную обстановку с финансированием, кадровые проблемы, учреждения культуры войск выполняют стоящие перед ними задачи.

— Как реформирование войск скажется на сложившейся системе морально-психологического обеспечения служебно-боевой деятельности, какие изменения в ней пришлось сделать, что изменится в ближайшем будущем?

— Основные направления реформирования системы воинского воспитания определены в "Основах государственной политики Российской Федерации по военному строительству на период до 2010 года". Ими предусмотрена и программа перехода Вооруженных сил Российской Федерации, других войск к единой системе воинского воспитания.

Осуществляется комплекс мероприятий по оптимизации и организационному укреплению, совершенствованию состава и структуры органов воспитательной работы. Создается система подготовки кадров воспитательных структур с высшим военным и военно-специальным образованием для замещения должностей в звене полк, бригада, дивизия.

При реформировании системы воинского воспитания в число приоритетных выдвигается развитие ин-

формационно-рекламного сопровождения военного строительства, создание информационно-пропагандистских и редакционно-издательских комплексов, военных средств массовой информации.

За последний год существенно изменился облик наших военных городков и казарм. Использование новых технологий в наглядном оформлении, создание телерадиоцентра и Интернет-сайта внутренних войск МВД России — все это предпринимается для оперативного информирования военнослужащих и совершенствования воспитательного процесса в соответствии с современными требованиями.

В ходе реформирования внутренних войск организовано выполнение мер по совершенствованию форм и методов морально-психологического обеспечения. В прошлом году нами разработана Целевая программа совершенствования МПО в ходе реформирования внутренних войск МВД России на 2002-2005 годы.

Главная ее цель — привести количественные и качественные параметры существующей системы МПО в соответствие со структурой, численностью и задачами внутренних войск МВД России. В ходе реализации программы предстоит решить три основные задачи:

первая — создать организационно-правовые условия для полного удовлетворения потребности воспитательной работы при рациональном использовании средств бюджета войска, выделяемых на ее осуществление;

вторая — повысить качество проводимой работы по воспитанию военнослужащих, привести уровень профессиональной подготовленности офицеров в соответствие с нормативными правовыми актами Российской Федерации и требованиями военно-профессиональной деятельности;

третья — повысить эффективность управления системой МПО войска.

А если говорить о перспективе, то основные усилия на период реформирования войск сосредоточиваются на совершенствовании системы воспитательной работы: воинского, государственно-патриотического и нравственного воспитания военнослужащих; учреждений социальной помощи и реабилитации; учреждений культуры, досуга и отдыха.

**Беседовал подполковник
Андрей МАКАРОВ**

85 лет

Старейшей части внутренних войск, главному полку Московского округа ВВ МВД России, в апреле 2003 года исполняется 85 лет.

Его боевой путь неразрывно связан с историей войск, почти с момента их основания и до сегодняшнего дня.

Традиций огонь негасимый

Отсчет с 18-го

День части в Минском ордене Кутузова и Александра Невского полку внутренних войск принято отмечать 20 апреля. Именно в этот день в 1918 году приказом народного комиссара по военным делам № 284 была создана Московская команда конвойной стражи.

Но история ее началась задолго до того, как в молодой Республике Советов были учреждены конвойные войска. К тому времени подразделение существовало уже 32 года.

Справка: 6 августа 1864 года Отдельный корпус внутренней стражи, образованный в 1811 году, был упразднен. Его обязанности возложены на местные и резервные войска.

Однако жизнь показала, что внутренняя служба (караульная и конвойная) требует выделения специализированных сил, их определенной подготовки и навыка. Государственная комиссия, созданная для выработки предложений по преобразованию внутренней службы, пришла к заключению о необходимости реорга-

низации всего тюремного дела, а также освобождения армии от окарауливания тюрем и создания особого вида военных команд, тождественных существовавшим тогда 63 конвойным командам.

20 января 1886 года по высочайшему повелению было предписано сформировать в течение года 567 конвойных команд, освободив местные войска от обязанности сопровождать арестантов. Расходы по содержанию команд возлагались на МВД, а все организационные мероприятия — на Военное министерство.

В этот же день решением Государственного совета России была создана московская конвойная команда. Местом ее дислокации определена Бутырская тюрьма, а задачами — «принятие и провожание преступников, арестантов, пленных и рекрутов, охрана тюрем, поимка беглых, ушедших преступников и дезертиров».

В годы Первой мировой войны она, как и другие конвойные команды, оказывала помощь действующей армии отправкой части своего личного состава на фронт, перевозила солдат и сопровождала иностранных подданных,

конвоировала военнопленных и охраняла перевозимые грузы.

В феврале 1917 года ее солдаты и офицеры во главе с последним командиром штабс-капитаном Кириком Кропачевым, вняв приказу главного инспектора по пересылке арестантов и заведующего пересыльной частью Главного штаба генерал-майора Николая Лукьянова, проявили лояльность по отношению к Временному правительству и перешли на сторону революции.

В октябре семнадцатого они, как и бойцы петроградской и других конвойных команд, поддержали большевиков. Командиром образованной на ее базе в апреле 1918-го новой команды был назначен все тот же Кирик Кропачев. Помимо выполнения основных задач по конвоированию арестантов бойцам подразделения поручили охрану Краснопресненского совета рабочих и солдатских депутатов, а в Гражданскую войну — службу по охране общественного порядка в Сушевском-Марьинском районе Москвы.

В ноябре 1922 года Московская команда конвойной стражи была преобразована в 1-й мос-

ковский конвойный полк, который в 1935 году получил наименование 236-го конвойного полка войск НКВД. С этим названием часть дошла до сегодняшнего дня.

В лихую годину

Довоенная история полка особыми событиями не отмечена. Его караулы, как и прежде, конвоировали заключенных и охраняли объекты в Москве, патрульные наряды оказывали помощь милиции в охране общественного порядка на улицах и площадях столицы. Но что примечательно, в числе охраняемых полком объектов значатся знаменитые Бутырская, Таганская и Лефортовская тюрьмы. В августе-сентябре 1932 года военнослужащие части участвовали в тушении пожаров на подмосковных торфяниках, которые горят уже, оказывается, более 70 лет.

Яркой строкой в историю войны и внутренних войск вписана служебно-боевая деятельность полка в годы Великой Отечественной.

В числе первых, как и легендарные защитники Брестской крепости, вступили в нее 10 конвоев части. 22 июня 1941 года уже в 7.00 один из караулов получил задачу принять под охрану Дом правительства, здание ЦК компартии Белоруссии и телеграфную станцию в Минске.

Не раз отличались бывшие конвоиры в боях с немецко-фашистскими захватчиками. Бесстрашно и стойко защищали они каждую пядь родной земли.

Полковые снайперы, которые в числе первых поддержали широко развернувшееся снайперское движение, уничтожили почти целую гитлеровскую дивизию. Об их боевых подвигах не раз писали "Красная звезда" и фронтовые газеты.

Особенно отличился личный состав полка в наступательных операциях Красной Армии 1943-1945 гг. В числе 18 соединений и частей внутренних войск, удостоенных за годы Великой Отечественной орденов и почетных наименований, был и 236-й полк. За участие в освобождении столицы Белоруссии в июле 1944 года ему присвоено наименование "Минский". 12 августа 1944 года за мужество и героизм, проявленные при форсировании реки Неман, часть награждена орденом Александра Невского. А в 1945 году за овладение крепостью Кенигсберг и проявленные при этом доблесть и мужество на Боевом знамени полка засверкала вторая награда — орден Кутузова III степени.

По окончании войны с фашистской Германией личный состав части участвовал в разгроме милитаристской Японии, внося свою лепту в победное заверше-

ние Второй мировой войны.

Но "минчане" не только воевали. В суровую годину в составе сводного правительственного полка войск НКВД они несли службу по охране ялтинской встречи "Большой тройки". А в июле 1944 года участвовали в сопровождении 57 тысяч военнопленных по Москве.

Особой страницей в боевую биографию полка вписано конвоирование в феврале 1943 года из Сталинграда в Москву пленных немецких генералов и офицеров. Согласно донесению командующего войсками Донского фронта в результате разгрома окруженной сталинградской группировки противника их было захвачено более 2,5 тысячи (генералов — 24). Среди них — командующий 6-й немецкой армией генерал-фельдмаршал Фридрих Паулюс и начальник штаба генерал-лейтенант Артур Шмидт.

В память о лихолетье сороковых военнослужащие полка соорудили на территории части памятник и зажгли вечный огонь.

Под знаком реформ

В послевоенный период личный состав Минской орденов Кутузова и Александра Невского части успешно выполнял служебно-боевые задачи, в повседневной

службе и учебе приумножал боевую славу своих отцов. Сопровождение военнопленных, подлежащих репатриации, в Германию в 1948 году, конвоирование осужденных и подследственных, охрана пунктов по обмену денег в 1961 году, обеспечение общественного порядка и безопасности при встрече первых космонавтов, во время Фестивалей молодежи и студентов 1957 и 1985 годов, XXII летней Олимпиады 1980 года, ликвидация последствий стихийных бедствий, охрана военных складов и объектов. Пожалуй, нет задач, определенных ныне Законом "О внутренних войсках", которые не доводилось бы в свое время выполнять личному составу 236-го полка.

Последнее десятилетие для него, как и для всех войск, прошло под знаком реформ и участия в контртеррористических операциях на Северном Кавказе.

В 1995 — 1996 годах функции конвоирования и обеспечения судебных заседаний переданы подразделениям ГУИН Минюста. Кажалось, конвойная история полка безвозвратно канула в Лету. На базе конвойного батальона был сформирован батальон оперативного назначения, который сразу же убыл в Чечню. Но нет. Опыт охраны подсудимых и осужденных пригодился в 1999 году. Новый Уголовно-процессуальный

кодекс разрешил осужденным, обжалующим приговоры судов в вышестоящих инстанциях, присутствовать на заседаниях Верховного суда во время рассмотрения их дел.

— Возложить задачи по обеспечению судебных заседаний Верховного суда на другие ведомства законодателя забыли, — говорит начальник штаба полка подполковник Анатолий Айвазян. — Тогда-то и вспомнили, что задача судебного конвоирования с внутренних войск не снята. Пришлось вновь формировать конвойную роту. Ввиду особой важности службы в ней комплектовали ее лучшими из лучших солдатами. Существовала она два года до сентября 2002 года. И всегда была на хорошем счету.

А что же батальон оперативного назначения? Он как в первую, так и во вторую чеченскую кампанию выставлял сторожевое охранение, заставы, подвижные КПП, осуществлял инженерную разведку местности и обеспечивал выход мирного населения из районов проведения спецопераций и боевых действий. По дорогам мятежной Ичкерии он прошагал бок о бок с подразделениями софринской бригады и ни в чем им не уступал. К сожалению, 10 бойцов не вернулись из ставшего для них последним боя. Это сержант Олег Шишков, рядовые Юрий Кузнецов, Константин Борноволок, Алексей Семилетов, Виталий Нигматулин, Вячеслав Исламов, Валерий Яценко, Антон Круглов, Евгений Гладников и Максим Брюхов.

В память о погибших товарищах 8 ноября 1997 года при участии Московской патриархии и лично протоиерея отца Домиана на территории части открыта часовня Святого Великомученика Георгия Победоносца.

Рядовой Юрий Кузнецов 22 августа 1997 года приказом министра внутренних дел России навечно зачислен в списки части. "25 августа 1995 года в ходе спецоперации в Старопромысловском районе Грозного, во время боя с превосходящим противником, был смертельно ранен. Из последних сил бросил гранату и подорвал боевиков, не допустив их прорыва через свою позицию", — записано в наградном листе,

оформленном на отважного солдата.

В конце 2002 года батальон оперативного назначения передан в состав одного из соединений Московского округа внутренних войск.

Сегодня 236-й полк скорее напоминает войсковую комендатуру с подразделениями обеспечения деятельности управления округа, окружным оркестром и ансамблем песни и пляски, гарнизонным клубом и лазаретом.

— Может быть, преобразование части в комендатуру и привело бы в соответствие форму и содержание (название и выполняемые задачи), — говорит бывший офицер полка, ныне сотрудник Центрального архива внутренних войск подполковник Сергей Лашкевич, — но, как считают ветераны, секрет преемственности поколений и традиций состоит именно в сохранении исторического наименования части.

Верность традициям

Рассуждения ветеранов понятны. Ведь для большинства из них служба в части стала жизненной школой. Многие здесь получили военную закалку, выросли до командиров частей, соединений и работников вышестоящих штабов.

— 36 воспитанников полка стали генералами, — говорит старейший сотрудник Центрального архива внутренних войск и ветеран части Василий Кривец. — Это генерал-лейтенанты Иван Ганусенко, до недавнего времени начальник внутренних войск Украины, Лемар Панкратов — бывший замначальника войск МВД Союза ССР по тылу, Герой Советского Союза Василий Гаришный, Валерий Соболев, генерал-майор Илья Власенко, служивший в свое время у нас и впоследствии ставший Героем Советского Союза, нынешний заместитель начальника автомобильного управления войск генерал-майор Тагир Эминов и многие другие.

Часть богата спортивными традициями. Достаточно сказать, что в свое время в штате полка состояла одна из динамовских команд. Здесь служили именитые спортсмены: хоккеисты Александр Мальцев и Валерий Васильев, чемпио-

ны мира, Европы и Союза по пулевой стрельбе Дмитрий Григоришин и Владимир Севрюгин, титулованный борец греко-римского стиля Николай Балбошин. Волейбольная команда полка неоднократно первенствовала в чемпионате Москвы. Словом, нам есть чем и кем гордиться.

Традиции бережно хранят остающиеся и по сей день в полковом строю ветераны — «минчане» Александр Воронин, Андрей Бондарь, Нина Мальцева, Иван Гайдуков. Воспитанию нынешнего поколения воинов они отдают все свои силы и энергию.

— Двери подразделений всегда открыты для них, — говорит заместитель командира полка по работе с личным составом подполковник Юрий Куис. — Наши ветераны — желанные гости не только на торжествах по случаю праздников, но и в служебные будни. Они охотно делятся своим опытом с офицерами, прапорщиками и солдатами.

Больше 25 лет, к примеру, прослужила начальником секретного делопроизводства прапорщик Наталья Филиппова. В прошлом году ее проводили на заслуженный отдых. С тех пор не было еще ни одной недели, чтобы она не появилась на прежнем рабочем месте. Где добрым советом, а где и делом помогает она своим молодым коллегам.

Председатель совета ветеранов части Евгений Пенкин рассказал о Валентине Морозовой:

— Когда она была старшим врачом части, знала не только о том, кто из военнослужащих полка чем болеет, но еще и, как домашний доктор, обо всех болезнях членов семей офицеров и прапорщиков. Валентина Ивановна помнит о бычках ветеранов и по сей день. Опекает их, лечит, может даже, используя прежние связи, ускорить госпитализацию тех, кому это необходимо для стационарного обследования или лечения в госпитале.

Достойные продолжатели традиций отцов и дедов служат в полку и сегодня. Молодым лейтенантом в 1984 году пришел в часть Сергей Зотов. Сейчас он подполковник, заместитель начальника штаба полка. Прошел все ступени служебной лестницы, от командира взвода до комбата.

— Мне предлагали вышестоящие должности, неплохую работу в других ведомствах, — говорит Сергей Афанасьевич. — Но я прирос к этому полку, что называется, всем телом. Здесь прошло мое офицерское становление, здесь уже и я воспитал не одно поколение солдат и офицеров. Традиции части, добрые отношения с ветеранами мне очень дороги.

По мнению командира полка полковника Виктора Евсюкова, особой благодарности заслуживают проработавшие в части не один десяток лет старшие прапорщики Анатолий Савотин и Татьяна Аскольдова, среди молодых офице-

МИНСКАЯ ОРДЕНОВ КУТУЗОВА И АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО ЧАСТЬ

ров есть грамотные специалисты и сегодня. Это капитан Алексей Бокарев, старший лейтенант Виктор Суставов.

Настоящей хранительницей русских народных обычаев, традиций армии и внутренних войск в полку по праву является инструктор гарнизонного клуба прапорщик Людмила Корытова. В 1969 году она пришла в полк. Сколько командиров сменилось за это время, но каждый из них после знакомства с ней, стилем ее работы, говорил: "Людмила Ивановна, только не увольняйтесь. Послужите еще немного, хотя бы пока я командую полком".

Празднование святок и маслениц с колядками и блинами, всевозможными конкурсами и народными забавами стали обязательными и ежегодными. На них приглашают гостей из других частей Московского гарнизона, школ и организаций московского района Богородское.

Участвуют в конкурсах и колядуют все, невзирая на чины и звания, так: может зажечь людей своей энергией массовик-затейник Корытова.

— Во-первых, такие мероприятия спланивают людей, — говорит Людмила Ивановна, — а во-вторых, я всегда хотела, чтобы солдаты, да и офицеры, как можно чаще соприкасались с нашей историей и традициями, чтобы они сохранили память не только о трудовых буднях, но и о прекрасном отдыхе. У меня была мечта, — продолжает она, — провести в полку настоящий бал, как во дворцах в эпоху Петра и Екатерины. Она сбылась. Я назвала тот бал "Виват Россия!". Собрала инициативную группу ребят, пригласила девочек из местной школы, отец Домиан, настоятель нашей часовни, помог достать настоящие военные мундиры русской кавалерии. Я разучивала с солдатами полонез (им открывали бал), мазурку. Ребята, переодетые в гусар, драгун и улан, входили в зал под руку с красавицами в пышных платьях, манерничали. Это было потрясюще.

Людмила Ивановна готовит и проводит всяческие конкурсы, викторины и игры КВН, литературные вечера, разного рода интеллектуальные исторические посиделки и еще много разных позна-

вательных и увлекательных мероприятий. При этом она откапывает такие факты, которые не то что для солдат, для многих офицеров становятся открытием. Например, почему говорят "душа нараспашку" и как это связано с появлением козаков. Или почему боевые знамена называют святыми стягами. Или о том, что воинские ритуалы зародились в незапамятные времена, когда четырехлетнего Святослава посвятили в воины, привязав ему к поясу саблю и усадив на коня.

Словом, пока трудятся в полку такие энтузиасты, традиции русского воинства не умрут. Пока живы наши ветераны, их будут передавать от поколения к поколению и записывать в истории полков, соединений и войск, в историю России.

**Подполковник
Ринад АРИБЖАНОВ**

Моряки снова вместе

Кто сказал, что зимой моряки отдыхают?! Гражданские — там, где лед сковывает водоемы и по реке можно пройтись разве что на лыжах, — не исключено. Но и то сомнительно. А вот военные точно нет. Они не только продолжают выполнять служебно-боевые задачи, которые в зимний период никто не отменяет, но и учатся. Формы учебы могут быть разными. Например, сборы.

В ПРОШЛОМ номере нашего журнала мы рассказывали об очередном, юбилейном сборе водолазных специалистов и врачей-специфизологов морских воинских частей ВВ МВД РФ, который состоялся в конце января на базе дома отдыха ГУВД Москвы “Березовая роща”. Прошло немногим больше двух недель, и наши моряки снова собрались вместе. На этот раз на учебно-методический сбор начальников морских служб округов, соединений и командиров морских воинских частей и подразделений внутренних войск МВД России.

Войсковые моряки приехали в Санкт-Петербургское ЗАО “Редан-КБ”, чтобы поделиться друг с другом своими достижениями, проблемами и опытом, обсудить и выработать единое понимание в вопросах, связанных с организацией боевой службы и выполнением задач по охране общественного порядка, качеством боевой и специальной подготовки, полнотой и своевременностью регламентных работ, обеспечением безопасности военной службы, проведением водолазных работ и их техническим обеспечением.

ЗАО “Редан-КБ” не случайно выбрано местом очередных сборов. Кроме всего прочего, на этом крупнейшем российском предприятии изготавливают малые сторожевые катера, которые поступают на вооружение морских подразделений внутренних войск. Это проекты “Мустанг”, “Хивус”, “Редан-

550”, “Редан-600”, оснащенные мощными двигателями “Звезда”, “Джонсон”, “Меркурий”, которые позволяют катерам развивать скорость до 100 километров в час. К слову сказать, катера серии “Редан” стали призерами в своем классе на всемирной выставке маломерных судов, проходившей в 2000 году в Анталии.

Но и это еще не все. Участников сбора провели в цех, в котором заканчивается строительство самого мощного катера из серии “Редан” — “Редан-1000 МВД”, специально сконструированного для внутренних войск. Этот катер, оснащенный двумя двигателями “Меркурий” по 250 лошадиных сил каждый, с полным вооружением на борту, тремя членами экипажа и осмотровой группой до десяти человек будет способен развивать скорость до 120 километров в час, а его мореходность составит до 4 баллов. Участники сбора высказали пожелание, чтобы такие быстроходные и маневренные катера как можно скорее поступили во все морские части внутренних войск, а не только в звено сторожевых катеров, охраняющее Ленинградскую АЭС.

Жаркие дебаты развернулись на сборе по вопросам переработки существующих программ боевой и специальной подготовки офицеров, мичманов, старшин и матросов морских воинских частей, а также курсантов учебных подразделений. Это и понятно — актуальность поднятой проблемы вызвана тем, что с каждым годом на воору-

жение морских частей поступает все больше и больше новейшей техники, оборудования и снаряжения, а учебные программы заметно отстают, так как ориентированы на старые образцы. И кроме того, жизнь диктует необходимость готовить моряков по новым военным специальностям.

С большим интересом войсковые морские специалисты заслушали доклады по проблемам повышения надежности охраны ВГО со стороны акватории, по морской противодиверсионной обороне объектов, по особенностям несения боевой службы морскими подразделениями при выполнении задач по охране ВГО на коммуникациях, по организации и проведению водолазных работ на охраняемых объектах.

Подводя итоги сбора, начальник морского отделения ГКВВ МВД России капитан первого ранга Владимир Стракович особо подчеркнул, что за время работы войсковые моряки по-деловому обсудили наиболее и длительное время неразрешаемые вопросы и в конечном итоге выработали единое понимание насущных проблем, связанных с боевой службой, содержанием и эксплуатацией плавсредств и техники, а также подготовкой по специальности.

**Подполковник
Николай КАЗАКОВ**
Фото автора

ПРАВНУКИ ПЕРЕСВЕТА

За минувший год части Московского округа внутренних войск, выполняющие служебно-боевые задачи в Чеченской республике, получили высокую оценку Главного командования войск. Отдельный разведывательный батальон "Пересвет" Московского округа, которым командует подполковник Николай Осипов, в свою очередь, был признан лучшим не только в группировке внутренних войск, но и среди всех частей на Северном Кавказе. Рассказ о боевых буднях в Чечне солдат и офицеров "Пересвета" мы предлагаем вниманию наших читателей.

Закономерный финал

Засада была выставлена загодя. Группа старшего лейтенанта Владимира Смирнитского оказалась в селе, лишь только стали стучаться серые летние сумерки. Когда же в антрацитово-черном небе забрезжил рассвет и вдалеке едва слышно зарокотали моторы подъезжавших "коробочек", бойцы отдельного разведывательного батальона "Пересвет" уже давно обосновались в нескольких полуразрушенных домах на окраине села. И позже, когда войска блокировали все подступы и въезды, а само село неспешно и тщательно шерстили омововцы, разведчики ничем не обнаружили своего присутствия близ неприметной тропинки у самой зеленки, словно давая шанс "духам" улизнуть из окружения.

Ожидания "пересветов" подтвердились.

Моджахед выскочил прямо на Андрея. Какую-то долю секунды че-

ченец оторопело смотрел на прапорщика, но тут же истошно завопил извечное: "Аллах акбар!" — и вскинул автомат.

Треск очереди распорол тишину. В черной воронке дула затрепетал прозрачный огонь, однако за мгновение до этого Андрей метнулся на землю, стремительно откатываясь в сторону.

Выпустив весь магазин, "дух" бросился наутек в спасительную зеленку. Вслед ему ударили автоматы Андрея и Владимира. Туда же секундой позже устремились выпущенные из подствольников гранаты, звучно ахнув в глубине зарослей.

Труп моджахеда отыскивали уже после окончания зачистки. Как водится, его передали особистам. А спустя несколько дней последние поведали "пересветам", что убитый был не кто иной, как известный полевой командир Руслан Байраев. Еще с первой войны у контрразведчиков хранились пленки, на кото-

рых ныне покойный Байраев напиказ, перед камерой расстреливал попавших в плен солдат, отрезал головы офицерам и контрактникам.

Впрочем, разведчиков встреча с Байраевым не удивила. Информация о том, что в означенном селе время от времени появляются боевики из ближайшего окружения Хаттаба, имелась у "пересветов" давно.

Особое подразделение

Отдельный разведывательный батальон Московского округа внутренних войск "Пересвет" был создан в июне девяносто седьмого, спустя неполный год после окончания первой чеченской кампании. Тогда, научившись на опыте горьких потерь недавней войны, командование войск решило создать подразделения, способные в короткий срок и без потерь выполнять узкий круг специфических задач, действуя в самых сложных боевых усло-

ние. Сироты, призывники из неполных семей, а также имеющие какие-либо отклонения в здоровье, больных или престарелых родителей на попечении с ходу получают отказ. В их число попадают и те, кто находился не в ладах законом: имел судимость или приводы в милицию. Как правило, из сотни призывников отбирают не

Основа всему

Главная задача разведки — сбор информации о противнике. Способы ее получения разнообразны. Информацию добывают скрытым наблюдением за определенным объектом, будь то какое-либо село или отдельно взятый человек. Ее вылавливают в радиоперехватах, анализируя выхваченные из переговоров боевиков отдельные, на первый взгляд ничего не значащие фразы. Ценными сведениями делются и «кролики» — так окрестили разведчики пленных «духов».

Информация — основа всему.

Именно она позволяет проникнуть в хитроумные замыслы боевиков, упредить их очередной удар в спину войскам. Сорвать ночной налет на заставу или КПП. Пресечь подрыв армейской колонны. Предотвратить захват стратегически важного населенного пункта. И самое главное — еще глубже понять и изучить волчьи повадки и тактику «непримиримых», научиться так же дерзко и умело заставить их врасплох.

виях. Разведподразделения как раз из их разряда. Именно они во многом определяют исход любых крупномасштабных боевых действий.

Так появился «Пересвет». Ему пришлось начинать практически с нуля. Зачастую специальное снаряжение и прочее, необходимое для боевой учебы и подготовки разведчиков, офицеры закупали на собственные деньги, выкраивая их из невеликого семейного бюджета. Работали по двадцать четыре часа в сутки, напроць забыв о выходных и маломальском отдыхе. Но это стоило того. Уже через пару лет батальон превратился в слаженное боеспособное подразделение, способное дать фору иному бывалому спецназу.

Здесь, как и в других специальных подразделениях, существуют свои традиции. Одна из них — сдача экзамена на право ношения спецформы и берета. Берета, правда, не крапового — зеленого, но сдача на него немногим уступает испытаниям, выпадающим на долю «краповиков». Допускаются к ней лишь лучшие из лучших.

Отбор в разведку проводится на добровольной основе. Как правило, он начинается еще на городских сборных пунктах. Прибывший за пополнением офицер подробно объясняет желающим попасть в подразделение все нюансы будущей службы: ежедневные многокилометровые кроссы и марш-броски, бесконечные полевые выходы и учения, командировки на войну... После того как часть кандидатов в разведку дает задний ход, с оставшимися проводится собеседова-

больше десятка. После, по прибытии в часть, отсеивается. К первому экзамену — на право ношения специальной формы допускается не более сорока процентов.

В Чечню из разведбата отправляют на добровольной основе. Каждый изъявивший желание ехать в командировку пишет рапорт на имя командира, после чего местный «совет старейшин» во главе с командиром батальона тщательно рассматривает каждую кандидатуру. Если возникают сомнения в надлежащей подготовленности бойца, последнего немедленно исключают из списков. Даже самое горячее желание солдата не влияет на решение командиров — на войну посылают лишь тех, кто способен выжить и победить при любом раскладе.

Еще одна засада

— Кобра — Лесовику. Наблюдать движение справа от перекрестка.

— Понял, отработай.

Команда «отработай» означала необходимость выяснить, кто объявился по соседству с разведчиками. Нарушителями спокойствия в равной степени могли оказаться

как бездомные собаки, стаями шнырявшие по ночному городу, так и те, на кого уже не первые сутки охотилась группа Лесовика.

В этот раз "пересветы" облюбовали для засады перекресток двух улиц на окраине Грозного. Город, шумный и оживленный днем, ночью казался вымершим. С наступлением темноты здесь начиналась другая жизнь, наступала полная смена масок и декораций.

Добродушный шашлычник с центрального рынка в этот час шел закладывать фугас на маршруте войсковой колонны. Работяги из местного автосервиса, достав из тайника автоматы с подствольниками, скрытно подбирались к ближайшему КПП. Несколько чеченских милиционеров, патрулировавших днем окрестные улицы, начинали взрывчаткой неприметную легковушку, чтобы под утро подогнать ее к городской комендатуре. Все они чувствовали себя неуязвими охотниками, расставляющими капканы на обреченную дичь.

...Неслышно ступая, Кобра приблизился к объекту.

"Есть контакт!" — Сквозь прибор ночного видения старший лейтенант явственно различил несколько человеческих фигур. Сомнения исключались.

— Вперед, мужики! — получил сообщение заместителя, скомандовал бойцам Лесовик.

Маневр был отработан до автоматизма: неслышно подобраться к "духам", взять их в кольцо и мгновенно уничтожить, а если повезет — еще и захватить пару-тройку языков. Однако в этот раз подвела погода: недавно прошедший дождь превратил землю в вязкое месиво. Группа уже приблизилась к "фугасникам" почти что вплотную, когда под ногами у одного из бойцов предательски чавкнула грязь.

— Кто здесь?!

Выждав пару секунд, один из моджахедов дал короткую очередь на звук. В следующее мгновение справа ударили огненные трассы разведчиков, опрокидывая на землю незадачливого "воина Аллаха".

— Всем лежать!.. Руки за голову! — рявкнул Лесовик, длинной очередью отрезая боевикам путь к отступлению.

"Духи" вновь огрызнулись огнем. В ответ со всех сторон загрохотали автоматы "пересветов". Одна из пуль угодила прямо в злосчастный фугас, и в следующий миг

мощный взрыв превратил бандитов в ошметки из мяса и костей...

Универсальные солдаты

Разведчики на войне незаменимы в любой ипостаси. Помимо поисков, засад, рейдов за языками им приходится выполнять и роль обычных стрелков. С одной стороны, это выглядит, как забивание гвоздей с помощью микроскопа, с другой же, толк от подобных "отступлений от темы" огромен. Ибо подготовка разведчика вдвое-втрое превосходит подготовку обычного солдата из линейных подразделений.

Даже к такому заурядному мероприятию, как сопровождение колонны АРСов или прикрытие на маршруте братишек-саперов, "пересветы" относятся со всей серьезностью. Во много раз точнее, нежели бойцы иных подразделений, до мельчайших подробностей просчитывают они все нюансы предстоящих действий. Например, наиболее удобные места, откуда боевики могут влегкую обстрелять войсковую группу и по-быстрому ретироваться. Потому накануне выхода офицеры, прапорщики и пяток самых матерых контрактников собираются на "совет старейшин".

— Я бы на месте "духов" здесь обосновался, — тычет в карту один из разведчиков. — Дорога тут как на ладони, за спиной — завод и зеленка. Долбанул по колонне и сваливай себе незаметно через корпуса.

— А я бы сюда двинул, — возражает ему другой, указывая на сантиметр левее. — Тут, за забором, цех бывший, его хрен какая пушка возьмет. К тому же напротив на дороге выбоина с полметра глубиной. После дождичка ночного самое милое дело туда фугас заложить — под водой ни одна собака не учует. Дождалься колонну и рви себе на здоровье. И уходить опять же сподручнее: за соседним корпусом, в зеленке, дорога есть, машину подогнать можно. К тому же здесь группа Хамхоева хозяйничает, а он как раз любитель в лужи сюрпризы прятать.

Так случилось и на этот раз. Едва головной дозор инженерной разведки поравнялся с местом закладки фугаса, моджахеды тут же привели адскую машинку в действие. Не давая "неверным" опомниться, "волки" обрушили на них шквал огня.

Старший группы торжествовал.

В его распоряжении была почти минута, за которую можно было "замочить" с десяток русских, после чего, привычно спрятав оружие в оборудованный неподалеку схрон, раствориться среди безбрежной зеленки и пустых заводских корпусов. Все было продумано до мелочей: раннее утро, когда в самом начале маршрута солдат еще клонит в сон, густые заросли, в которых с ходу невозможно вычислить огневые точки противника, знакомая, исхоженная вдоль и поперек местность.

...Лишь только рванул заряд и из зеленки застрекотали очереди вперемежку с приглушенными хлопками подствольников, старший лейтенант Александр Огневцев среагировал мгновенно: прочно забитые в под сознание навыки бросили тело на землю, руки как бы сами собой вскинули автомат, а взгляд цепко вонзился в зеленку, выискивая укрывшихся там чеченских стрелков. То же самое одновременно с командиром проделал и контрактник Владимир Шаманов и остальные бойцы.

"Духовская" засада оказалась там, где и предполагалось. Подобный расклад был отработан группой Огневцева еще накануне, потому уничтожение противника было лишь делом времени.

— Работаем по вспышкам!

Поймав в прорезь прицела бледный трепещущий огонек в зарослях напротив, Александр нажал на спуск. Еще и еще. Рядом дробно, словно рассыпавшийся горох, ударили автоматы рядовых Паникоровского, Хатарова и Мамакина. Две соседние точки обрабатывал Шаманов, в паре с пулеметчиком рядовым Куликовым.

Огонь из зеленки прекратился.

— Вперед! — скомандовал Огневцев.

Двумя группами разведчики устремились в зеленку. Перебежав дорогу, еще раз, для подстраховки, жახнули по кустам.

Место "духовской" засады было обильно усыпано пустыми гильзами. Тут же краснела свежая кровь. В одном месте ее натекла целая лужа, чуть дальше на траве также блестя темные, напоминавшие смородиновый сок капли.

— Ушли, — подвел итог Огневцев. — И судя по следам, как минимум с одним "двухсотым".

— Значит, оружие спрятано где-то здесь, — на лету подхватил мысль командира Шаманов.

Предположения разведчиков оправдались. Через несколько минут Шаманов и Куликов обнаружили схрон с шестью автоматами с подствольниками, двумя пистолетами Макарова и солидным количеством боеприпасов.

Военная хитрость

О любом деле судят по его результатам. На войне он определяется прежде всего нанесенным уроном противнику. За прошедший год моджахеды не раз выходили по рации на частоты федеральных войск, называя бешеные суммы за любую информацию о "пересветах". И это не удивительно.

Почти все результаты работы разведчиков не одно десятилетие хранятся под грифом "Секретно", однако даже сухие сведения, предоставленные в штабе отдельного разведывательного батальона, впечатляют, в том числе самых законченных скептиков.

"...Группой капитана N был обнаружен схрон, в котором находилось: два РПГ-22 ("Муха"), один РПГ-7, два АК-74..." "Группой старшего лейтенанта ... был обнаружен тайник с четырьмя радиостанциями "Алинка", двумя радиостанциями "Кенвуд", радиоуправляемым фугасом и пультом к нему, тремя подствольными гранатометами ГП-25..." "В ходе разведывательно-поисковых мероприятий обнаружено 150(!) килограммов пластида, спрятанного в бидонах из-под молока, 64 артиллерийских снаряда, гранатомет РПГ-22 с выстрелами к нему..."

Большинство операций "Пересвета", как и других подобных спецподразделений внутренних войск, огласке не подлежат. Из всех разнообразных уловок разведчиков я поведаю лишь об одной, самой безобидной — подвизание КПП.

Не открою секрета, если скажу, что сегодня стационарные КПП и опорные пункты войсковых подразделений не в состоянии перекрыть все пути боевиков. Например, в Грозном последние давно уже изыскали не один окольный путь, в обход армейских и омовских блокпостов. Этими же потаенными тропами пользуются и "спонсоры" моджахедов — нелегальные торговцы бензином.

Разведчики не стали изобретать велосипед, поступили, как говорится, простенько и со вкусом. Поса-

див на бэтээр десяток бойцов во главе с офицерами, отправились в рейд по Грозному. Выберут несколько неприметных улочек и стоят на каждой из них последовательно по нескольку часов. Как правило, редкий день проходит без улова: ничего не подозревающие "бензиновые короли", перевозчики оружия, а то и мелкие группы боевиков сталкиваются с "пересветами" лоб в лоб. И остается "вайнахам" довольно скудный выбор: либо прямоком отправляться на небеса, к Аллаху, либо выползть из машины с поднятыми руками. В большинстве случаев чеченцы предпочитают второе — куда тут рыпнешься, когда тебе в лоб пулеметы башенные уткнулись да вдобавок десяток спеццов тебя на мушке держат? А жить-то охота! К тому же в России (слава Всевышнему!) пока еще мораторий на смертную казнь действует...

Блеск и нищета войсковой разведки

На "зимовку" в ППД батальон вернулся в конце ноября, отвоевав в Чечне более полугода. Вернулся, чтобы вновь ежедневно изнурять себя бесконечными стрельбами, полевыми выходами, учебными заездами и боями, шлифуя выучку, поднимаясь на очередную ступень ратного мастерства. Пять "тыловых" месяцев — срок относительно небольшой для решения накопившихся задач. Подготовить из молодого пополнения, пришедшего на смену дембелям, матерых, натасканных спеццов. Залатать потрепанную, давно выслужившую свой срок технику. Провести скрупулезную "работу над ошибками", дабы избежать потерь в будущей полугодовой командировке.

За пятилетний срок своего существования разведбат доказал право называться элитным спецподразделением, равно как и то, что для солдат и офицеров "Пересвета" не существует невыполнимых задач и нерешаемых проблем. Даже тех, решать которые, к слову сказать, должно не только командование батальона.

Например, для подготовки полноценного бойца-разведчика требуется энный перечень специального снаряжения и определенная учебно-материальная база. Как и любому спецподразделению подобного уровня, "Пересвету" нужна и учебная рота, где молодое попол-

нение должно получить первичные навыки спецназовца. Не последнюю роль играет и так называемый статус подразделения. Например, в других частях специального назначения по штату предусмотрены звания на ступень выше: командир взвода — капитан, роты — майор... Здоровый карьеризм присущ каждому нормальному офицеру, и порой нелегко оставаться вечным капитаном, когда твои ровесники-однокашники давно уже носят подполковничьи погоны.

Со снаряжением и обмундированием вопрос стоит особенно остро. Взять, к примеру, ветровлагозащитный костюм "Горка". За три месяца командировки, после ежесуточного лазания по горам и зеленке он превращается в лохмотья. Не выдерживают специфики работы разведчиков и хваленые армейские ботинки — берцы. Такая же история и со специальным снаряжением. Вот и закупают все это офицеры, прапорщики и солдаты на свои кровные. Получат "боевые" и добрую часть — "на служебные нужды". Благо за минувший чеченский период этих самых "боевых" денег батальону насчитали по максимуму.

Обреченные на победу

Много веков назад дружина московского князя Дмитрия Донского разгромила на Куликовом поле монголо-татар. Начало этой великой битвы ознаменовалось победой русского ратника Пересвета над монгольским батыром Челубеем. Названный в честь героя Куликовской битвы, отдельный разведывательный батальон Московского округа внутренних войск, как и его далекий предшественник, сегодня стал первым из тех, кто находится на острие чеченской войны.

Впрочем, дело не в названии, а в людях. Офицерах, прапорщиках, солдатах — тех, на ком держится разведка.

**Лейтенант
Константин АЛЕКСЕЕВ**
Фото автора

Фамилии, позывные, места проведения операций изменены.

Рождение "ДИНАМО"

На всех этапах строительства войск вопросам развития физической культуры и спортивно-массовой работы уделялось и уделяется самое пристальное внимание. Ибо высокая физическая подготовка была и остается неотъемлемым качеством воина внутренних войск.

О том, как зарождалось спортивное движение в войсках ВЧК, этот материал.

12 апреля 1921 года в докладной записке Всеукраинского ЦИК сообщалось о создании в Харькове общества физической культуры "Спарта", которое объединило чекистов и красноармейцев. Руководители ВУЧК В. Манцев и В. Балицкий в своем письме к Ф.Э.Дзержинскому сообщали: "Думаем выиграть первенство Харькова по легкой атлетике, а может быть, и на Всеукраинской олимпиаде. В прошлом году чекисты заняли восемь первых мест. Смеем думать, что и в этом году маху не дадим."

Просим Вас разрешить пустить на Олимпиаду кубок Вашего имени".

Феликс Эдмундович ответил: "Приветствую образование общества, что касается кубка — ваше дело".

Идея же создания всероссийского пролетарского спортивного общества впервые возникла в руководстве Московского округа войск ГПУ. Ее также поддержали Ф.Э.Дзержинский и заместитель председателя ГПУ И.С. Уншлихт.

— Собралась инициативная группа во главе с заместителем начальника политотдела войск ГПУ

Московского округа Павлом Уральцем, — вспоминает С. Сюннерберг, в 20-30-е годы служивший в политотделе войск ГПУ. — В нее вошли начальник политотдела войск ГПУ Московского округа Леонид Неделя-Гончаренко, начальник отделения политотдела округа Кирилл Кузьмин, замначштаба округа Михаил Лаврентьев и старший инспектор штаба Дмитрий Иванов.

Долго думали, как назвать общество. Наконец Леонид Неделя-Гончаренко предложил дать ему название "Динамо".

Справка. В 1914 г. бывший пастух и батрак семнадцатилетний Леня приехал в Москву и поступил рабочим на завод "Динамо". Через год вступил в ряды

„ДИНАМО“.

МОСКОВСКОЕ ПРОЛЕТАРСКОЕ
СПОРТИВНОЕ ОБЩЕСТВО.

СОВЕТ ОБЩЕСТВА,
ТЕХНИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ
и РЕВИЗИОННАЯ КОМИССИЯ
ПОМЕЩАЮТСЯ в клубе „ДИНАМО“,
(Б. Лубанка, д. 13).

Занятия в Совете ПРОИЗВОДЯТСЯ ежедневно, кроме
праздников с 10 до 13 ч. и с 17 до 20 ч.

**ОТКРЫТЫ ПОМЕЩЕНИЯ И ПОЛЯ
ДЛЯ ЗАНЯТИЙ И СОСТЯЗАНИЙ.**

1. Отделение имени Дзержинского — Б. Лубанка, 13.
при нем поле Динамо — 1 Мещинская, 56.
2. Отделение имени Калкина — Цветной бульвар, 5 А. Луна
при нем поле Б. Улицы Фрейля — Самарский пер.
3. Отделение имени Троицкого — Петровский бульвар, 12
при нем поле д. СОБС. — Сокольники.

НАМЕЧЕНЫ К ОТКРЫТИЮ:

4. Отделение имени Калкина — в районе Таганки Зароссерск.
5. Отделение имени Воровского — в районе Лесной улицы.

большевистской партии. В 1916 г. его арестовали и сослали на вечное поселение в Сибирь. Однако после Февральской революции он вернулся на свой завод, сформировал красногвардейский отряд и всю Гражданскую воевал на фронте. Занимал должности командира Одесского отряда, председателя Одесского реввоен трибунала, начальника политотдела 45-й дивизии на Польском фронте (командиром был И.Э. Якир). В 1919 г. стал курсантом Кремлевских курсов, а в 1922-1923 гг. — начальником политотдела внутренних

войск Московского округа. Был членом Реввоенсовета Республики, создателем и первым редактором сатирического журнала войск ГПУ "Крысодав". После работы в ЛЕФе, затем военкомом 96-й дивизии НКВД. Возглавлял Одесский оперный театр, много лет занимался журналистикой, редактировал областные газеты и журналы. Был коммендантом Генерального консульства СССР в Шанхае, затем директором Апелевского завода грампластинок.

В ноябре 1937г. Леонид Владимирович узнал, что ставится вопрос об исключении его из партии, в которой он состоял с 1916г., после чего обычно следовал арест и уничтожение. Это обстоятельство заставило его бежать из Москвы. Около двух лет он скрывался в родном селе, а затем, когда прошла волна репрессий, объявился в Луцке, где стал председателем облрадиокомитета.

22 июня 1941г. добровольно ушел на фронт спецкором ряда армейских газет. На фронте был ранен и контужен. После войны возвратился в г.Черкасы, занялся литературной деятельностью. С 1937 по 1962г. печатал сотни стихотворений, очерков, рассказов, фельетонов. Примечательно, что его хорошо знали В.Маяковский, Н.Асеев, С.Безыменский, художник Моор и многие другие деятели культуры и искусства.

Учредительное собрание общества, а на нем было 64 делегата, состоялось 18 апреля 1923г. в доме № 13 на Большой Лубянке. Оно избрало председателем совета "Динамо" И. Уншлихта, его заместителем П. Уральяча, ответственным секретарем Ф. Фокина, членами совета — Я. Мукомля и Ю. Аглока. На этом же собрании было принято решение о создании в мае 1923г. первичных спортивных организаций в органах и войсках.

5 июня 1923 г. председатель общества И. Уншлихт направил в бюро МК РКП(б) письмо следующего содержания: "Совет МПСО "Динамо" просит вашей санкции на организацию оздоровленного общества. Оно объединяет войска и органы ГПУ Московского гарнизона. . . Общество имеет целью провести спецклуб разных видов спорта, кои необходимы в работе ГПУ и кои ни где не культивируются".

12 июня МК РКП(б) вынес решение: "Против организации спортивного общества не возражаем". В июне же вышел в свет первый номер сатирического и единственного журнала войск "Крысодав", в ко-

тором было опубликовано объявление с адресами совета общества, помещений, залов и времени для занятий.

16 июля 1923г. Моссовет выдал удостоверение о регистрации "Динамо" и об утверждении его устава. В нем говорилось, что общество "имеет целью использование всех рациональных средств для культуры, направленных на физическое оздоровление, укрепление и развитие трудящихся и проведение культурной программы среди своих членов".

С каждым годом ПСО "Динамо" набирало силу, росло число физкультурных коллективов. Они создавались в полках, погранкомендатурах, органах ГПУ и милиции. К концу 1923г. их было уже 18, в них состояло 395 членов. В 1924г. были организованы общества в Ленинграде, Рязани, Пензе, Хабаровске, Оренбурге, Нижнем Новгороде и других городах. К 31 октября 1928г. "Динамо" насчитывало уже 6 тысяч человек. Вся работа в спортколлективе проводилась под лозунгом: "Каждый физкультурник — ударник учебы, каждый ударник — физкультурник".

Несмотря на тяжелые материальные условия, руководство местных органов ОГПУ и воинских частей уделяло постоянное внимание строительству спортивных и стрелковых городков, футбольных полей, волейбольных и городошных площадок. Футбольные и волейбольные мячи, судейские свистки, сетки и другой инвентарь бойцы и командиры покупали вскладчину.

Летом 1923 г. открылся тир "Динамо" в доме № 13 на ул.Б.Лубянка, 12 августа — футбольное поле в Орлово-Давыдовском переулке, а в мае 1925г. — стрельбище в Мытищах. В этот живописный район приехали тогда командиры с семьями, пришли походным маршем красноармейцы московских частей внутренних войск.

Через год появились теннисные корты на Петровке, 26, а затем здесь же организовали каток для сотрудников органов, военнослужащих и членов их семей. Большим событием в жизни всех москвичей было открытие 17 августа 1928г. Центрального стадиона "Динамо" в Москве, а двумя месяцами раньше — водной станции у Крымского моста.

Много внимания уделялось во-

влечению в спортивно-массовую работу подростков. 14 января 1935г. было создано общество "Юный динамовец". Его председателем избран начальник политотдела внутренней и пограничной охраны Лев Рошаль.

При управлении Московского округа внутренней охраны работало городское общество "Динамо", возглавляемое начальником войск округа Павлом Кобелевым. Здесь работала школа мастеров спорта, а в 1936 г. в войсковых частях была проведена летняя спартакиада.

Справка. Павел Кобелев начал свой путь в войсках с красноармейца-самokatчика. Командовал отделением, взводом, ротой, батальоном, 1-м полком ОСНАЗ, а с образованием Отдельной дивизии особого назначения стал её командиром. Он с первых дней создания ПСО "Динамо" принимал активное участие в его деятельности и вовлекал в нее красноармейцев и командиров.

В конце 20-х годов 4-й полк дивизии им.Ф.Дзержинского дислоцировался на Соловецких островах. Несмотря на разбросанность подразделений и тяжелую служебную обстановку, комдив П.Кобелев оказал практическую помощь в организации спортколлектива "Динамо" и проведении спортивных состязаний по волейболу, легкой атлетике и лодочным гонкам.

В конце 20-х и начале 30-х годов в стране проводились Дни бегуна, лыжника, стрелка. В них под знаменем спортобщества "Динамо" участвовали военнослужащие внутренних войск.

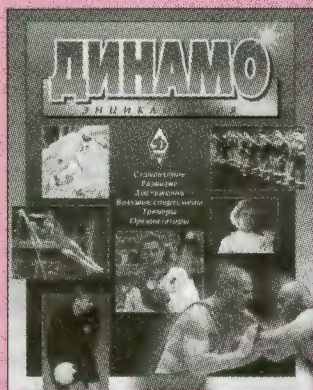
Выдающимся событием в жизни общества был лыжный переход воинов 67-го полка внутренних войск, который подготовлен командованием части при самом активном участии восточно-сибирского краевого совета общества "Динамо". Красноармейцы И. Попов, А.Куликов, А.Шевченко, К. Бражников и Е. Егоров, стартовав 30 ноября 1935г. в поселке Нижний Ангарск, 30 апреля 1936г. финишировали в Мурманске. 5 месяцев они шли вдали от железных дорог, населенных пунктов, через Енисейскую губу, снежные пустыни Тазовской тундры и другие малопроходимые места.

Новорожденное дитя органов и войск росло и набирало силу. Множились ряды динамовцев, увеличивалось число секций, в которых занималась большая часть населения нашей страны. На местах проводились спартакиады динамовцев, автотренировки, конные, лыжные, вело-

и водные переходы на дальние расстояния. Выдающимся победам спортсменов-динамовцев рукоплескали стадионы многих стран мира. Все это принесло обществу "Динамо" широкую славу.

О его вкладе в развитие отечественного спорта можно рассказывать долго и много, но мы ставили цель рассказать лишь о первых шагах этого прославленного общества.

Василий КРИВЕЦ,
полковник в отставке

Вышла в свет выпущенная в конце 2002 года издательством "Терра. Спорт" энциклопедия "Динамо".

В ней подробно рассказывается об основных этапах становления и развития общества, представлены биографические справки о его лучших спортсменах, тренерах, организаторах. Кроме того, вниманию читателей представлены краткие исторические справки о развитии культивируемых в "Динамо" видов спорта, данные о крупнейших соревнованиях в стране и за рубежом с участием динамовцев.

КОМАНДА ЧЕМПИОНОВ

Сегодня во внутренних войсках есть пять штатных спортивных команд. Среди них самая многочисленная и самая титулованная команда Московского округа внутренних войск, которую вот уже более двадцати лет возглавляет полковник Рашид Ибрагимов.

Конечно, с одной стороны, может показаться, что большое ко-

личество золотых медалей, завоеванных воинами-спортсменами на различных турнирах, напрямую зависит от количества человек, входящих в команду, а их более ста двадцати. Однако на самом деле все дело в требованиях, предъявляемых к кандидатам. Набирают сюда самых лучших и наиболее достойных спортсменов высокого уровня. Каждый новобранец должен иметь звание не ниже кандидата в мастера спорта и быть потенциальным членом сборной страны, юношеской или молодежной.

Управление спортивной команды Московского округа внутренних войск

личество золотых медалей, завоеванных воинами-спортсменами на различных турнирах, напрямую зависит от количества человек, входящих в команду, а их более ста двадцати. Однако на самом деле все дело в требованиях, предъявляемых к кандидатам.

Набирают сюда самых лучших и наиболее достойных спортсменов высокого уровня. Каждый новобранец должен иметь звание не ниже кандидата в мастера спорта и быть потенциальным членом сборной страны, юношеской или молодежной.

— Наша деятельность осуществляется в рамках Всероссийского физкультурно-спортивного общества "Динамо", — рассказывает заместитель начальника команды подполковник Петр Наумов. — Именно из детских и юношеских секций "Динамо" мы набираем будущих чемпионов. Каждая кандидатура, предложенная тре-

нерами, коллегиально рассматривается на комиссии в Центральном совете "Динамо", поэтому расставаться со спортсменами, плохо проявившими себя, приходится очень и очень редко. В этом, несомненно, есть заслуга тренеров, которые видят в спортсменах будущих чемпионов, а в их предвидении сомневаться не приходится, ведь среди них — главный тренер, мастер спорта меж-

дународного класса подполковник Александр Селифонов, который тренирует сборную команду России по биатлону, заслуженный мастер спорта майор Алексей Хапланов, который тренирует сборную страны по современному пятиборью, и многие другие заслуженные деятели спорта.

— В течение двух лет срочной службы мы внимательно следим за каждым спортсменом, — говорит начальник команды полковник Рашид Ибрагимов. — Очень важен индивидуальный подход к молодым спортсменам, ведь именно в нашей команде многие из них переходят из юношеского спорта во взрослый. Поэтому учебно-методический процесс построен так, чтобы спортсмен ни на что постороннее не отвлекался, а лишь тренировался и показывал те результаты, на которые он способен. Именно поэтому вся служба наших военнослу-

жащих проходит в изнурительных и упорных тренировках.

Поскольку определяющим фактором в их службе является результат, каждый из них знает, что только лучшим будет предложено остаться и заключить контракт. Такая методика себя оправдывает. К примеру, в свое время так начинали мастера спорта международного класса подполковник Евгений Алейников — бронзовый призер Олимпийских игр по пулевой стрельбе, старший лейтенант Алексей Бондаренко — абсолютный чемпион Европы по гимнастике, серебряный и бронзовый призер Олимпийских игр прапорщик Алексей Дьяченко — главный фехтовальщик страны.

Одиннадцать заслуженных тренеров России, девятнадцать заслуженных мастеров спорта, двадцать четыре мастера спорта международного класса — все это спортивная команда Московского округа. Среди членов команды такие известные на весь мир многократные чемпионы Олимпийских игр, как майоры Александр Попов, Дмитрий Сватковский, Светлана Кривелева и капитан Юлия Чепалова. Именно на их примерах воспитывается молодое поколение команды. А смена подрастает достойная. К примеру, рядовой Алексей Якименко уже мастер спорта международного класса — призер чемпионата мира и чемпион России по фехтованию. Не отстают и молодые пятиборцы рядовые Михаил Кузнецов и Сергей Шуин — призеры первенства мира среди юниоров и победители первенства Европы. А кто не помнит героя финального матча за Кубок Дэвиса по теннису между сборными России и Франции, буквально вырвавшего победу из рук французов, рядового Михаила Южного. Рвутся к победе и будущие футболисты клуба «Динамо» Дмитрий Тимачев, Алексей Архипов и Роман Шиповалов, сейчас составляющие основу дублирующего состава, но уже успевшие несколько раз поиграть в ходе чемпионата России в основном составе футбольного клуба. Но кроме этого, здесь проходят службу и спортсмены, ориентированные на военно-прикладные виды спорта. В их числе — двухкратный чемпион мира по универсальному бою майор Евгений Репин и шестикратный чемпион России по рукопашному бою лейтенант Юрий Беляев. И список этот можно продолжать и продолжать.

День за днем военнослужащие спортивной команды Московского округа внутренних войск занимаются в спортивных залах, на беговых дорожках или в бассейнах, с каждой тренировкой повышая и оттачивая свое профессиональное мастерство. И все они знают свою заветную цель — олимпийское золото в арсенале российской сборной.

**Старший лейтенант
Виктор БОЛТИКОВ**

От редакции. В день юбилея спортивного общества «Динамо» поздравляем наших спортсменов и желаем им новых побед!

Третья слева — заслуженный мастер спорта, двукратная олимпийская чемпионка капитан Юлия Чепалова

Справа — заслуженный мастер спорта, четырехкратный олимпийский чемпион майор Александр Попов

Наталья Романова вручает кубок команде Московского округа ВВ МВД — победителям соревнований по рукопашному бою 2003 года

Стало традиционным в начале весны проводить Кубок России по рукопашному бою на призы Героя Российской Федерации генерал-полковника Анатолия Романова. В этом году седьмой по счету турнир прошел в стенах Московского Дворца спорта "Динамо". 189 спортсменов из шести силовых министерств в течение трех дней соревновались в силе и ловкости.

Участников приветствовали председатель Счетной палаты РФ Сергей Степашин, вице-спикер Государственной Думы Владимир Жириновский, писатель-сатирик Архадий Арканов. Закрывал соревнования первый заместитель главнокомандующего внутренними войсками генерал-полковник Валерий Баранов. Но все-таки самым дорогим гостем для всех собравшихся во Дворце спорта "Динамо" была жена Анатолия Александровича Романова — Лариса Васильевна.

Наряду с мужчинами

второй год подряд соревнуются и женщины. В этом году они представляли Москву и Московскую область, Пермь, Кострому, Калининград, Липецк, Орел, Нижний Новгород, Брянск. Лидия Тебенькова (весовая категория до 55 кг) из Перми и Надежда Шемякина (весовая категория до 65 кг) из Костромы, прошлогодние победительницы и на этот раз взяли золото.

Среди мужчин за первое место боролись команды Московского округа внутренних войск и Санкт-Петербургского военного института внутренних войск. После первого же боя было явное преимущество москвичей, в весовой категории до 60 кг победу одержал двукратный чемпион мира по кикбоксингу майор Евгений Релин. На этом турнире он берет золото уже в четвертый раз. Но все же самый напряженный и захватывающий бой был в весовой категории до 70 кг. В жестком поединке сошлись Ахмед Мусаев (Московский

НА ПРИЗЫ ГЕНЕРАЛА РОМАНОВА

округ) и Гусейн Гусейнов (Петербург). С первых же секунд боя стало понятно, что силы у обоих бойцов примерно равные. В итоге каждый набрал по девять очков, но активность Ахмеда была выше, поэтому победа досталась ему.

Только один бой уступила команда Московского округа ВВ и с общим счетом 7:1 заняла первое место. Третий раз подряд эта ко-

манда получала кубок из рук Ларисы Васильевны Романовой. Второе место занял Санкт-Петербургский военный институт ВВ, а третье — Голицынский военный институт ФПС. К сожалению, команда ОДОНа была только четвертой.

Курсант Юрий МУХИН
Фото автора

Капитан Александр ЛЕБЕДЕВ
Фото Анатолия ЕМЕЛЬЯНЕНКО
и из архива Сергея ДЖОБАДЗЕ

ИЗБРАННЫЕ ЭПИЗОДЫ

ИЗ ЖИЗНИ РАЗВЕДЧИКА

Полковник лежал на узком белом прямоугольнике больничной койки и неотрывно смотрел на маленький пластиковый мешочек, из которого по капле вытекала прозрачная жидкость. Виски пульсировали в такт мерному падению капель. Раз-два-три-четыре-пять, — полоска света между налившимися свинцом веками становилась все уже, — шесть-семь-восемь... Полковник не был ранен, его только что, в полвторого ночи, на "таблетке" привезли в МОСН из штаба группировки, как делали уже много раз до этого. Сердце полковника в последние недели работало из рук вон плохо, как двигатель БМП, давно выработавший свой ресурс и безнадежно ждавший капремонта, — привычное дело на этой войне. Высокое давление непомерной тяжестью бронешлема сдавливало голову. Только здесь, в полевом госпитале у медиков, полковнику становилось немного легче — помогала уже привычная капельница и доброжелательное отношение к его персоне врачей и медсестер. Внимательно следя за тем, как капает жидкость, он забывался в тяжелом сне, чтобы в пять утра снова ранше всех в штабе сесть на телефон и собрать из тактических группировок информацию о происшед-

шем за ночь. Утром с докладом его ждал командующий, утром его донесение ждали в Москве. Тяжелой поступью шли дни его крайней — как надеялся он — командировки, его последней войны...

Военной профессией полковника была разведка. Всю свою жизнь он занимался только им — этим важнейшим и одновременно неблагодарным ремеслом. На зкате своей военной карьеры он уже очень много знал об этой самой древней "наряду с проституцией и журналистикой" профессии, — любил в шутку повторять он, пряча улыбку в седых красивых усах.

Пару дней назад медики предложили отправить полковника на Большую землю, резонно опасаясь за его здоровье. Он категорически отказался — ему было бы стыдно смотреть в глаза офицерам. За тридцать лет, что он носил погоны, полковник ни разу не отказался от командировок в горячие точки, ни разу не уехал из зоны боевых действий раньше срока. Обстановка в конце 1999-го, начале 2000 годов в Чечне была сложнейшей — и он тем более не

мог уехать, не имел права. Недавний случай еще больше убедил его в этом.

Случилось все скоротечно. В штаб группировки внутренних войск приехал офицер, отвечавший за командование разведподразделениями на одном из направлений спецоперации по уничтожению незаконных вооруженных формирований в Грозном. Шел январь 2000 года. Приезд офицера был внеплановым и вызван чрезвычайными обстоятельствами — особенно огорчительными для полковника. Офицера отстранил от выполнения обязанностей командир соединения, входившего в группировку особого района "г.Грозный". Формулировка решения была жесткой: "Разведка — это искусство. Вы им не обладаете. Я вас снимаю". Офицер-разведчик приехал в Ханкалу в полном отчаянии — для нормального офицера быть отправленным на Большую землю с приговором "как не справившийся со своими обязанностями" — позор, пятно на военной карьере. "Джобадзе, разбирайтесь", — только и бросил командующий. Полковник разобрался, ведь разведка, за которую он отвечал и в первой, и в этой, второй, чеченской кампании была его детищем.

Он создавал ее своими руками, придя во внутренние войска из Советской армии десять лет назад — в далеком уже 90-м году. Разведка была частью его жизни, частью его уставшего в бесконечных вооруженных конфликтах сердца. Он разобрался. Это отняло немало сил и нервов. Вывод был очевиден — офицер выполнял свои обязанности достойно. Вменявшийся ему в вину отказ подчиниться воле командира — бросить на штурм укреплений боевиков разведчиков — был вызван только одним: желанием сохранить жизни солдат. Так сложилось, что штурм чеченской столицы протекал очень тяжело, мучительно. Командир соединения первой посылал вперед разведроту, считая ее наиболее подготовленным подразделением. Считал справедливо, но... Через несколько дней штурма у разведчиков осталось десять процентов личного состава. Десять процентов от первоначального количества — меньше десяти человек. Остальные были убиты и ранены. Полковник особенно тяжело переживал этот факт, как наваждение отгоняя воспоминание о новогоднем штурме Грозного в 94-м году, непосредственным свидетелем которого он был. И вот новый, 2000 год, снова штурм, снова потери и неимоверное напряжение всех сил. Боевики дрались за каждый квартал с фанатичным упорством, а войскам снова не хватало достаточно сил и средств, чтобы сломить сопротивление бандитов. Ничего не было известно и о точной численности незаконных вооруженных формирований, оборонявших город, как и о структуре укреплений и опорных пунктах противника. Любое продвижение

вперед превращалось в разведку боем. Вперед шли разведчики, не имевшие ни тяжелого вооружения, ни достаточно сил для прорыва укреплений. И полковник не мог уже долгое время добиться понимания от командиров, что разведроты — это не штурмовые отряды, которые должны уничтожать бетонированные укрепления “духов” и гасить пулеметные гнезда в подвалах грозненских многоэтажек...

“Разведка — это искусство”, — ему ли этого не знать! Красивое определение стало для него непреложной истиной в далеких 70-х, когда он только-только выпустился из престижного Военного института иностранных языков и по распределению попал в знаменитый “Аквариум” — Главное разведывательное управление Генштаба. Его выпускная специальность оказалась востребована в 9-й кировоградской бригаде спецназа ГРУ, дислоцировавшейся на Украине. Карьера лейтенанта Джобадзе началась с должности старшего переводчика разведотдела бригады.

Служить было интересно. Иностранному языку он учил солдат и офицеров, а сам учился спецназовским премудростям: владению оружием, прыжкам с парашютом, рукопашному бою, азам оперативного искусства. Жизнь была наполнена до краев — спустя некоторое время он женился. Через два года молодого перспективного офицера перевели за границу — в 3-ю гвардейскую Варшавско-Берлинскую бригаду спецназа ГРУ. Карьера шла в гору. Спустя

некоторое время его взяли на заметку как реального кандидата для работы за “большим кордоном” — в Западной Германии. Моральные качества соответствовали, профессиональные — тоже. Джобадзе знал венгерский язык, хорошо — французский, владел английским, свободно говорил на немецком. Красавец мужчина, высокий, мощный, статный, блестящий офицер, надежный, преданный до мозга костей своему делу. Перспективы были заманчивы. Дело оставалось за малым — вызвать из Союза жену с дочерью: разведчик должен быть с семьей — обязательное требование “Аквариума”. Все рухнуло в одночасье. Приехав на Украину забирать супругу, он понял, что забирать некого. Семьи уже не было — это кажущееся сначала таким глупым препятствие вскоре обернулось серьезной проблемой. Из-за развода на успешной карьере на длительное время пришлось поставить крест. Политорганы ревностно берегли моральный облик советских офицеров. Свой капитанский срок он переходил вдвое. Казалось, что про него вообще забыли — друзья-однокурсники делали карьеру, получали звания, поступали в академии, продвигались по службе. Для него же Варшавско-Берлинская бригада стала казаться старицей, медленно, но верно зарастающей бледно-зеленой ряской. Он мечтал о реальном деле, где можно приложить все свои знания, всю энергию. Пытался устроиться в родной институт иностранных языков на преподавательскую работу. “Аквариум” не отпустил категорически. Спустя некоторое время ему предложили возглавить разведотдел создаваемой

в далеком сибирском городке Бердске бригады спецназа ГРУ. "Только там трудно", — напутствовали в кадрах.

Перед тем как забыться тяжелым сном в ханкалинском МОСНе, полковник все чаще вспоминал свои первые годы в разведке. Что, если бы удалось сохранить семью — как сложилась его судьба? Вспоминал, но тут же отгонял эту мысль — разведчику не пристало гадать на кофейной гуще, а тем более строить предположения. Он всегда занимался только тем, что работал с реальной информацией, собирая и анализируя ее. Анализируя, чтобы рисовать реальную картину развития событий. Очень часто его выводы, которые он докладывал, казались начальству "лишенными оснований". "Не сгущайте краски, Джобадзе", — не раз слышал он. Он не сгущал, просто по долгу службы смотрел на многие вещи объективно и честно. Все остальные могут говорить начальству что угодно, разведчик обязан говорить правду — такая работа. Другой вопрос — прислушается ли власть предрекающей к информации, добытой разведкой. "Приятные слова не бывают истинны, истинные слова не бывают приятны" — это древнее китайское изречение он частенько повторял себе, когда снова получал "на орехи" за высказанное мнение по важному вопросу. Но жизнь все расставляла по своим местам. Почти ни разу не ошибся, предвидя многое из того, что случилось в нашей стране. К огромному его сожалению, не ошибся...

Нет, жизнь сложилась так, как сложилась. И сожалеть о пройденном пути нельзя. Ведь кроме проблем, трудностей, непонимания, горечи разочарований и сердечной боли за безвременно ушедших друзей, были и светлые моменты — все они почти исключительно связаны с людьми, которые оставили в его жизни яркий и неизгладимый след. Его память, натренированная, как у любого настоящего профессионала, хранит многое из того, что довелось испытать за почти тридцатилетнюю военную жизнь. Но имена людей, которые ему бесконечно дороги, он держит не только в памяти, но и где-то рядом с сердцем. Говорят, именно там обитает душа...

Умыться сегодня опять не удалось — вода в ведре промерзла до самого дна. Их "чудильник" — бревенчатый, приговоренный к сносу дом, который щедрой рукой командира был отдан для проживания офицерам, сопротивляться сибирской зиме отказывался напрочь. К утру, как бы ни топили его с вечера, вымерзал до последнего угла... Везти в сибирскую глушь, в сорокаградусные морозы своих жен многие офицеры не решались. Так и холостяковали все вместе, проживая в "избушке" одной веселой дружной коммуной. Ему было легче — он был законный холостяк, главной своей женщиной считая армию. Она не предаст...

К жестоким морозам он привык быстро, хотя после Германии, где и минус 10 — уже национальное

бедствие, сперва было непривычно. Но работы оказалось невпророт — в 1984 году в Бердске из отдельной роты разворачивали 67-ю бригаду спецназа. Так что кроме занятий по своей непосредственной специальности пришлось осваивать и досконально вникать в строительное дело. На службе пропадал сутками, но энтузиазма было хоть отбавляй, здоровья тоже. Ребята подобрались отличные — единомышленники, преданные службе до мозга костей. Приятно было и то, что командиром бригады стал давний знакомый еще по службе на Украине Алексей Агапонов.

"Джобадзе после Германии, наверное, как в сибирской ссылке себя чувствует", — шутили сослуживцы по бригаде. Да нет, ребята, какая ссылка. Наоборот, служба снова в гору пошла. Майора получил наконец, должность интересную. И работы по горло, как раз что надо!

...Уже потом, в бесконечных командировках в горячих точках, он не раз думал о том, что всю свою жизнь учился только одному — воевать в любых условиях. И выживать. Навоевался досыта, остался живым — значит, хорошо учили в спецназе ГРУ. А еще учили беречь подчиненных, но не себя. Потому так болело сердце в Грозном в стылом январе 95-го, в промозгом январе 2000-го...

Учили в спецназе ГРУ всему, и контроль был жестокий: два раза в год — весной и осенью экзамены. По минно-подрывному, парашютному делу, в которое входили РВДП и практика — 242 раза за борт самолета шагал. Американский пехотный устав "6а" зачитыв-

вали до дыр, чтобы потом посоревноваться в том, кто лучше всех знает способы выживания в экстремальных условиях автономного пребывания на вражеской территории — в горах, пустыне, тайге. Изучали шифровальное дело, военно-медицинскую подготовку, иностранный язык и кучу других специфических дисциплин. Изучали, чтобы быть готовыми в любое время выполнить любую задачу в случае реального осложнения обстановки. Конечно, все в уме держали одно — Афганистан.

Ничего красивей бескрайних маковых полей, что цвели ранней весной в афганской провинции Нангархар, он никогда в жизни не видел. На ветру алое море переливалось волнами, которые текли к видневшимся у горизонта горам. Там, за горами, уже был Пакистан. Туда, за горы, текли караваны с грузом опия-сырца, добываемого из млечного сока созревших маковых коробочек, да партиями полудрагоценных камней — лазуристов, рубинов, вырубаемых в копиях Черных гор. Обратно через границу шел поток оружия, убивавшего советских солдат, продовольствия, питавшего банды, и всевозможного ширпотреба, наводнявшего дулканы афганских городов. Когда он смотрел на море маков, колышущееся под порывами ветра, то знал — кроваво-алые волны несут в себе смерть.

В 86-87 годах, как раз в то время, как он попал в Афган — в 1-ю джелалабадскую бригаду спецназа ГРУ, командование ограниченного контингента отошло от

проведения массированных армейских операций, которые показали свою низкую эффективность. Кроме шума и большого количества жертв они не приносили ничего. Приоритет в действиях был отдан действиям отрядов спецназа ГРУ, десантно-штурмовых подразделений. Уничтожение банд по предвзвешенно полученной агентурной информации, перехват и разгром караванов стали повседневной работой таких мобильных, хорошо вооруженных групп в Афганистане. Их действия отличались стремительностью, высокой эффективностью. Вся оперативная информация стекалась в центр боевого управления бригады, где Джобадзе сначала занимал должность оперативного дежурного, а чуть позже в течение года выполнял обязанности заместителя начальника штаба — штатный зам тяжело заболел тифом. Джобадзе не только участвовал в разработке операций, многие из которых превращались в сложные комбинации, призванные перехитрить “духов”, но и сам выезжал на боевые, находясь в составе групп спецназа. За время командировки в Афганистан таких боевых выходов у него набралось около сорока. В одной из засад, пожалуй, самой успешной, группа одного из отрядов бригады в районе Черных гор захватила “духовский” караван с колоссальным количеством всевозможного оружия — одних только вьючных животных было больше 200 голов.

“Успех засадных действий в Афганистане, как, пожалуй, никаких других, в столь значительной мере зависит от воли случая, что изначально я решил настроиться на неудачу — еще один безнадеж-

ный способ перехитрить судьбу. Но что такое удача? Подловить “духов” и вступить с ними в ночной бой, когда не сразу определишь, кто в кого стреляет, а тем более кто выйдет победителем? Или вхолостую прощелкать от холода челюстями (и, быть может, лишь раз — затвором) всю засаду напролет, но уйти без единой царапинки, пристрелив разве что скорпиона? Большинство с удачей связывают первый вариант. Второй лишь раздражает своей бессмысленностью...” — Повесть Артема Боровика “Встретимся у трех журавлей”, опубликованную в 87 году в журнале “Огонек” и, пожалуй, впервые рассказывающую о том, что за война идет там, за речкой, с огромным интересом читала вся страна. Особенно ярко журналист описывал боевой выход с “джелалабадскими десантниками”, непосредственным участником которого он являлся...

...Джобадзе искренне удивился, когда к ним в отряд приехал московский журналист в сопровождении двух полковников. Журналистом был Артем Боровик. Он быстро наладил контакт с людьми и запомнился своей дотошностью, желанием докопаться до всех профессиональных секретов разведчиков. Поговаривали, что сам начальник Генштаба генерал армии Ахромеев дал добро на поездку Боровика в Афганистан. В то время это было почти незаурядным событием — приезд гражданского журналиста в зону боевых действий. Шел 1987 год. Артему разрешили жить в расположении спецназовцев, пару раз он даже бегал с ними на зарядку, а потом поверг в шок командование отряда, попросив взять его на “боевые”. Ко-

мандование бригады оказалось в трудном положении — офицеры прекрасно понимали, что значит выйти на “боевые”. Связались с Москвой, попросив разрешения. Ответ был расплывчатым: “Не рекомендуется”. Казалось, что и в столице не знали, как поступить в данной ситуации. Решение принимали на месте. Артем Боровик побывал на боевом выходе — засаде на банду моджахедов. Был марш по ночной пустыне, стрельба, возвращение. Был и большой кусок в написанной после афганской командировки повести, рассказывающий об этом эпизоде. Было и облегчение командования бригады, когда журналист уехал из расположения, переполненный впечатлениями. Живой и невредимый. Здесь знали реальную цену каждому боевому выходу, каждой засаде, налету на караван или банду. Была и книга, многим, особенно в ГлавПУРе и Генштабе, не понравившаяся. Слишком много подробностей о реальной войне, таких, о которых было не принято говорить в те годы, поведал стране журналист. Не могут советские спецназовцы воевать в Афганистане в кроссовках и использовать трофейные, пакистанские ботинки, а также прочее иностранное снаряжение, считали в Москве. В Асадабаде, Газни, Бараки и Джелалабаде спецназ считал по-другому, однако “раздача слонов” за описанное журналистом “безобразие” состоялась... (Мог ли тогда кто-либо из джелалабадских разведчиков предположить, что Артем погибнет спустя почти 15 лет после своей афганской командировки? Не на войне, а в гражданском аэропорту, где пассажирский Як вдруг рухнет вниз. О причинах катастрофы спорят до сих пор...)

Джобадзе тоже прочитал повесть, что-то понравилось, с чем-то, как непосредственный участник описываемых событий, остался не согласен, но абзац об удаче засадных действий задел особенно. Вроде бы все правильно написано, но удача тоже просто так с неба не сваливается, и караван перехватить или банду уничтожить — это не за грибами сходить. Сначала много, очень много информации надо просеять, обдумать, сравнить, что-то откинуть, потому что “дезой” может оказаться, что-то оставить. И думать, думать, ду-

мать. С той стороны ведь тоже не дураки воюют. И тактику нашу “духи” изучили досконально, и инструкторов в той же афганской армии полно. А потом уже, когда все сделано правильно и группа незамеченной вышла в нужный район, чтобы был успех, надо знать, что делать, потому что из охотника превратиться в дичь — проще простого. А кроме того, может ведь случиться и неудача — нет, не “промашка” с определением места прохождения каравана, а ожесточенный бой, в котором “духи” могут оказаться сильнее, когда появляются потери — убитые, раненые...

Два года в Афганистане учили его думать о смерти. Размышлять. Разглядывать ее со всех сторон. Привыкать к ней, потому что она была повсюду — и в маковом поле, и в глинобитных стенах горных кишлаков, и в ущельях гор, и в городских дуканах. Она была в небе и на земле. Не думать о ней было нельзя — и в этом он был согласен с Артемом Боровиком, который поражался “той громадной внутренней работе, которую проделала душа и мозг каждого из них, чтобы прийти к такому вот спокойному и даже деловому отношению к смерти”. Свыкаясь с мыслью о том, что два года придется жить с ней бок о бок, работать, выполнять боевые задачи, а еще спать, есть и ходить по нужде, человек переставал леденеть при виде убитых товарищей. Хотя горечь порою захлестывала выше горла. Но ведь случалась и радость, когда кто-то знакомый чудом избегал встречи с костлявой...

Он хорошо помнит тот день, когда, выполняя обязанности начальника штаба, вызвал в Джелалабад начальника разведки газвийского отряда Сергея Куцова. Необходимо было утвердить план разведки. Страшная весть застала Джобадзе в офицерской столовой, где он спокойно хлебал ложкой суп: вертолет, летевший в Джелалабад из Газни, сбит и полностью сгорел. Несмотря на наличие парашютов, не спасся никто. Чуть позже поступила информация, что поисковая группа подобрала одного чудом уцелевшего офицера. Им оказался Сергей Куцов, которого сразу отправили в госпиталь. В первый день Джо-

бадзе в палату врачи не пустили. На второй день он сидел у койки Куцова. Тот больше походил на обугленную куклу — лицо и руки были в страшных ожогах. “Такое дело, Сергей Сергеевич”, — прошепстели сквозь бинты обгоревшие губы, словно оправдываясь за случившееся. Уже потом, когда Куцов пошел на поправку, Джобадзе узнал подробности трагедии и чудесного спасения боевого товарища. Ракета из “духовского” ПЗРК попала вертолету в двигатель. Пламя мгновенно охватило машину, и та стала валиться вниз. Люди выпрыгивали в горячей одежде, а раскрывавшиеся парашюты тут же вспыхивали — пятнадцать факелов падали на землю мертвыми телами. Куцов один остался жив. Помогли опыт десантника и редкое хладнокровие. Выпрыгнув из вертолета, он не раскрывая парашюта, сначала сбил пламя, а уже потом дернул кольцо. Его нашли на земле без сознания — в одной руке он держал портфель с секретными документами, в другой — пистолет... Так случилось, что через какое-то время, уже в другой — после Союза — жизни, на других войнах, они снова служили вместе. Это было потом, а тогда в джелалабадском госпитале Джобадзе страстно желал одного, чтобы друг и однополчанин поскорее выкарабкался...

Он и сам не раз рисковал жизнью и однажды услышал, как смерть пропела в десяти сантиметрах от него свою заунывную песню. Возвращаясь вечером с боевого выхода, их бронегруппа вдруг попала под обстрел. Стреляли не “духи” — огонь вели мотострелки из расположения одного из армейских полков. Это было непонятно, потому что “пехота” была заранее предупреждена о том, что вблизи их ПВД ночью пройдет спецназ. Джобадзе был на головной машине — в открытом люке виднелась его могучая фигура. Пуля ударила в откинутую крышку люка и ушла куда-то в темноту. Чуть выше — и кусочек свинца нашел бы себе цель в лице старшего офицера центра боевого управления 1-й джелалабадской бригады спецназа ГРУ. Джобадзе в следующую секунду уже проваливался вниз. Сколько он потом ни пытался, а в эту узкую горловину в бушлате и разгрузке он протиснуться

не мог. Как сумел совершить цирковой фокус под обстрелом — так и не понял. Удивительные резервы открываются в человеке, когда рядом проплывает смерть... Через пятнадцать минут, в расположении мотострелков все выяснилось. Оказывается, часовые, стоявшие по периметру ПВД, стреляли в пространство на любой подозрительный звук, то ли со страху, то ли, наоборот, пытаясь таким образом отогнать его подальше в афганскую ночь. Объяснять им что-то было затруднительно: уроженцы дальних аулов Средней Азии понимали русский язык хуже иных афганцев. Джобадзе тогда сделал для себя вывод: скрываться на войне от смерти бессмысленно, если она положила на тебя глаз, то появится отсюда, откуда ее и не будешь ждать.

Афганистан дал многое. Дал бесценный боевой и профессиональный — разведывательный — опыт, который копился с каждой новой удачной операцией или, наоборот, неудачой. Дал знание сложной и противоречивой, чужой восточной культуры, психологии, мусульманского уклада жизни.

Приучил ценить человеческую жизнь, человеческие отношения и боевое братство. А еще знать цену словам и глотку воды...

В памяти Афганистан остался яркими вспышками: то разрывающим крошечную тьму пламенем выстрела из ДШК, то нестерпимо жгущим глаза солнечным бликом, пляшущим на блистере уходящего за перевал вертолета. В этих вспышках он часто различает лица друзей: Серафима Туаева, Владимира Корунова, Петра Сакуренко...

В этих вспышках и самый светлый момент его жизни. Труднопередаваемый словами. Наверное, подобные чувства испытывали отцы и деды в мае 45-го на ступенях рейхстага — более точного определения своему тогдашнему состоянию он, как ни силился, не смог подобрать. В мае 88-го года их джелалабадская бригада первой из частей и подразделений ограниченного контингента советских войск выходила из Афганистана. Стольких светлых и радостных лиц он не видел уже никогда. Их колонну, пересекавшую мост через Амударью, встречали в Со-

юзе цветами и красными транспарантами, оркестровыми маршами и слезами счастья. Известный тележурналист Михаил Лещинский снял тогда целый фильм, названный просто, но так верно: "Возвращение". Спустя много лет после того мая, Джобадзе не раз видел себя — молодого, красивого, светящегося от нахлынувших чувств, — в кадрах той хроники, ее нередко показывают ко дню вывода советских войск из Афганистана. Тогда же казалось, что Родина действительно по достоинству и справедливо оценила ту неимоверно тяжелую работу, которую ее солдаты честно делали в чужой стране в течение бесконечно долгих девяти лет. А ему, сидящему на головной БМП под развевающимся Боевым знаменем части, с четырьмя наградами на груди, по-настоящему верилось, что впереди после всего испытанного только счастье, удивительная наполненная жизнь и мир. Выстраданный ими мир. Разве они не заслужили его? Разве мы все не заслужили его?

(Окончание следует)

В НОМЕР

Четыре секунды мужества

Боевое гранатометание всегда считалось самым сложным и опасным элементом в плане боевой подготовки войск. Не случайно руководителями занятий назначаются наиболее опытные офицеры.

Четвертого марта 2003 года командир кемеровского отдельного учебного батальона связи Сибирского округа внутренних войск МВД России подполковник Игорь Якунин на войсковом стрельбище проводил с курсантами плановые занятия по боевому гранатометанию. Все шло как надо, и казалось, ничто не предвещало беды. Комбат был предельно собран, он внимательно наблюдал за действиями каждого курсанта, подсказывал, страховал. Когда пришел черед выполнять упражнение рядовому Денису Лобашеву, командир батальона вместе с ним выдвинулся на огневой рубеж. Вдруг перед броском курсант неожиданно оступился и выронил гранату. До взрыва осталось не более четырех секунд...

Опытный офицер сориентировался мгновенно. Оттолкнув курсанта в сторону, он попытался отбросить гранату на безопасное расстояние, но сам укрыться уже не успел. Осколки разорвавшейся в воздухе гранаты он принял на себя. Мужественный офицер с контузией и множественными осколочными ранениями был срочно доставлен в городскую больницу, где врачам пришлось ампутировать кисть правой руки. Доктора боролись за жизнь офицера несколько дней, но, к сожалению, медицина оказалась бессильна. Командир батальона подполковник Игорь Якунин умер в больнице, так и не придя в сознание.

Курсант Лобашев, получив более легкие ранения, благодаря героическому поступку своего комбата, остался жив. В решающий миг Игорь Якунин, не думая о себе, шагнул навстречу граду осколков. Сыновья, а их у него трое, могут гордиться своим отцом.

Подполковник Игорь Якунин представлен командованием Сибирского округа ВВ МВД РФ к награждению орденом Мужества посмертно.

**Пресс-служба
Сибирского округа ВВ МВД РФ**

Ни служить в спецназе, ни покорять горные вершины Сергей Сеин не собирался.

По телевизору, конечно же, видел и то и другое. Действительно, интересно посмотреть, но не более.

От того района Ставрополя, где рос Сергей, до настоящих гор далеко. Зато леса там замечательные. Побродишь, покружишь по ним километров тридцать без остановок — так натренируешься, лучше любого марафона будет. До службы в армии Сеин работал в лесничестве, поэтому такие походы совершал регулярно.

Была у него, как у настоящего казака, еще одна страсть — лошади. Чтобы с ними совладать, нужны сила и ловкость. Иначе животное к себе и близко не подпустит. Еще пацаном Серега часто, бывало, выбирал жеребца порезвее. Ремень под уздечку приспособливал. Запрыгивал коню на спину, крепко сжимал коленями его мускулистые бока, прижимался к гриве... И поминай как звали. Мчался по полю, аж дух захватывало, и только ветер в ушах свистел.

После такого какие горы, какой спецназ!

Когда ему исполнилось 18 лет, пошел служить в армию. Попал во внутренние войска. По окончании учебного подразделения его распределили во взвод специального назначения "Мангуст", который в 1994 году находился при штабе Северо-Кавказского округа внутренних войск. Воспринял это совершенно спокойно. Не было ни бурной радости, ни горького сожаления. "Спецназ так спецназ. И там люди служат, а чем я хуже?" — думал Сергей по дороге из учебки.

Скалолаз СЕИН

Отслужил он на новом месте три месяца, и грянула первая чеченская кампания. Взвод убыл на войну в полном составе. Тогда Сергей впервые увидел настоящие горы. Правда, любоваться их красотой было некогда. В тех горах за каждым камнем и на каждой вершине мог находиться враг. И, чтобы остаться живым, тебе надо заметить его первым.

В декабре 1995 года Сеин уволился в запас. Естественно, счастью и радостью не было границ. Только продолжалось это недолго. Гражданская жизнь ему быстро надоела, и он начал понимать, что она вообще не для него. К тому же очень скучал по братишкам-"мангустам".

На следующий год в сентябре он подписал контракт на военную службу в своем подразделении. К тому времени оно стало ротой специального назначения. Сеина на-

значили инструктором в учебный взвод.

Итоги "первой Чечни" показали, что горная подготовка у наших бойцов, мягко говоря, оставляет желать лучшего. Не были исключением и парни из "Мангуста". Поэтому исправлению этого недостатка стали уделять особое внимание.

Летом 1997 года с бойцами спецроты в Кабардино-Балкарии провели первые сборы по горной подготовке. Сеин на них не поехал. Не всем же по горам лазить, кто-то должен и молодежь готовить. А в то время как раз пришли ребята из нового призыва. В августе того же года в СКО ВВ стали формировать отряд специального назначения "Скиф". Его основой стали ребята из "Мангуста". В новой части Сеина также назначили инструктором в учебную группу. Возможно, работа и незаметная, но очень трудная и важная. Героев и без того хватает, а толкового инструктора еще поискать надо. Попробуй-ка с мальчишками повозись и сделай из них настоящих спецов, когда у них мамкины пирожки в голове.

Через год Сергей Сеин все же поехал на очередные сборы по горной подготовке. В Кабардино-Балкарии провели несколько недель. Все это время до удри занимались альпинизмом и ведением боя в горах. Узлы, скобы, страховочные веревки, выступления в скалах, за которые разве только пальцами зацепиться можно. Все это уже снилось по ночам. Но как радовались первым победам! Казалось бы, вершина по высоте всего ничего. Но даже на ней стояли хмельные от первой победы.

Экзаменом на тех сборах стал

120-километровый марш по лесам и горам с различными боевыми вводными. После марша штурмовали горную вершину. Группу вел мастер спорта по альпинизму — мужчина крепкий и опытный. Дело в том, что мастерами по этому виду спорта становятся немногие. Он рассказал, что обычно такое восхождение длится с полтора-два дня. Ребята покорили вершину за семь часов. Такой настойчивости даже выдавший виды инструктор очень удивился. Сергей отметил, что шли очень спокойно и свободно. Хотя и было трудно, но группа оказалась настолько дружной, что каждый понимал друг друга с полуслова и был готов в любой момент поддержать товарища.

На следующий год Сеин... ушел из спецназа, хотя уже крепко прикипел к нему душой. Дело в том, что уходил на пенсию его бывший командир еще по спецроте. С ним настолько сдружились, что, следуя спецназовскому братству, Сергей все бросил и уехал помогать другу становиться на ноги на новом месте.

Конечно, мог там и остаться. Работу нашел неплохую. Толковому и трудолюбивому парню это было не трудно. Но не прошло и года, а новая жизнь ему надоела. Блага командир немного обжился. Поэтому Сергей снова бросил гражданку и вернулся в отряд. Как сам объяснил, только здесь он чувствовал себя человеком, который находится на своем месте. И вновь занялся любимым делом — подготовкой молодежи в учебной группе. А порой

нет-нет да и снились по ночам узлы, скобы, страховочные веревки и выступы в скалах, за которые только пальцами-то и ухватишься...

В начале 2002 года уже прапорщику Сергею Сеину предложили поехать учиться в Северо-Кавказский военный институт внутренних войск на курсы подготовки младших офицеров (КПМО). Согласился без колебаний. Тем более что для себя уже давно решил продолжить военную службу.

Особенность СКВИ ВВ в том, что здесь есть возможность серьезно заниматься альпинизмом. В институте свой скалодром, но самое главное, на кафедре физкультуры и спорта преподает опытный альпинист подполковник Владимир Кореньков. Он инструктор-методист второй категории (в Федерации альпинизма Северной Осетии такую квалификацию имеют только пять человек). Кроме того, Владимир Анатольевич, наверное, единственный ныне служащий офицер, который покорил главную горную вершину земного шара — Эверест. Много лет он обучает премудростям скалолазания мальчишек-курсантов. Из наиболее умелых собрал команду. Естественно, не остались без его опеки и слушатели КПМО. В августе 2002 года со своей командой Кореньков планировал штурмовать Эльбрус. Восхождение посвящали 200-летию МВД России.

Кто из альпинистов откажется от возможности покорить высоту 5642 метра — высшую горную точку Европы? Сеин согласился. Тем более

что кроме желания имелся кое-какой альпинистский опыт. Поэтому одновременно с основными занятиями на курсах Сеин вместе с командой усиленно готовился к предстоящей экспедиции.

...Скалы Пастухова. Высота 4800 метров. Последняя остановка перед вершиной. В 7.40 утра группа двинулась «вперед и вверх, а там...». Снегопад, ураганный ветер со скоростью 40 — 50 метров в секунду и температура воздуха минус 32 градуса. Любая остановка на 15 — 20 минут может закончиться отморожением пальцев, ушей, носов. Словом, пока ты двигаешься, ты живешь.

... В 14.05 команда поднялась на западную — самую высокую вершину двуглавого Эльбруса. Радовались? Не то слово! Салютовали сигнальными патронами, фотографировались на память. В специальной капсуле оставили список участников восхождения, среди которых значится и Сергей Сеин.

Через месяц с небольшим после того памятного дня в институте состоялся выпуск слушателей КПМО. Младший лейтенант Сеин вернулся в свой отряд, в ставшую родной учебную группу. Готовит молодежь, а по ночам нет-нет да приснятся узлы, скобы и еще не покоренные горные вершины.

Игорь БЫСТРОВ
Фото подполковника
Сергея КОЛЕСНИКОВА

Беречь, что имеем

В 1965 году в отделе тыла внутренних войск появились две новые службы: автобронетанковая и артиллерийского вооружения. В апреле 1991 года из них создали новый отдел техники и вооружения.

Ровно через два года произошло знаменательное событие. Во внутренних войсках МВД РФ появились заместители по технике и вооружению. Заместителем командующего внутренними войсками по технике и вооружению был назначен тогда еще генерал-майор Петр Ровенский. Менее чем через год ему было присвоено очередное воинское звание "генерал-лейтенант".

Тогда были созданы: отдел вооружения, который возглавил полковник Валентин Сорокин (ныне генерал-майор), и отдел автобронетанковой техники. Им руководил полковник Валерий Стрекалов (сейчас также генерал-майор). Начальником автомобильной службы стал полковник Василий Удовиченко, бронетанковой — полковник Василий Яновский.

В 1995 году отделы переформи-

ровали в автомобильное управление, управление бронетанковой техники и артиллерийского вооружения, образовали отдел плановой и аналитической работы (сейчас — штаб вооружения), отделы ВАИ, горюче-смазочных материалов, метрологическую службу. Должность Петра Николаевича Ровенского стала называться "заместитель главнокомандующего ВВ МВД РФ по вооружению — начальник вооружения".

Одиннадцать военнослужащих служб технического обеспечения внутренних войск стали Героями Российской Федерации. К великой скорби, десять из них удостоены этого звания посмертно.

За десять лет система технического обеспечения доказала свою действенность. Срывов в выполнении служебно-боевых задач по линии техники и вооружения не допущено.

По мнению главнокомандующего внутренними войсками генерала армии Вячеслава Тихомирова, уже несколько лет на 4-8 процентов еже-

годно повышаются показатели оснащенности войск основными видами вооружения и военной техники.

Однако по-прежнему остается и много нерешенных проблем. С какими трудностями приходится сталкиваться в регионах нашей страны, как их удастся разрешить, какой опыт накоплен за время работы, мы попросили рассказать заместителей командующих войсками округов ВВ МВД РФ по технике и вооружению генерал-майора Алексея Ванеева (Уральский округ ВВ), генерал-майора Николая Тутрина (Северо-Кавказский округ ВВ), полковника Геннадия Власова (Восточный округ ВВ) и полковника Василия Жорова (Московский округ ВВ).

Геннадий Власов:

— Не первый год нашим техническим службам приходится прилагать усилия, чтобы сохранить на должном уровне имеющийся парк вооружения. При этом стоит учитывать, что 40 процентов машин эксплуатируются 10 — 12 и более лет и ежегодно 5 процентов из них выхо-

дят в категорию машин, требующих списания или капитального ремонта. Одной из основных причин этого является тяжелое экономическое положение в стране. Думаю, у коллег из других округов ситуация в этом отношении складывается не лучше. Мы же, к примеру, за прошедший год ежемесячно получали бюджетные средства в 3 — 5 раз меньше того, что нам необходимо для удовлетворения самых минимальных потребностей.

Однако даже в этих условиях нам удалось повысить коэффициент технической готовности техники до 0,8 — 0,85.

Если по итогам 2001 года несколько частей округа по укомплектованности основными видами вооружения и техники получили оценку "ограниченно готовы", то за прошлый год они подтянулись до уровня "готовы".

Алексей Ванев:

— Действительно, еще в 2000 году "ограниченно готовыми" признали многие наши части. За три года 15 из них повысили свои показатели.

Более того, несмотря на недофинансирование, именно в это время наметилась тенденция к улучшению количественных параметров парка вооружения войск округа. Автомобильной техникой мы сейчас укомплектованы на 92 процента (в 2000 году на 73), бронетанковой — на 97 процентов (против 72 процентов трехлетней давности). Соответствует потребностям количество артиллерийского вооружения.

В прошлом году войска округа по линии МВД и безвозмездно от Ми-

нистерства обороны с оплатой капитального ремонта получили в 2 — 3 раза больше техники и вооружения, чем три года назад.

Кроме того, перераспределяем между войсковыми частями технику, которая высвобождается в процессе реформирования войск.

Василий Жоров:

— В прошлом году из новой техники мы получили 88 автомобилей и 10 боевых машин, капитально отремонтированы соответственно 60 и 2, уточнены задачи соединениям и войсковым частям округа. В первую очередь о высвобождении невостребованных образцов техники, которые появляются в ходе организационно-штатных мероприятий.

В результате за прошедший год удалось повысить укомплектованность войск на 11 процентов по автомобильной и на 8 процентов по бронетанковой технике.

Геннадий Власов:

— Что такое реформирование, мы хорошо узнали за прошедшие два-три года. За этот период организационно-штатные мероприятия были проведены в двух соединениях и семи войсковых частях. Вместе с тем были сформированы два отдельных батальона и два отряда специального назначения (в рамках формирования войск специального назначения). Уже в составе отрядов их военнослужащие выполняли служебно-боевые задачи в Чечне. В том, что качество подготовки вооружения и техники, которые при этом использовали, всегда соответствовало предъявляемым требованиям командования, считаю, большая за-

слуга заместителей командиров отрядов по вооружению подполковников Павла Мироненко и Алты Эрекова и начальников автобронетанковых служб майора Александра Быстрова и капитана Дмитрия Волынчикова.

За время существования нашей службы проделана большая работа по перераспределению вооружения, военной техники, боеприпасов и горючего среди частей. Из-за большой удаленности их друг от друга для перевозки использовали различные виды транспорта. К примеру, по железной дороге было перевезено более 460 единиц автобронетанковой техники, более 6000 единиц артвооружения, свыше 120 тонн боеприпасов. Для этого было загружено и отправлено более 60 железнодорожных составов. Такие перевозки требовали от военнослужащих повышенного внимания, ведь нельзя было допустить утраты и хищения материальных средств. Благодаря высокой ответственности офицеров этого не произошло. Особо хотелось бы отметить работу подполковников Валерия Жугана и Валерия Бабьяка.

Василий Жоров:

— Последние три года главнокомандующий внутренними войсками уделяет пристальное внимание совершенствованию существующей в частях материально-технической базы.

У себя в округе мы переоборудовали четыре парка воинских частей. На базе одной из них создали склад обменного фонда агрегатов для войск округа. В частях двух соединений проведена реконструкция скла-

дов горячего и пунктов заправки, в учебном полку построен склад горячего.

В ближайшее время планируется создать объединенный склад артиллерийского вооружения на базе одного из соединений.

Алексей Ванеев:

— На мой взгляд, важным достижением можно считать то, что наши люди перестали надеяться, что им кто-то в нужном количестве даст все необходимое. Все понимают, что сейчас многое зависит от бережного отношения к тому, что уже имеется. В этой связи хотелось бы отметить возрастающую роль ремонтных подразделений в поддержании боевой готовности вооружения и военной техники. За прошедший год в мастерских округа удалось восстановить более шестисот единиц техники, отремонтировать 1233 единицы стрелкового оружия. Созданы обменные пункты агрегатов, в них продолжается накопление ремонтного фонда. За счет исправных узлов и агрегатов со списанной техники и ремонта некоторых агрегатов своими силами за год было восстановлено 8 бронемашин и 26 автомобилей.

Хотелось бы отметить хорошую работу заместителя командира автомобильного взвода сержанта Виктора Костина и старшего водителя ефрейтора Алексея Петрова. Во многом благодаря старанию и ответственности таких ребят мы можем говорить о положительных результатах.

Николай Тутрин:

— Наш округ с момента своего

образования — воюющий. Он ровесник системе технического обеспечения. Поэтому ремонтные средства у нас создавались с учетом требований сегодняшнего дня. Это позволяет нам успешно решать поставленные задачи. Основой системы ремонта в округе являются отдельные ремонтно-восстановительные батальоны соединений. Мы стремимся повысить их возможности за счет развития производственной базы.

В одном из таких подразделений построили и оборудовали камеру для покраски кузовов автомобилей. В пункте их технического обслуживания и ремонта установили электрический подъемник, оборудовали стенды для прокатки дисков колес автомобилей и их балансировки. На посту диагностики электрооборудования автомобилей мы своевременно проводим качественный средний ремонт машин соединения и округа. Ориентировочно это дает за год экономический эффект на сумму 27 тысяч рублей. В октябре 2001 года запущен в работу шлифовальный станок. На нем мы шлифуем коленчатые валы двигателей БТРов, легковых и грузовых автомобилей, стоящих на вооружении в частях соединения. В результате мы перестали обращаться по этим вопросам в гражданские ремонтные организации и можем экономить ежегодно около 24 тысяч рублей. Возможно, деньги и не очень большие, но нам важна оперативность в решении задач. Поэтому подобные подразделения крайне необходимы для каждого округа. Насколько известно, по нашему опыту такой батальон создали в Московском округе.

Василий Жоров:

— Действительно, это удалось сделать в начале нынешнего года. Сейчас его доукомплектовывают личным составом, подбирают офицерские кадры, прапорщиков, военнослужащих по контракту, проводится ремонт и оборудование производственных помещений. Создание отдельного рембата позволит повысить эффективность работы системы технического обеспечения и ремонта в округе.

Алексей Ванеев:

— По-моему, стоит отметить кадровую проблему, которая может очень скоро возникнуть. Хотя многие наши офицеры имеют богатейший опыт, но не сегодня завтра они могут уйти на пенсию. К примеру, начальник штаба вооружения округа полковник Юрий Никитенко служит более тридцати лет, у заместителя командира части по вооружению подполковника Виктора Касьянова за плечами двадцать восемь лет военной службы. Такое положение дел на многих ключевых должностях. Так что сейчас очень важно готовить молодых офицеров, которые станут им достойной сменой.

Николай Тутрин:

— С этой проблемой мы столкнулись совсем недавно. К примеру, около 70 процентов начальников метрологических служб соединений уволились в запас — закономерный процесс. Однако благодаря созданной за последнее время хорошей материальной базе и подготовленным кадрам удалось сохранить темп развития этой службы.

Кстати, в последнее время на нее

ВОЕННАЯ ФОРМА И ЗНАКИ РАЗЛИЧИЯ

В начале 1943г., в период начавшегося коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны, Народный Комиссариат Обороны возбудил ходатайство перед Президиумом Верховного Совета СССР о введении, взамен существующих, новых знаков различия — погон для личного состава Советской армии и внутренних войск НКВД. Этому предшествовало введение новых командных званий, установление полного единоначалия и упразднение института военных комиссаров, присвоение военных командных званий комиссарам и политработникам, начсоставу медицинской, ветеринарной и интендантской служб. Одновременно с введением погон был изменен покрой обмундирования и введено новое обмундирование.

Майор войск НКВД
в полевой форме одежды, 1943г.

Погоны делились на полевые и повседневные. На повседневные погоны крепились эмблемы по роду войск и желтой краской наносились трафареты, обозначающие номер части или спецслужбу.

Буквы обозначали :

М — мотострелковый полк

К — конвойный полк

П — промышленный полк

Ж — железнодорожный полк

БП — бронепоезд войск НКВД

**ЗНАКИ РАЗЛИЧИЯ РЯДОВОГО
И СЕРЖАНТСКОГО СОСТАВА
ВОЙСК НКВД СССР, 1943 г.**

Ташкентское СВУ
войск НКВД

Шинельные петлицы
рядового состава

Младший сержант НКВД в зимней форме одежды, 1943 г.

Рядовой 237-го конвойного полка войск НКВД, 1943 г.

Младший сержант
нестроевого состава
войск НКВД

Сержант строевого
состава войск НКВД

ЗНАКИ РАЗЛИЧИЯ (ПОГОНЫ) ОФИЦЕРСКОГО СОСТАВА ВОЙСК НКВД

1943 г.

1945 г.

Капитан войск НКВД
в повседневной форме одежды, 1945 г.

Подполковник войск НКВД
в повседневной форме одежды, 1943 г.

1943 г.

1945 г.

1945 г.

ШИТЬЕ ДЛЯ ПАРАДНОГО МУНДИРА ОФИЦЕРСКОГО СОСТАВА ВОЙСК НКВД

Майор войск НКВД в парадной форме одежды, 1945 г.

Петлицы на воротник

Катушки на рукава

Капитан войск НКВД в демисезонном плаще, 1945 г.

Лейтенант войск НКВД
в белом повседневном мундире, 1945 г.

мы обращаем повышенное внимание. Ведь в составе службы появились лаборатории и мастерские измерительной техники (ЛИТ и МИТ). А они крайне необходимы для ремонта и восстановления измерительной техники частей и соединений, а также проверки приборов.

Алексей Ванев:

— Окружные ЛИТы могут оказать помощь в экономии денежных средств. Для своей лаборатории в прошлом году мы получили аккредитацию в Госстандарте России. За год здесь отремонтировали, проверили и отрегулировали 82 процента аппаратуры, которая требовала этого.

Николай Тутрин:

— Могу подтвердить, что такая лаборатория действительно приносит большую пользу. У нас она получила аккредитацию в сентябре 2000 года. Многие для этого сделал начальник ЛИТ капитан Вячеслав Мацаков. За четыре месяца экономический эффект от ее работы составил более 150 тысяч рублей. До этого технику мы проверяли за плату в лабораториях Министерства обороны.

На следующий год мы продолжили развивать метрологическую службу. Лаборатории и мастерские измерительной техники стали создавать в соединениях. Тогда удалось аккредитовать еще две мастерские. В 2001 году экономия составила уже 609 тысяч рублей.

В прошлом силами метрологических подразделений округа проверено более трех с половиной тысяч приборов. Это позволило сэкономить 1400,8 тысячи рублей. Создан-

ная материальная база ЛИТ и МИТ соединений на 81 процент обеспечивает потребность войск по проверке измерительных средств.

В следующем году планируется начать работу еще двух мастерских, одна из которых будет находиться в городе Грозном. Таким образом, самообеспеченность войск округа в этом отношении достигнет 92 процентов.

Подвести итог в беседе мы попросили генерал-лейтенанта Петра Ровенского.

Говоря о результатах технического обеспечения внутренних войск, он отметил, что в прошлом году в среднем удалось на 4-14 процентов повысить оснащенность соединений и войсковых частей вооружением и техникой, таким образом повысить их боеготовность. За 2002 год было закуплено 40 единиц бронетанковой и 460 автомобильной техники. Продлены сроки эксплуатации более четверти ВВТ, выработавшей ресурсы до списания или капитального ремонта. Не смотря на минимальные объемы финансирования, проводилось поэтапное перевооружение и оснащение войск современными образцами техники и вооружения. Особое внимание уделялось частям специального назначения. Кроме этого, сюда, а так же в части оперативного назначения направляли большое количество автомобилей повышенной проходимости и грузоподъемности. Укомплектованность этих частей грузовыми автомобилями повысили с 12 до 60 процентов.

В лучшую сторону по итогам года отмечалась работа "вооруженцев" в группировке внутренних войск, Северо-Кавказском и Уральском окру-

гах. Наметились тенденции к улучшению в Московском и Приволжском округах.

Кроме того, заместитель главного командующего напомнил, что в 2003 году предстоит продолжить работы по повышению укомплектованности войск вооружением и военной техникой, завершить перевооружение некоторых частей на новые виды бронетанкового вооружения и техники, провести ремонт некоторых образцов артиллерийского вооружения. Особое внимание необходимо уделить своевременному восстановлению боеспособности ВВТ частей, выведенных из состав группировки внутренних войск в СКР.

Кроме того, предстоит активизировать работу по совершенствованию учебно-материальной базы и организации технического обеспечения учебного процесса в учебных частях. Еще более тщательно готовить водителей и механиков-водителей к вождению военной техники в критических дорожных ситуациях и сложных физико-географических условиях.

Поздравляя своих подчиненных годовщиной образования службы вооружения, генерал-лейтенант Ровенский выразил уверенность в том, что в непростых социально-экономических условиях и сложной современной общественно — политической жизни его коллеги по-прежнему будут с честью выполнять свое дело и преумножать славные традиции внутренних войск.

Подготовил подполковник Игорь БЫСЕНКОВ

ЧТОБЫ НЕ ОСТАЛОСЬ смертельно опасных Дорог

“Встать, суд идет!”...

“...Именем Российской Федерации за совершенное преступление, предусмотренное частью второй статьи 350 Уголовного кодекса Российской Федерации - нарушения правил вождения и эксплуатации машин, повлекшее по неосторожности смерть человека ...приговорить рядового Романова к двум годам лишения свободы с содержанием в исправительной колонии общего режима. Принимая во внимание... заменить лишение свободы двумя годами содержания в дисциплинарной воинской части”.

Выездная сессия военного суда Московского гарнизона состоялась в феврале нынешнего года в одной из частей внутренних войск. На ней рассматривали уголовное дело водителя этой части рядового О. Романова. В октябре прошлого года он ехал по Москве на автомобиле ГАЗ-3102. Приближаясь к остановке общественного транспорта, Романов сбил пешехода, который пытался перейти проезжую

часть. От полученных травм тот скончался на месте...

За прошедший год в Российской Федерации произошел самый большой за последние 10 лет рост дорожно-транспортных происшествий, в результате которых погибли люди. Если пять лет назад на каждые 10 тысяч транспортных средств приходилось 40 ДТП, то в 2002 году их уже было 49.

Резкое увеличение количества автотранспорта на дорогах, осложнение характера дорожного движения, рост его плотности и интенсивности — все это во многом повлияло и на аварийность во внутренних войсках. В прошлом году на войсковом транспорте совершено 33 ДТП, в результате которых погибли 13 человек и 9 получили ранения. Несмотря на многочисленные требования главнокомандующего и проводимую в войсках работу по предупреждению дорожно-транспортных происшествий, ожидаемого снижения показателей аварийности по сравнению с 2001

годом не произошло. Более того, в 1,7 раза увеличилось количество ДТП, число погибших возросло в 1,3, травмированных — в 1,8 раза. Преобладают столкновения. Их доля в общем числе происшествий составляет 40 процентов. В 18 процентах случаев ДТП совершались наезды на пешеходов. Чаще всего это происходило во время проезда перекрестков, пешеходных переходов и остановок общественного транспорта. Здесь произошла практически половина всех происшествий.

К примеру, водитель автомобиля ЗИЛ-131 рядовой М. Канаев (Сибирский округ ВВ) подъезжал к нерегулируемому перекрестку и столкнулся с автомобилем ВАЗ-2106. В результате пассажир, который находился в легковом автомобиле, от полученных травм скончался.

“Человеческий фактор” по-прежнему остается главной причиной ДТП. Почти в 80 процентах всех случаев нарушений водители не соблюдали Правила дорожного движения.

Анализ автопроисшествий подтверждает, что большинство из них совершено вне населенных пунктов (практически все опрокидывания и около половины столкновений). Происходило это, как правило, из-за недостаточной профессиональной подготовки водителей при совершении маневров, выборе безопасной скорости движения и дистанции до движущейся впереди машины, недисциплинированности их и старших машин.

Летом прошлого года водитель младший сержант контрактной службы А. Деряжный и старший машины старший лейтенант А. Самойлов (Северо-Кавказский округ ВВ) возвращались на автомобиле "Урал" в пункт постоянной дислокации. Деряжный ехал с повышенной скоростью. И тут пришлось экстренно тормозить. Грузовик занесло на полосу встречного движения. Там он столкнулся с автомобилем ВАЗ-21093. Водитель "Жигулей" получил тяжкие телесные повреждения, его машине нанесен материальный ущерб.

Но кроме роли старших машин в частях порой недооценивают важность обучения водителей. Ведь в большинстве своем навыки, полученные ими еще до поступления в войска, поверхностные. Однако занятия по технической подготовке с водителями, бывает, вовсе не проводят. Это снижает и без того низкий уровень их профессиональной подготовки. В результате многие в сложных дорожных условиях неправильно оценивают обстановку, теряют контроль над управлением автомобилем. Это приводит к тяжелым последствиям.

В январе прошлого года водитель автомобиля ЗИЛ-131 рядовой С. Сергеев (Сибирский округ ВВ) перевозил караул. На скользком участке дороги он не справился с управлением и опрокинул машину. Трое военнослужащих погибли, еще трое получили различные травмы.

Много упущений в работе командиров частей и подразделений, их заместителей. Возможно, поэтому участились факты нарушения правил эксплуатации техники и организации внутренней службы в парках, их охраны. Так, пользуясь бесконтрольностью со стороны должностных лиц, старший водитель ефрейтор Р. Сотниченко само-

стоятельно выехал на закрепленном автомобиле МАЗ-5337 за пределы военного городка Чкаловский. Когда он возвращался обратно, на опасном участке дороги превысил скорость, не справился с управлением и опрокинул автомобиль. Медицинская экспертиза подтвердила, что в момент совершения ДТП водитель находился в нетрезвом состоянии. Лишь по случайности поездка не закончилась трагедией для него и других.

К сожалению, становится опасно и на территориях военных городков, в автопарках. Количество совершенных здесь происшествий возросло с одного до пяти (по сравнению с 2001 годом). В них один человек погиб, три получили травмы различной степени тяжести.

Водитель рядовой Р. Шамсутдинов (Сибирский округ ВВ) на территории автопарка двигался на грузовом автомобиле задним ходом и совершил наезд на рядового В. Голуба, который получил серьезные ранения. Этот случай произошел из-за элементарного несоблюдения мер безопасности.

Чтобы повысить эффективность работы по предупреждению дорожно-транспортных происшествий, обеспечить безопасность движения на автомобильном транспорте, во внутренних войсках проводятся месячник безопасности дорожного движения, специальные мероприятия по подготовке техники, личного состава, парков к эксплуатации в летнее время. Основными направлениями в деятельности должностных лиц остаются профилактика ДТП, предотвращение гибели и травматизма людей, выявление и пресечение случаев нарушения Правил дорожного движения, улучшение профессиональной подготовки водителей, их воспитание. Тем более что роль "человеческого фактора" сегодня как никогда возросла, и спокойная обстановка на дорогах зависит от поведения и подготовленности каждого участника движения.

Полковник Виталий КОВАЛЬ
Фото автора

Иванов ПОДВИГ

Спарринг был жестоким. Удары сыпались со всех сторон, навыки рукопашки не помогали от профессиональных хуков справа и слева. Хотел уже лечь, но что-то внутри сдерживало...

ПРОВЕРКА КРОВЬЮ

Лейтенант Иван Шелохостов еще в Новосибирском военном институте внутренних войск МВД России начал усиленно готовить себя к службе в спецназе. Многие на его курсе мечтали пробиться в ряды "русичей" или знаменитого "Витязя". Конечно, есть и другие отряды специального назначения внутренних войск, но Первопрестольная манила все-таки больше. Да и уровень подготовки московских спецназовцев всегда был на голову выше, чем у остальных. Именно по методикам, разработанным еще Сергеем Лысюком — первым командиром ОСН "В", обучался в родном Новосибирском институте Иван.

Он знал, что у "витязей" придется показать, на что способен, почему именно его, как и других немногих счастливчиков, должны отобрать для прохождения службы в элитный отряд специального назначения внутренних войск.

В 2000 году выпускников сразу нескольких войсковых командных институтов встречал в Отдельной дивизии оперативного назначения один из заместителей отряда "Витязь" майор Владимир Константинов. Из них около 100 человек изъя-

вили желание служить в спецназе. В. Константинов вспоминает:

— Пусть на меня никто не обижается, но практически все молодые выпускники элитных военных вузов подготовлены плохо. Придя в войска, они забывают многое, чему обучались на кафедрах. Да, гонора и лейтенантского форса у них не отнять, а на деле...

Но Иван выделялся среди этой толпы. Немногословен, подтянут, вежлив с командирами, четко отвечает на поставленные вопросы. Насчет

я все-таки приоткрою.

Эта рота была создана как подобие легендарной "Альфы". Все должности в ней только офицерские. Командир подразделения в звании подполковника, командиры отделений — старлеи и капитаны, рядовой состав — лейтенанты.

В пункте постоянной дислокации личный состав регулярно совершенствовал профессиональные навыки, отработывая самые неожиданные вводные. К примеру, ставилась задача: "Группе из нескольких человек скрытно выдвинуться в сопредельное государство, на территории которого находятся базы боевиков, регулярно совершающих

физподготовки — отдельный разговор. Тесты на выносливость я усилил, ужесточил, кстати, за чрезмерное рвение даже получил от командира части выговор.

Спарринг на ринге для новичков был не из приятных. Сначала майор свел лейтенантов в рукопашную между собой, и через каждые две минуты выпускал против одного из них опытного офицера—"краповика". Затем время боя с инструкторами было увеличено до пяти минут. Некоторые офицеры, прошедшие стандартный набор тестов по физической подготовке, увидев такие жесткие спарринги, отказались от мечты служить в спецназе. А Иван Шелохостов — нет.

Кровь из рассеченной брови текла по щеке, во рту был невероятно соленый вкус поврежденной ударами кулаков десны, но на это было наплевать. Он выстоял, продержался, доказал всем, и прежде всего самому себе, что достоин стать членом коллективного воинского братства, одним из тех, для кого приказ, Родина и краповый берет — вечные ценности.

Майор тогда отобрал в отряд семерых (из 100), включая и Ивана.

"СЕКРЕТНАЯ" РОТА

Новоиспеченному лейтенанту сразу же повезло. Попал в одно из элитных подразделений "Витязя" — офицерскую роту. Даже сегодня говорить всю правду об этом подразделении еще рано, но завесу тайны

террористические рейды в Россию, и пленить главаря незаконных вооруженных формирований". При чем вернуться разведчики должны без потерь.

В форме тактической игры старшие офицеры подразделения пытались, в прямом смысле этого слова, натаскать военнотружеников на решение всех поставленных командованием служебно-боевых задач. Из обыкновенного спецназовца они "опытным путем" лепили человека, способного пролезть в ушко иголки, при этом ухитрившегося протащить сквозь эту "норушку" всю ведомую им группу.

Многие офицеры, прошедшие школу "особой" роты, позже возглавили другие подразделения "Витязя". И именно их заслуга в том, что в Чечне боевикам не удалось осуществить десятки террористических актов, уничтожить сотни мирных людей, дестабилизировать обстановку на Северном Кавказе.

ПРОПАВШИЕ ОРДЕНА

...Когда в феврале 2002 года отряд прилетел в Ханкалу, на базу Объединенной группировки федеральных войск в Чечне, командира сводной группы спецназа сразу же вызвали к одному из заместителей командующего. Инфорация, которую подполковник получил от генерала, была сродни шоку. В населенном пункте Старые Атаги довольно длительное время сотрудники Федеральной службы безопасности

России пытались выяснить, откуда после очередного рейда подразделений внутренних войск и местной милиции по проверке паспортного режима в поселке у "мирных" жителей опять появляется оружие. Тщательный поиск и кропотливая работа чекистов положительного результата не дали. Каналы поставок оружия обнаружить не удалось, зато вскоре местные жители нашли тела четырех зверски растерзанных офицеров в ближайшей лесополосе...

Генерал не стал объяснять подполковнику, какой резонанс в федеральной группировке получило это жестокое преступление чеченских бандитов. По тону бывалого оперативника офицер понял, что найти их — дело чести военных.

Решено было блокировать войсками поселок и прочесать его вдоль и поперек.

Вскоре после начала операции, 14 февраля, "витязи" с коллегами из "Альфы" оперативным путем выяснили здание, в котором могли находиться те, кто устроил расправу над чекистами.

Не успел спецназ окружить подозрительный дом по периметру, как из пустых глазниц-окон на военнотружущих обрушился огненный дождь. Мало кто из бывалых спецов сталкивался прежде со столь ожесточенным огнем.

"Альфа" понесла потери — было ранено шестеро офицеров, один из них — тяжело.

Старший лейтенант Шелоховстов эвакуировал раненых братишек из-под перекрестного огня бандитов. Во многом благодаря его грамотным и решительным действиям удалось завершить операцию с минимальными потерями (если словосочетание "минимальные потери" вообще здесь уместно).

Когда спецназ ворвался в дом, Иван застрелил двух боевиков, оказавшихся прямо перед ним в узком коридоре. Короткими перебежками преодолел несколько пустых комнат. Непрерывно отстреливался. В один момент прямо под ноги ему прикатилась граната. Но и здесь он не растерялся. Схватив смертоносный сюрприз, он закинул его в дальнюю комнату... Несколько бандитов-автоматчиков раскидало в страшном вихре взрыва.

Три раза (!) "Витязь" входил в здание и откатывался назад под натиском матерых головорезов. В четвертый — спецназовцы закидали бандитов гранатами. После боя оказалось, что столь отчаянное сопротивление боевики оказывали не зря. Среди трупов местные милиционеры опознали четырех главарей незаконных вооруженных формиро-

ваний. В карманах у них обнаружили списки личного состава подразделений с указанием фамилий и адресов проживания. Не часто федералам удавалось сорвать такой куш.

После этой кровопролитной схватки прошел год, но до сих пор никто из "витязей", участвовавших в ней, не награжден орденом или медалью!

Мне довелось услышать от одного офицера отряда специального назначения "Витязь" байку о том, как спецы после завершения операции случайно перехватили по рации чей-то разговор кого-то с кем-то:

— Слушай, срочно готовь наградные, а то мы опять пролетим с ними. Внутренние уже направили в штаб наградные.

— Я понял, есть!...

В этом месте разговор временно прервался, и один из "витязей" решил ради шутки подменить одного абонента и прокричал в эфир:

— И не забудь наших писарей в списки включить!

— Да, да, обязательно! Писарей включим обязательно! — ответил ему неизвестный далекий голос.

"Кому — война, а кому — мать родна!" — эта поговорка, как ни печально, подтвердилась в феврале 2002 года.

И. Шелоховстов с боевыми товарищами, рискуя жизнью, выполнил приказ, а Родина забыла этот подвиг, "потеряла" где-то награды для своих героев...

ВОЛЧИЙ КАПКАН

В конце прошлого года старший лейтенант Иван Шелоховстов принимал участие в одной из специаль-

ных операций на территории Чеченской республики. Даже его близкие товарищи отказались говорить о том таинственном, засекреченном горном рейде. Удалось узнать лишь, что штурмовой группе во главе с И. Шелоховстовым удалось незаметно пройти сквозь кордоны подразделений чеченских боевиков и найти схроны с оружием и боеприпасами. Вскоре по координатам, переданным в штаб федеральной группировки, склады были уничтожены ударами с воздуха. Грамотного профессионала Шелоховстова наградили медалью "За воинскую доблесть".

Его очередная "горячая" командировка подходила к концу, когда поступил приказ на обычную проверку паспортного режима на территории чеченского города Аргун...

В одном из частных строений спецназовцы обнаружили местного главаря бандитов. Боевик, недолго думая, бросил в военнотружущих пару гранат и попытался скрыться в одной из комнат, но ответным огнем был уничтожен.

На помощь главарю из соседних зданий бросились десятки головорезов. По спецназу сразу с нескольких направлений открыли шквальный огонь из стрелкового вооружения и подствольных гранатометов.

Быстро оценив складывающуюся обстановку (уже было ранено семеро боевых товарищей, которых следовало немедленно эвакуировать), командир разведчиков старший лейтенант Иван Шелоховстов принял решение — вызвать огонь на себя и прикрыть товарищей. Прозвучала команда: "Отходите! Я прикрою!".

Почти два часа, до прибытия помощи, офицер держал оборону. Экономя патроны, вел прицельный огонь по наседавшим боевикам одиночными выстрелами.

Мужественный спецназовец до последнего патрона прикрывал отход своих боевых товарищей. Он наверняка знал, что помощь может просто не успеть, но до последней минуты выполнял свой воинский долг. Рискуя жизнью, старший лейтенант Иван Шелоховстов спас боевых товарищей, приняв на себя подлый огненный удар чеченских бандитов.

Командир ОДОНа полковник Сергей Меликов ходатайствует перед главнокомандующим ВВ МВД России о представлении офицера к высокому званию Героя Российской Федерации посмертно.

**Капитан
Александр КИРИЛЕНКО**

Некоторые фамилии изменены

Мужики

Шел троллейбус пятый номер...

В троллейбусе, следовавшем до краевой больницы Краснодара, народу было много. Час пик. Счастливики, которым удалось занять места, дремали или уткнулись в газеты. Несколько молодых ребят под музыку расслаблялись "Клинским". Женщины с сумками, без надежды быть замеченными представителями сильного пола, топтались на задней площадке, устало обсуждая свои проблемы. В общем, все как обычно. Однако резкие выкрики с "камчатки" заставили почтенную публику оживиться. Крики и ругательства исходили от группы из трех человек, явно лиц кавказской национальности, находящихся в подпитии и вольготно расположившихся на задних сиденьях:

— На х.. на х.. на х..! — выкрикивал один из компании смуглых россиян, раскачиваясь в такт движения на сиденье. В руке он держал банку пива. — Долбаная страна, как она меня достала! Что смотришь, дура? — заорал он вдруг на стоявшую рядом женщину. — Сесть хочешь? Хрен тебе! Я заплатил за два места.

Гогот земляков был одобрением остроумию своего товарища.

Та попыталась пресечь нахала, но в ответ, как из помойного ведра, сплошным потоком вновь полилась грязная брань. Образумить хулиганов попыталась другая женщина, стоявшая рядом:

— Ты что себя так ведешь? Мать бы твоя услышала сейчас тебя, засранца.

— А мужики-то где наши? — спохватилась третья. — Что же они не прекратят безобразия, не набьют ему морду?

Те, к кому обратилась женщина, вдруг торопливо начали что-то внимательно высматривать за окном бегущего троллейбуса (ничего не видим). Молодежь студенческого возраста, себя, очевидно, с мужиками не ассоциируя, покончив с "продвинутым Клиным", погрузи-

лась в нирвану, добавив мощности в плеерах (ничего не слышим). Трусость она везде трусость, хоть в Африке, хоть в краснодарском троллейбусе. Сделать вид, что тебя это не касается, и лихорадочно готовиться к обороне, если зацепят тебя. Данилой Багровым, известным всей стране по фильму "Брат", который в аналогичной ситуации в два счета навел порядок, здесь и не пахло. Впрочем, то было кино. А здесь, в реальной ситуации, усмирить хулиганов своими силами без дяденьки милиционера в набитом битком городском троллейбусе было некому. Остановка.

Но нет. С передней площадки решительно протискивается какой-то военный в камуфляже. Широкие плечи, погоны майора. Краповый берет.

— А ну пасть закрой, гнида, зашибу! — Рубец на правой щеке начинает багроветь, в глазах плещется неукротимая ярость, а рука, схватившая за воротник оторопевшего матерщинника, кажется, вот-вот вытряхнет из него душу.

— Б-б-брат, п-п-погоди, — невнятное бормотание, улетучившийся разом хмель, судорожные движения рук, цепляющихся за сиденья. Когда двери закрылись и троллейбус тронулся, пассажиры вздохнули с облегчением. Порядок был наведен. Слава Богу, есть у нас мужики.

Арифметика Парфенко

Сколько раз ему, майору Артуру Парфенко, кавалеру двух боевых орденов и нескольких медалей, заместителю начальника разведки соединения, приходилось наводить порядок, защищая честь, а то и жизнь граждан. И если бы только в общественном транспорте. Наводить порядок приходилось в боевой обстановке. Курсантом военное училища — в Карабахе и Баку. Лейтенантом — в Абхазии. Старлем — в Чечне. Капитаном — в Дагестане. История соединения, в кото-

Майор Артур Парфенко

ром он служит, это и его история. Когда в декабре 94-го краснодарцы входили в Чечню, а затем, после неудачного новогоднего штурма, и в Грозный, Артур Валерьевич был с разведкой впереди. Не забудет он момент, когда они уже на следующий день прорвались к зданию бывшего совмина ЧИАССР — дворцу Дудаева. Там он и получил свое ранение. Лишь первое из пяти. За первую кампанию он прошел, прополз и обшарил Чечню со своими орлами вдоль и поперек. Нахлебавшись, казалось бы, войны вдоволь, он вопреки логике некоторых даже грамотных офицеров в числе первых добровольцев перевелся для прохождения службы в 46-ю брига-

ду, в разведку, туда, где круче. Отслужил там два с половиной года. Таких людей в войсках уважительно называют фанатами и признают, что на них держится армия. Их не понимают меркантильные сослуживцы и ценят кадровики, побаиваются старшие начальники и уважают подчиненные. Ненавидят враги. В его кабинете стоит кресло покойного обер-головореза Арби Бараева. А Басаев за голову майора обещает вознаграждение в пять тысяч американских долларов. Однако Артур Валерьевич собирается жить долго и просит алчных абреков напрасно не беспокоиться. Он вообще к денежным знакам относится на удивление спокойно. Проверено жизнью. Было такое, чего греха таить, уходил Парфенко из войск. Показалась ему, что счастье действительно "в деньгах и их количестве". К тому же в тот период, как помнится, была хроническая задержка с выплатами денежного довольствия, пайковые вообще перестали платить. Махнул тогда рукой майор на всю эту канитель, поддался на уговоры давних друзей заняться бизнесом.

Да только короткой оказалась эта страница в его биографии. Не по нутру ему, русскому офицеру, пришлось обывательская психология, умиление от одного вида текущей в карман "зелени". В общем, сегодня он снова в строю. Жилье, обещанное за службу в "бригаде переднего края", он так и не получил. Но не это является пределом его мечтаний. Растет у Артура Валерьевича сын. Определить его в кадетский корпус, воспитать настоящего офицера — вот мечта, достойная такого Человека с большой буквы. А пока он воспитывает разведчиков соединения. Требования у бывалого воина очень жесткие. Потому что воевать, по его мнению, придется еще очень долго. Противник у нас, считает майор, очень серьезный, а резервы — воистину исчерпаемы. Запомнился случай, рассказанный им. В ходе одной из разведывательно-поисковых операций в предгорном селении в доме обнаружили какие-то шприцы, медицинские препараты. Заподозрили, что для лечения боевиков. Оказалось, для хозяйки дома — лет шестидесяти на вид старой чеченки. Она собиралась еще рожать, и ей необходима медицинская помощь.

— Народ, у которого в отличие от нас многодетные семьи — это правило, а не исключение, — очень опасно иметь враждебным соседом. Население Чечни по итогам

переписи, как ни странно, значительно возросло, — задумчиво рассуждает бывалый разведчик. — Но и здесь не все так просто. Видел я один рассекреченный документ ЦРУ, где четко прописано, что снижение численности населения в России — одна из главных задач американцев. По их расчетам, к 2016 году нас, русских, должно стать на 9 миллионов меньше. Лет эдак через двадцать нас просто задавят массой подростки мстители. Нужно что-то предпринимать, причем на государственном уровне. Иначе какой смысл уничтожить, к примеру, десять боевиков, если у каждого из них растет по три-пять пацанов, у которых будет столько же внуков против моего одного? Арифметика не в нашу пользу. И все-таки я на всякий случай веду свой счет. Хочу число уничтоженных лично мной боевиков довести до полнокровного взвода, пока же недостает еще нескольких голов. А дальше посмотрим.

Вот так, по-государственному, мыслит наш разведчик. Задуматься бы нам всем, попытаться взглянуть в неумолимо проявляющиеся черты недалекого будущего, что нас действительно ждет?

А тогда, в троллейбусе, майор не лютовал. Просто не любит он, когда в его родном городе гости начинают злоупотреблять гостеприимством хозяев и ведут себя похамски.

"А помнишь, майор?"

Ну а мы сегодня сидим в кабинете начальника разведки Краснодарского соединения, куда меня пригласил Артур Валерьевич поговорить чайку в компании офицеров. После чашки ароматного Краснодарского чая так и тянет поговорить за жизнь. Да и повод есть. Вернувшееся с подведения итогов прошедшего года в Главкомате командование привезло радостную весть: соединение в войсках названо в числе лучших. Мне, например, непонятно, каким трудом им, командирам, офицерам, солдатам, в череде постоянных командировок на войну удалось сделать соединение в прошлом году победителем в смотре-конкурсе по службе войск; как они смогли в два раза улучшить показатели по воинской дисциплине и остаться в числе лучших в вопросах эксплуатации техники? Вот сижу, слушаю, записываю, пытаюсь все-таки понять.

Только в декабре прошлого года

наконец-то все подразделения Краснодарского соединения смогли вернуться в пункты постоянной дислокации. Впервые после августа 1999 года. Вернулись не все. Общие потери краснодарцев весьма ощутимы. Сто семьдесят шесть военнослужащих погибли за одиннадцать лет существования соединения. Сто двадцать два из них сложили свои головы в период второй чеченской кампании, более пятисот получили ранения. Причиной гибели большой группы военнослужащих принято считать либо что-то разгильдяйство, либо предательство. Всякое бывает на войне. Однако сами краснодарцы твердо уверены, что среди своих ни первых, ни вторых не было. Судите сами. Тридцать четыре армавирских спецназовца погибли под Новолакским в сентябре 1999 года, выполняя приказ командования о взятии злосчастной высоты 715, 3, которую в итоге пришлось, подчинившись другому приказу, оставить. Пятнадцать человек — в черном январе 2000 года, при нападении на войсковую колонну, устроенном боевиками, на маршруте Мескер-Юрт — Аргун. Одиннадцать краснодарцев погибли в неравном бою, попав в засаду, в апреле 2000 года под Сержень-Юртом. Вечная им память!

Разговор заходит о погибших сослуживцах. Фамилии, имена, позывные, населенные пункты и отметки высот Чечни и ее окрестностей, боевые эпизоды. "А ты помнишь, тогда, в апреле, под Бамутом?", "А Грозный, август девяносто шестого?"

— Мужики, Каргалинскую плотину, Саню Мисюру, помните? Он же накануне своего дня рождения погиб. Зашел как раз к нам в палатку: "Ну, — говорит, — как будем день рождения отмечать?" — перехватывает инициативу в разговоре симпатичный черноволосый майор.

Юрий Васильченко занимает должность инструктора по работе с семьями соединения. И это верное решение командования, потому что кому, как не ему, надлежит лучше всего знать проблемы семей погибших и раненых боевых товарищей. Юрий Александрович — инвалид боевых действий. Правую ногу майор потерял в бою за ту самую Каргалинскую плотину в мае 97-го. Страна тогда находилась в состоянии "переваривания" хасавюртовского перемирия. Мудрили и лукавили политики, что-то невнятное выдавали в теленовостях дикторы, депутаты группами и поодиночке ездили освобождать из чеченского

плена российских военнослужащих, а министр Степашин, посетив Кадарскую зону Дагестана, успокоил общественность, заявив, что опасности здесь нет. Краснодарцы тогда несли службу по прикрытию чечено-дагестанской границы в районе Кизляра. Они-то и без телевизоров знали, какая обстановка была на той стороне. А была она очень тревожная. Разведкой отмечались скопления вооруженных людей в лесных массивах. Наши заставы часто обстреливали. Противником велось круглосуточное наблюдение. А накануне нападения из расположения пропали два бойца. Кто же знал, что иуды рванули не куда-нибудь, а за границу, в Чечню...

Старший лейтенант Александр Мисюра был и остается лучшим другом Юрия Васильченко. Познакомились они давно, еще в конце 80-х в конвойном полку в Казахстане, куда Юрий молодым офицером перевелся с Украины. Мисюра тогда был прапорщиком. Молодым и веселым запомнили его сослуживцы на всю жизнь. К таким красивым и сильным людям, каким был Александр, всегда тянутся. Надо ли говорить, что при этом, будучи еще и человеком большой и щедрой души, он стал любимцем солдат. Куда податься солдату в увольнении в незнакомом городе? Или с кем поделиться сомнениями после полученного из дома письма от ветреной девчонки? Солдаты его роты, где он был старшиной, знали, что Виталич ненавязчиво даст добрый совет, приютит на ночь и накормит. Конечно, это не вызывало восторгов у его супруги Татьяны. Родилась маленькая Кристина, и домашние обязанности молодого отца никто не отменял. Но Александр и здесь проявлял чувство такта и любви: "Ты только не ругайся. Не нужно, чтобы ребята слышали, а я все сделаю". И делал, как обещал. Он всегда держал слово.

В опустевшей квартирке погибшего офицера хранятся перетянутые бечевкой толстые пачки писем от солдат, многочисленные фотографии. "Самому интересному и веселому офицеру на долгую и добрую память" — написано на одной из них.

Потом друзья расстались. Юрий перевелся в Краснодар, а Мисюра попытался продолжить службу во внутренних войсках независимого Казахстана. Окончив КУОС в Питере, он получил первый офицерский чин. Да только не пошла служба. В 1995 году семья лейтенанта запаса

Старший лейтенант Александр Мисюра (справа), за спиной — Чечня, апрель 1998 г.

казахстанской армии переезжает в Краснодар, к родственникам. Год работы на стройках города — парень-то не только с головой, но и с руками — не принес удовлетворения, хотя деньги платили хорошие. Особенно тоскливо становилось на душе, когда встречал военнослужащих местной части внутренних войск. Однажды случайно на остановке встретил Васильченко. Как проходят такие встречи? Обнялись. Зашли в ближайшую кафешку. "Давай к нам, брат", — без обиняков сказал Юрий боевому товарищу после первой. После второй Александр решился. Лейтенантское прошлое в казахской армии ему не засчитали, отправили в Питер учиться. Второй раз оканчивает Мисюра офицерские курсы и наконец получает заветные погоны. После рождения дочери это был для него, без сомнения, самый счастливый день. А потом пошли командировки. Первая зимой 1998/99 года в дагестанское Первомайское. Через три месяца после возвращения — вторая. В район Каргалинской плотины. "Меня никогда не убьют", — уверенно говорил он, прощаясь, супруге и подросшей дочери. Татьяна знала, что ее любимый Саша никогда ее не обманывал, и потому старалась быть спокойной за него. "Его не убьют", — твердила она себе, когда тяжелые мысли все же одолевали ее.

В ночь на 28 мая при неожиданно начавшемся прицельном обстреле в палатку, где находились офицеры, влетела вражеская гра-

ната. На ее пути оказался старший лейтенант Александр Мисюра, принявший весь удар на себя, а Юрий, его верный друг, получил тогда серьезное ранение.

От инвалидности он отказался, чтобы была возможность продолжать службу. Сказал Васильченко просто, не подозревая, что я буду об этом писать. А мне тут же вспомнился один радостный полковник-москвич, размахивающий пухлой медицинской книжкой, счастливый от того, что у него набралось достаточно болячек, чтобы уволиться из войск по болезни. Вроде офицеры одного государства, одних войск. Да поди ж ты, какой разный взгляд на проблему.

Помогает оставаться в строю Юрию Александровичу верная супруга Галина — настоящая боевая подруга, писарь батальона. Пожились они в Питере, по окончании лейтенантом Васильченко училища. Вместе мотались по гарнизоном необъятного Отечества. Вместе они неоднократно были и в командировках в Чечне, Дагестане. Сейчас Галина сидит дома с двухлетним Сашей, названным так в честь погибшего товарища, которому, как считает отец, он обязан жизнью.

А недавно Юрию Александровичу крупно повезло. Национальный военный фонд выделил майору деньги на приобретение жилья. Жалко, не хватит на замену протеза, который давно стал настоящей болезненной проблемой для офицера.

— Квартира важнее, — определил приоритетное направление счастливцев. — Теперь можно по-настоящему служить. Его оптимизм да многим бы нам, живым-здоровым, тяготящимся порой непонятно чем.

Мое внимание привлек сидящий напротив немолодой майор. А на груди у майора два ордена Мужества, несколько медалей да две нашивки за ранение. Не удержался, спросил.

Петр Владимирович Львов служит оперативным дежурным по соединению. Режим работы — сутки через двое, а когда повезет, то и трое. Вполне, казалось бы, размеренная работа. А вот лет семь назад старший лейтенант Львов был командиром роты. Тогда же, в августе 96-го, в разгар боев за Грозный и получил он первое ранение.

Ах, было дело, было. Переброшенные, накануне в город Краснодарцы оказались заблокированными в бывшем 15-м военном городке. Выполняя поставленную командованием задачу, и поймал тогда пулю вражеского снайпера Петр Владимирович.

А вот про второе ранение Львова, уже капитана, хочется рассказать поподробнее. Получил он его при следующих обстоятельствах, ставших классическим образцом подвига русского офицера.

Являясь в апреле 2001 года командиром ротного опорного пункта (РОП) в районе Аргунского ущелья, Петр Владимирович узнал о нападении боевиков на армейскую колонну. Горное эхо донесло звуки перестрелки, а радиостанция — голос неизвестного абонента, который сквозь треск выстрелов и радиопомех молил о помощи. Обнаглевшие бандиты не рассчитывали, что сидящие на горке взвэшники сунутся выручать братьев-армейцев. Знали, что не очень это принято, из-за межведомственных разборок, проявлять в таких делах инициативу, защитить бы себя. Но на этот раз боевики ошиблись. Русский офицер капитан Петр Владимирович Львов принял решение спасти колонну, хотя сил для этого, конечно же, было мало. Ничтожно мало. Ударить из всех стволов, поддерживать огнем армейцев, выиграть время, пока не подойдут основные силы.

Обескураженные боевики, понеся неожидаемые для себя потери, откатились. Но ненадолго, будто знали, что помощь еще далеко. Амир отряда решил разделаться заодно и с засевшими на высоте

“собаками”, как называют меж собой нашего брата бандиты. Точно. Для волчары добрая сторожевая собака — первый враг, спуску не даст, жалко вот, цепь порой мешают.

Оставив в покое недобитую колонну, шакалы, считающие себя волками, победно воя, кинулись на позиции РОПа. В жаркой схватке командиру пришлось вызывать на себя огонь. В горячке боя и не заметил капитан, когда получил ранение в ногу. Спыхватился, когда бой закончился. Оказали ему тогда первую помощь и с прилетевшей вертушкой отправили в госпиталь.

“День Победы” под Бамутом

А по виду крутится “Чистилище” Невзорова. Тяжелый фильм. Не то что любимый, но правдивый. А правды о войне и не хватает этим мужикам. Правда остается за кадром телевизионных новостей. Но правда — это не только показ наших ошибок и просчетов командования, это и показ наших героических будней, которые не в состоянии осветить ни одна телекомпания мира, потому что разорится на пленке. За такую правду и любят офицеры этот фильм. Российский полковник с кровавым месивом вместо глаза в окруженном боевиками здании бросает спецназовцам с досадой: “Пацаны мои зеленые совсем. Вместо того чтобы воевать учиться, снег кубиками укладывали, ядрена вошь!”

— Так оно и было, — затягиваясь сигаретой, говорит невысокий, худощавый офицер, — не готовили ни фига войска к операции. Какие потери из-за этого страшные были. Солдата же учить воевать надо.

Когда узнал его ближе, подумал: “Как Суворов”. Бывал в этих краях Александр Васильевич, гонял кочевников-ногайцев. По-суворовски воевал и подполковник Попов. Сейчас он штабной работник, а в “первую Чечню” Вячеслав Вячеславович был ротным.

Его застава №39 была боевикам костью в горле, блокируя важную трассу между Ачхой-Мартаном и Бамутом, по которой два раза в день проходили войсковые колонны — лакомый кусок для абреков-разбойников. Весь гарнизон заставы — 25 человек. “Духи” несколько раз пытались выбить русских с удобной высоты, но успеха не имели. Однажды в апреле 96-го в 4 утра боевикам все-таки удалось скрытно подойти к занимаемым Поповым позициям. Нападение произошло

внезапно, с двух сторон. Часовой, который нес службу, почему-то не подал сигнала (его после боя с полными магазинами и остекленевшими от ужаса глазами увезли фээс-бэшники). Используя этот фактор, бандиты ворвались в блиндаж, где отдыхали бойцы, и вырезали спящих. Однако не всех. Ценой своей жизни одному из них удалось сделать предупредительный выстрел. Дальше бандиты не прошли. Четыре часа продолжался бой на заставе. Сдерживая наседавших боевиков, которых к тому же поддерживали огнем с соседней разрушенной фермы, нашим удалось отстоять заставу, продержаться до подхода резервов.

— Если бы тогда верх взяла минутная слабость, паника, — признается Вячеслав, — то вырезали бы и всех нас. Бились с остервенением, забрасывая друг друга гранатами, где-то сходясь врукопашную. Не дрогнули наши 18-20-летние воины перед оборзевшими бородачами, не побежали, не отступили. Когда боевики начинали ободрять себя боевыми песнями мюридов Шамиля, наши парни, не сговариваясь, запели “День Победы”. Ничего, моему, странного. Ну не Бори же Моисеева или Фили Киркорова шедевры в такую минуту петь? Когда нападавшие были уничтожены, а двое взяты в плен, выяснилось, что они не ожидали от русских такого сопротивления и оказались к нему не готовы. Вот он, русский дух! Тогда капитан Попов отделался всего лишь контузией. В том бою погибло и пятеро наших солдат. Вот их фамилии. Младшие сержанты Сергей Полиенко, Федус Файзуллин, рядовые Юрий Бусов, Дмитрий Цаплин, Сергей Гаврилов.

А ранение свое, снайперскую пулю в левую руку, Вячеслав Вячеславович получил позже, фактически в одном бою со Львовым, в августе 96-го, уже в Грозном, возглавляя одну из штурмовых групп по разблокированию 15-го военного городка. Перебила пуля ему локтевой и средний нерв правой руки. Теперь рука практически не работает. Нет средств на лекарства и массажи, что очень обидно подполковнику. Он об этом не просил, но я скажу: “Люди добрые, помогите офицеру сохранить руку, кто чем сможет!”. Связь через редакцию.

С трудом убедил его сфотографироваться, наконец он сдался. После чего подполковник Попов долго откручивал и отцеплял от выцветшего камуфляжа награды Родины: орден Мужества, медаль ор-

Майоры Вячеслав Попов (справа) и Юрий Васильченко

дена "За заслуги перед Отечеством", знаки "Почетный сотрудник МВД", "За отличие в службе". Делать это фактически одной рукой ему было неудобно. А ходить по штабу с наградами, "как дурак", он не хотел. Я понял. Это была не ложная скромность тех орденоносцев, которые, порой и не нюхая пороха, поприисутствовал в Чечне, получают награды. Это был жест широкой души русского офицера. С орденами только в гроб или на парад. Для меня он сделал исключение.

Предлагаю символический тост ароматного чая за его здоровье, однако Попову это явно не нравится. Компромиссное решение предлагает его сослуживец, сам инвалид боевых действий, капитан Алексей Плачинда — выпить за здоровье всех раненых. Сдвигаем чашки. А мне-то и невдомек, почему этому капитану молча уступили место старшие офицеры. Левую ступню Алексей потерял в том же апреле 96-го и тоже под Бамутом. Пошел проверять посты, нарвался на

растяжку. Ребята молодцы: оказали своевременную медицинскую помощь, эвакуировали в госпиталь. Там доктора сделали все, что смогли. Отлежался Алексей, оклемался и снова в строй. Мало того, начал опять в Чечню проситься и добился-таки своего! Сейчас служит заместителем командира роты МТО одного из полков, и служит хорошо.

Смотрю на этих мужиков. Ох и крепкий народ. Повезло мне. С такими людьми довелось пообщаться: посидеть, послушать. Боевики, наверное, неоднократно записали их в боевые и санитарные потери и получили, может быть, за это деньги. Но деньги надо вернуть хозяевам. Офицеры остаются в строю.

Вернувшись в Москву, рассказываю знакомым про таких героев, а они, чудачки, жалеть их начали. Бедненькие, мол, несчастненькие. Да они же здоровее нас с вами! По силе духа, по неистребимому желанию служить Отечеству. По вере в своих настоящих, боевых товарищей. Это ж только у плакатных военных "в здоровом теле — здоровый дух", а в жизни-то скорее наоборот! Сколько их, израненных телом, но здоровых духом, служит сегодня в войсках? Именно они и составляют их лучшую часть. И честь. И пусть знают бандюки, что не с мертвыми душами воюют они сегодня, а с теми, кто смотрел в глаза смерти. И пересмотрел ее, костлявую. Лишь только добавляется у наших мужиков нашивок за ранения, да седых прядей в волосах, да боевого опыта. За одного битого сколько там небитых дадут?

Роман ИЛЬИН

Краснодар-Москва

Фото автора
и из архива семей
военнослужащих

Некоторые фамилии изменены

От редакции. Как нам стало известно, личный состав соединения в данное время опять находится в Северо-Кавказском регионе, где выполняет поставленные служебно-боевые задачи.

НЕ АРМИИ В "БРАТСТВО"

ВАСЬКА БЕЛОУС

1. Так закалялась гниль

Родился Василий Белоусов в конце XIX века. Мать бросила его еще младенцем. Воспитала же его одна крестьянка из Московской губернии. До армии работал пастухом, наемным рабочим у богатых крестьян. Проходя службу, прирастался Васька воровать у более слабых сослуживцев. Да и других науськивал. Уйдя на гражданку, преступный промысел не забыл, и вскоре московские газеты запестрели материалами о неуловимом атамане Белоусе.

После каждого своего преступления он отправлял письма начальнику сысской полиции, содержание которых было примерно одинаковым:

"Там-то и там-то дело мной сделано, Васькой Белоусом, знаменитым атаманом неуловимой шайки, родившимся под счастливой звездой Стеньки Разина. Крови человеческой не проливаю, а гулять гуляю. Не ловите меня — я неуловим. Ни огонь, ни пуля не берут меня: я заговоренный".

Поначалу он кровь и вправду не проливал, но, как и многие другие бандиты и воры, почувствовавшие свою безнаказанность, Василий Белоус перестал ценить человеческую жизнь. Первой его жертвой стал пристав Белянчиков, и Василий сразу отписал начальнику московской полиции А.Ф. Кошко новое письмо:

"Его Благородие господина пристава Белянчикова убил я — Васька Белоус. Уж очень они стали притеснять нас, да и на Пашку (любовница Белоусова) глаза запускать...".

Почувствовав кровь, Васька остановиться был уже не в силах.

2. "Заблудившийся" в трупах

— Шагов, следи за входом, — скомандовал Белоус. — Увидишь кого — свисти.

Васька и еще двое членов шайки полезли в окно. Проникнув в квартиру, "атаман" теперь отдавал приказы жестами. Одного подельника отправил в гостиную, другого в холл, сам же направился в спальню, где спала хозяйка — вдова капитана 1-го ранга, выстрелил ей в живот. Убедившись, что вдова мертва, Васька приказал всем уходить.

Проснувшаяся вдова сразу поняла, в чем дело, и вцепилась ногтями Ваське в лицо. Белоус же, не долго думая, выстрелил ей в живот. Убедившись, что вдова мертва, Васька приказал всем уходить.

— Ты за что вдову порешил? — спросил у Белоусова Шагов.

— Да не волнуйся ты.

— Смотри, Васька, вторая кровь на нас.

— Что ты нюни распустил. А знаешь ли ты, что покойница — офицера жена. А масть их ой кровушки в армии из меня попила.

— Так ты ж сам говорил, что, когда в армии служил и за воровство тебя поймали, офицеришка, мол, от суда тебя и товарищей твоих, коих научил промыслу, спас. Аль забыл?

— Не забыл, — угрюмо ответил Василий. — И не забыл, как опосля по морде мне он вдарил. Да и пустой спор наш.

Продав награбленное, банда, как и было принято в их среде, пировала. Когда пьяная оргия достигла своего апогея, Белоус схватил нож и бросился на Шагова.

— Ты что же, думаешь, не вижу, как ты на Пашку смотришь? Загулять с ней хошь?! Авторитет мой подрываешь для этого?

И несмотря на протесты бывшего товарища и собутыльника и его

крики о помощи, Василий вонзил ему в грудь нож. Спустя минуту мертвое тело Шагова лежало у ног атамана.

Позже на суде он даже не пытался раскаяться.

— Этому молодцу туда и дорога! Не насильничай и не похваляйся этим! Не желаю, чтобы про Ваську Белоуса слава дурная ходила. Я не убийца и не насильник! Людей зря не мучил!

После этого убийства Белоус продолжал разбой и грабежи. Но сотрудники московской полиции шли по пятам его банды.

3. Эпилог

Васька убил еще одного человека — безоружного жандарма Муратова, ставшего у него на пути.

К поиску "атамана" подключились все военные ведомства и всё МВД.

Спустя неделю Василий Белоусов оказался на скамье подсудимых.

На суде держался уверенно, признал все свои преступления. Но образ жизни свой менять не хотел, о чем и заявил судьям.

— Ну сошлют меня на каторгу, — говорил он, — я сбегу оттуда да и примусь за старое. Раз человек дошел до точки — ему уж не остановиться. Шабаш! Как вы его ни ублажайте, а его все на зло тянет.

Но суд не сослал Ваську в Сибирь. Василий Белоус был приговорен к смертной казни через повешение.

КАДРЫ ДЛЯ БАНДИТСКОЙ МОСКВЫ

1. "Атаман" Попов

Из солдатской чайной, что находится недалеко от N-ского полка, вышел солдат-связист. Пересчитав

сдачу, он хотел положить ее в карман хэбэшки, как вдруг руку кто-то перехватил. Подняв глаза, солдат увидел перед собой младшего сержанта Попова, за спиной которого стояли два бойца. Он часто слышал от сослуживцев, что Попов промышляет грабежом, но пока на глаза вымогателю не попался.

— Учитесь жить, сынки, — сказал своим товарищам младший сержант. — А ты, “связь”, деньги гони, не то по стенке размажу.

“Связь” деньги отдавать явно не хотел, и поэтому попытался вырваться. Но двое подельников младшего командира удержали его.

— Ты что, малыш, с товарищами делиться не хочешь? — Сказав это, Попов занес кулак для удара. Боец втянул голову в плечи и зажмурился.

Но удара не последовало. Открыв глаза, солдат увидел возле Попова офицера.

— Подполковник Липко, — представился офицер. — Ваши военные билеты.

— У нас их командиры забрали, — промычала троица.

— Как это забрали? С какой целью?

— Чтoб мы их в патруле не потеряли.

— Так вы еще и в патруле? А где повязки?

— В роте оставили.

— Значит, службу несете помахновски, без документов и отличительных знаков. Из какого вы подразделения?

И тут младший сержант Попов бросился наутек, за ним последовали и оба “ученика”.

Догнать их офицеру не удалось.

— Ну что раскис? — обратился подполковник к бойцу-связисту. — Деньги-то целы?

— Да, — ответил тот. — Пока целы.

— Почему пока?

— Теперь они меня в покое не оставят!

2. “Добрые” командиры

— Вот, Дима, какие у нас есть подонки, — рассказывал своему другу майору Донецкому подполковник Липко. — Мало того, что сами воруют, так еще и молодежь учат. Найти бы их...

И тут за окном кабинета Липко увидел знакомое лицо сержанта, стоявшего в окружении других сол-

дат и сержантов. Голоса их были хорошо слышны.

— Чего ты, Попов, растерялся? — буквально отчитывал младшего сержанта громила с сержантскими лычками. — Видно, в свое время я тебя плохо научил. Ударил бы пару раз этого очкарика-офицера, он бы и не вспомнил о тебе. Сквозь линзы свои, думаешь, лицо твое запомнит?

У слушавших этот разговор офицеров волосы встали дыбом. Ведь у них мало того что грабеж на поток поставлен, так и к офицерам уважение отсутствует полностью.

— Догоним их, — не выдержал Донецкий, — я это слушать больше не в силах.

Но только офицеры вышли из помещения, как “бравый” сержант, видно, поняв, что был услышан, первым бросился бежать. Вся группа понеслась в сторону одной из казарм.

— Сейчас мы их вычислим, — сказал Донецкий. — Пойдем в батальон.

Однако услышанное в подразделении еще больше поразило офицеров.

— Это не наши, — сказал командир части, — у нас такого не бывает.

— Мы же видели, что к вам они забежали, — вступил в разговор подполковник Липко.

Как раз в это время из раскрытых дверей канцелярии майор Донецкий увидел и узнал сержанта, учившего сослуживцев, как надо себя вести при офицере.

— Так вот же он!

Через несколько минут нарушители были построены и опрошены. От действий своих если кто и отказывался, то очень уж вяло. Солдат и сержантов отправили в расположение рот.

— Я их накажу, — начал командир. — Вы уж поверьте.

— Нам, может, в письменном виде изложить увиденное? — спросил Липко.

— А зачем? — удивился командир.

— Чтoбы хулиганов на гауптвахту посадить.

— Нет, сажать на губу я их не буду. Постановление суда надо, — сказал командир части.

— Ну и за чем же дело стало, — вступил в разговор Донецкий. — Солдат-связист напишет жалобу, по ее факту возбудим уголовное дело.

— Да вы что? Это же минус подразделения, я, как командир, выговор получу.

3. Эпилог

Через несколько дней мы решили позвонить “доброму” командиру, прикрывшему грудью своих солдат, чтобы узнать, как все-таки он наказал виновников. И оказалось, что командир батальона даже не доложил вышестоящему начальнику о происшествии. Ну правильно, зачем по таким пустякам старшего начальника беспокоить, ведь в морду офицеру не дали, а так — попугать решили. Да и связиста не побили, и денег не отобрали... В общем, чисты солдатики перед уставом.

Инцидент исчерпан?

Как бы не так. Описанный выше пример не единичен. Сколько было уже публикаций и телевизионных передач, посвященных преступлениям в войсках?! А сколько нераскрытых случаев грабежей и разбоев в нашей военной среде имеют место быть?

Многие скажут, мол, призывники разные приходят, попадают среди них и отморозки, которых и за двадцать лет не перевоспитаешь, не то что за два года службы. Но если так рассуждать, то будем ждать, пока тот же младший сержант Попов или его “ученики” не станут новыми Васьками Белоусами — тот ведь тоже начинал свои “подвиги” в армии?! Или все же согласимся с тем, что воспитательный процесс в армии ныне, мягко говоря, не на высоте и заслуживает не только низкой оценки, но и проблемного, открытого и честного разговора?

Что же касается данного “частного” случая — конечно, учитывая то обстоятельство, что теперь на гауптвахту солдата можно посадить только в судебном порядке, офицеру сложнее бороться с “неуставниками”, но здесь-то мы имеем дело не с рядовым хулиганством. И закрывать глаза — значит, потакать ему. Не поэтому ли допризывники так боятся попасть в ряды нашей доблестной армии?

Иван ДЕНИСОВ

УБЕЖАЛ

ЛЕЙТЕНАНТ

Лейтенант Алексей Невзглядов, выпускник Пермского военного института 2001 года, мог считать, что ему повезло. Его назначили командиром автомобильного взвода одной из частей в ближнем Подмосковье. Жизнь обещала ему вполне радужные перспективы. Здесь и возможность скорой карьеры, и близость к столице. Все казалось ясным и понятным как дважды два. Сначала его должны обеспечить жильем, как им говорили в институте, затем дадут подъемные, ссуду на обустройство хозяйства, ну а со службой он как-нибудь справится. Правда, о ней самой Алексей имел весьма туманные представления. Но ведь идет же она у других, и он справится.

Да и войсковые стажировки за спиной. Хотя бы последняя. У Алексея она прошла безоблачно и беззаботно: дважды побывал дома; погулял на свадьбе у друга; не пропустил ни одной дискотеки в местном ДК "Металлург", где был весьма популярен у местных красавиц.

Учебный сбор молодых лейтенантов, организованный штабом части, прошел формально. Было просто некогда возиться с ними. Хотя расписание занятий, темы и время проведения сбора были красиво оформлены и вывешены на доске документации. В части издали грозный приказ, запрещающий отрываться молодых лейтенантов от занятий. Но сначала зампотылу забрал на часок молодого начпрод, затем смущенный зампотех отпросил начальника службы АТВ. Больше их до конца сбора никто в аудитории не видел. Нашлись более важные служебные дела. Пару занятий провел ЗНШ. Говорил больше об организации дежурной службы, сводя все в итоге к банальному инструктажу. Понятно: у кого что болит... Красиво и высокопарно об офицерской чести и воинском долге рассказывал офицер из группы по работе с личным составом. Но Алексей равнодушно слушал молодого майора. Себя он считал достаточно подготовленным офицером и не нуждался в агитации.

Алексей откровенно скучал. Объ-

занности начальника караула или дежурного по части он знал по двум войсковым стажировкам, да и устав был ему знаком. На животрепещущие вопросы о предоставлении жилья и сроках положенных ему выплат Алексею вразумительно ни на сборах, ни после никто из командования части не ответил. "Кормилец" зампотылу был вечно чем-то озабочен и недоступен, как олимпийский небожитель, а "мать родная" — замкомандира по работе с личным составом сам, как он выразился, "бичевал" в служебном кабинете. Ротный был более доступен, но непонятен, а его речь сумбурна и маловразумительна. Он долго мог рассуждать о подлости и коварстве подчиненных солдат и сержантов и несправедливости начальства, но на вопросы о конкретной помощи командиру взвода отвечал коротко и по-военному сжато: "Разберешься, не маленький".

Голова шла кругом. Казалось, что другие лейтенанты и правда как-то самостоятельно разбираются. Вон Максим, замполит его же роты. Хваткий парень. Приехал с женой и ребенком, уже снял квартиру; завел тетради, журналы; бегает в штаб, в группу по работе с личным составом, возвращается оттуда загруженный какими-то бумагами. Максим с охотой брался и за организацию занятий по ОГП, и за инструктаж заступающего наряда, да и в автопарке частного его можно было видеть заглядывающим под капот. И это Алексея слегка раздражало. Он считал его выскочкой и карьеристом. Но в чем это выражается, точно сказать не мог. Порой и ему хотелось так же навалиться на службу, принять какое-нибудь волевое решение, четким командирским голосом отдать важную и нужную команду. Но это одновременно и пугало его. А вдруг это его волевое решение или четкая команда окажутся не к месту? Нет уж, лучше не высовываться. Кто высовывается, того и бьют. Он все больше прятался в раковину непоня-

того героя-одиночки, которому не дают раскрыть способности и возможности, и с каким-то злорадством наблюдал, как распекал порой Максима замкомандира части. Но тот на удивление стойко переносил головомойки и с нескрываемым упорством продолжал тернистый "комиссарский" путь. Если честно, то его, лейтенанта Невзглядова, распекали не меньше. Ротный, как правило, расписался на общие темы, не объясняя сути вины и причин проступка, нещадно при этом матерясь. Это давало Алексею неоспоримое право "защиты чести и достоинства", поэтому он научился очень скоро препираться с ним, чем немало гордился. А вот со зловредным ЗНШ спорить было тяжело. Умудренным опытом подполковник Суматохин службу знал "от и до" и часто заставлял Алексея врасплох вопросами типа: "А почему, товарищ лейтенант, ваши подчиненные не знают порядка несения службы в парке?" От мыслей, что ЗНШ с утра наверняка опять успел что-нибудь накопать, у Алексея резко портилось настроение, и он старался как можно реже попадаться на глаза офицерам управления.

...Поселили его и еще с пяток лейтенантов в казарме. Дешево и сердито, как говорил их курсовой офицер. "Ладно, — утешал сам себя после вечерней "рюмки чая", распитой вместе с соседями-сослуживцами, Алексей, — это все временно. Вон мой сменщик на взводе, тезка, звезд с небес не хватал, и "залетов" у него навалом, но год прошел, и его, голубчика, командир выдвинул на вышестоящую должность в штаб. Перекантуюсь годик и я, а там перейду куда-нибудь в управление подалее от этого дурдома".

То, что он сам являлся строителем этой служебной лестницы, ему как-то и в голову не приходило. Ну не проконтролировал обед у бойцов, а что они, маленькие? Все прекрасно сами знают. Ну ушел из роты, будучи ответственным офицером, так ведь отбой-то я провел, да и личные проблемы у меня были. Не для того же

Родина меня пять лет учила, чтобы я проверял у рядового Пупкина, есть ли у него в рубчике мыло. Я офицер-автомобилист, если на то пошло. Мое дело, чтобы машины ходили.

Машины если и ходили, то как бы сами по себе. Умелой и опытной руки офицера-автомобилиста лейтенанта Алексея Невзглядова что-то никак не чувствовалось. Да и в парке он бывал все реже и реже. Бестолковщина, которая там происходила из-за отсутствия четкого и умелого руководства командира, раздражала как солдат, так и самого Алексея. Он ждал то зычных деловитых команд замполета, то пятиэтажного витеватого мата (к которому он уже привык) ротного. Сам же все командирские дела вскоре переложил на сержантов: замкомвзвода Лукичева и командира отделения Антонова. Те умело и быстро расставляли людей по местам, сурово покрикивая на нерасторопный молодец.

Однако как-то проводить служебное время надо было. Одногодки-лейтенанты были заняты службой, а Невзглядов нашел себе "дружков" среди подчиненных контрактников, с которыми можно было обсудить многие проблемы лейтенантского существования.

Контрактники, в основном вчерашние солдаты этой же части, слыли ушлыми и деловыми ребятами. Они отличались расторопностью, гораздо меньшей загруженностью по службе и минимумом служебных обязанностей. В домике, где они жили, всегда можно было найти сигарету, узнать телефоны безотказных девчонок и координаты ночных подработок; получить бесплатный совет практически в любой возникшей ситуации. Признанным авторитетом здесь слыл водитель командирского "уазика" ефрейтор Алексей Котленков. Наш лейтенант очень уважал товарища ефрейтора, питая к нему всю свою нерастратченную на целый взвод таких бестолковых, ленивых и хитрых срочников любовь. Лейтенант Невзглядов никогда не задумывался, насколько это вяжется с понятиями "субординация", "офицерская честь", да и просто "служебные взаимоотношения". Ему было просто хорошо. Он тешил тщеславие тем, что здесь с ним, как с равным, могут посидеть, поговорить и выслушать, иногда налить рюмочку. Их рассказы, подкрепленные словами: "Ну мы же сами солдатами служили", звучали для Алексея куда убедительнее всех доводов старших офицеров. О том, что эти контрактники являются его прямыми подчиненными и что отношения с ними надо бы строить несколько иначе, он не задумывался. Да и потом, замполиты все время требуют быть ближе к людям, вни-

вать в их нужды. От этой мысли ему становилось легко и весело.

Так и протекали дни, часы и месяцы офицерской службы. Жилье ему дать никто не торопился, офицерское жалованье оказалось неожиданно мизерным. В общем, заботы о своей персоне молодой лейтенант так и не ощутил. Алексей все чаще жалел о том, что стал офицером.

Как-то не так ему мечталось о предстоящей службе в родной Перми. В офицерской жизни было куда меньше романтичного, чем казалось. Его раздражали все: вечно совершающие какие-нибудь пакости подчиненные, всегда недовольные им командиры, однообразие застольных вечеров в остывшей комнатухе. Он так уставал от всей этой бестолковщины и неорганизованности, что даже в выходные не находил сил съездить в близкую Москву, куда он так стремился когда-то.

Желание бросить все и уехать домой, в родную Пермь, где ему всегда будут рады, где его поймут и пожалеют, возникло не сразу. А что, он разве не заслужил нескольких добрых слов о себе? В конце концов, разве он виноват в происходящем? Никому и дела нет до молодого офицера и его проблем. Это начальники загубили его профессиональный рост, не дали ему раскрыться, не подсказали, не наставили, не помогли. Все только и делают, что требуют: "Дай! Дай! Дай!" А что дали ему из того, что положено? Где нормальные условия для проживания и отдыха? Где возможность купить модные, красивые и удобные вещи, в которые одеваются его сверстники на гражданке?

Постепенно от общения с контрактниками, которые не стеснялись поддакивать своему командиру, он пришел к выводу: "Раз командование нет до меня дела, то пусть и служат сами". Вскоре уволились из части и некоторые из его наставников-контрактников. Котленкова уволили за несоблюдение условий контракта. А говоря проще, за драку. Вслед за ним посыпалась и вся колода. Алексей потерял последнюю точку соприкосновения со службой. Ибо отныне ему не у кого было получить совета, наставления и поддержки. Его решение созрело.

На другой день на стол заместителя командира части по работе с личным составом лег рапорт лейтенанта Невзглядова: "В связи с тем, что командование части не может предоставить мне нормальное жилье, которое мне положено по закону, я уезжаю к месту проживания родителей, где буду находиться по адресу: г.Пермь, ул...". Озадачив таким образом опешившего замполита, он, не прощаясь, убыл восвояси. Вот

так, ни больше и ни меньше. Ошарашенное командование части даже готово было послать к нему домой с целью увещевания целого полковника. Однако беглец в лейтенантских погонах, очевидно, ознакомленный по месту проживания с действующим уголовным законодательством и поддавшийся уговорам родителей, и сам вернулся через неделю. Тихо и незаметно.

Интересна реакция сослуживцев лейтенанта Невзглядова, выпускников того же года. Лейтенант Александр Окулов оправдывает его: "А что ему оставалось делать? Где жить?" Лейтенант Максим Коржаков: "Я его пытался отговорить, но он твердо решил ехать, и я не нашел, что ему сказать".

Максим, кстати, заместитель командира роты, где служит Невзглядов. "Неужели у вас так все просто — взял и поехал лейтенант к мамке на пирожки, а вы, мол, тяните, дураки, лямку?" Молчит замкомроты, опустив голову. Не учли такого расклада событий в Санкт-Петербургском военном институте, моделируя ситуации самовольного оставления части.

Вернувшись, лейтенант Невзглядов не понес никакого наказания, как будто ничего и не было. Молодых офицеров из казармы переселили в домик, где раньше проживали "авторитетные контрактники". Очевидно, не без умысла. Авось перевоспитаются. И будут служить дальше. Вот только вопрос: долго ли?

Подполковник Роман ИЛЮЩЕНКО

От редакции. Пока материал готовился к публикации, стало известно, что лейтенант Невзглядов уволился из войск и уже законным путем убыл в родной город Пермь.

К сожалению, данный факт не единичен в войсках. Иные командиры забывают, что закон о воинских преступлениях писан не только для военнослужащих по призыву. Тогда как командир ОДОНА полковник С.Меликов, например, в прошлом году возбудил уголовное дело в отношении ряда военнослужащих-контрактников. Суд не нашел оснований оправдывать офицеров, позорящих погоны. Шестеро из них приговорены к лишению свободы на различные сроки и к денежным штрафам.

Факты, изложенные в материале, подлинные, фамилии главных героев изменены.

Разные бывают увлечения. Кто-то собирает марки, кто-то — монеты, значки, спичечные этикетки. Коллекционируют старинную утварь, иконы, часы, колокола — от мелких поддужных до огромных. Но и это не предел. Живет в Австралии человек, чья коллекция состоит... из подводных лодок разных времен. Она не только влетает ему в копейку, но и возникает вопрос: где сие приобретение держать — в собственном заливе, что ли? Вернёмся, однако, в нашу страну.

В настоящее время сильно возросло стремление коллекционировать русские, советские ордена и медали. В местах, облюбованных коллекционерами для встреч, с завидной легкостью — были бы только деньги — можно заполучить почти любую государственную награду. Как-то мелькнула даже Золотая Звезда Героя. Подобную картину наблюдал в Москве, в Челябинске, а более всего

— в своем родном Екатеринбурге.

В основном предметом купли-продажи становятся награды бывшего СССР. То и дело раздаются голоса: "Почем "Знак Почета"?", "А "За отвагу" сколько?" Идет настоящий торг.

Сам по себе он, возможно, и не вызвал бы удивления: обмен, купля, продажа — ничего другого тут не придумать, особенно в отсутствие нумизматических и других специализированных магазинов. Настораживает другое: откуда эти ордена? Неужто бывшие фронтовики, доведенные до последней точки, собственноручно расстаются с ними? Не верится как-то. Скорее всего это награды ушедших из жизни воинов, и их утешка происходит через членов семьи. И тут приходится говорить о глубоком падении нашей общей нравственности.

Где чувство гордости и уважения к воинскому подвигу? К людям, честно исполнившим свой долг и присягу? А ведь многие вернулись с войны искалеченными, с потухшим взором, хотя и окрыленными нашей общей Победой. И не всегда они были обогреты государством и даже своими родными, где дети и внуки порой не интересовались, ничего не знали о ратном пути своего отца или деда. Не ведали этого частенько и сослуживцы, и соседи по дому. Лишь в минуты прощания, когда на подушечках выносят ордена покойного, у многих запоздало раскрываются глаза. Можно ли после этого всерьез говорить о воспитании

патриотизма, среди молодежи в частности?

С первого же года Великой Отечественной войны на груди многих воинов старшего поколения, успевших хлебнуть солдатского лиха еще в Первую мировую, рядом с новыми наградами знаками появились и царские Георгиевские кресты. Особенно заметно это было в кавалерийских корпусах генералов Л.Доватора,

ми: дескать, те, которыми награждались раньше, изготовлены из серебра более высокой пробы. В этом наглядное свидетельство торгашеского подхода.

Далеко не каждый имеет даже минимальные сведения о той или иной награде: когда учреждена, кто награждался? А ведь подлинный собиратель, в отличие от торгаша, прекрасно знает историю каждого знака и постоянно готов поделиться своими знаниями в этой области. Без таких знаний все превращается в обычное накопительство. А ведь за каждым орденом, медалью — человеческая судьба, подвиг, заслуга перед народом и страной. Нельзя забывать и о традициях. Русское воинство всегда гордилось ими.

Так, например, в начале прошлого века в Екатеринбурге был расквартирован Моршанский полк (по другим сведениям — отдельный батальон). Музыкантскую команду здесь возглавлял юный капельмейстер подпоручик Илья Шатров, способности которого еще раньше были замечены командиром полка, он-то и помог получить мальчишке образование. Когда началась Русско-японская война, полк был переброшен с Урала в Маньчжурию, участвовал в тяжелых боях. Однажды он попал в окружение, и, чтобы прорвать кольцо, вдохновить солдат, оркестр заиграл и повел за собой в атаку остальных воинов. Многие погибли в том бою. Музыканты были награждены Георгиевскими крестами, а сам капельмейстер — орденом. Такова цена наград. К слову, подпоручик Шатров является автором знаменитого вальса "На сопках Маньчжурии", он же и написал первоначальный текст к нему: "Тихо вокруг, это герои спят".

Конечно, марки и монеты тоже напоминают о реальных событиях и людях. Однако в сравнении с орденами они меньше связаны с драматизмом и обожженной людской памятью. Добавьте к этому совершенно позорные явления, когда кем-то ведутся раскопки, в частности, за Невой и Ладогой, в районе Синявинских болот, в надежде найти на истлевших гимнастерках погибших награжденные знаки... И уж совсем непозволительно, что коллекционеры стали в последнее время порой продавать ордена вместе с незаполненными удостоверениями. Впиши свое имя — и ты герой. Герой нашего времени?

Михаил НАЙДИЧ

г.Екатеринбург

КОМУ

А.Селиванова, Исы Плиева. А ведь хранить кресты в условиях 30-х годов было небезопасно. Но старые солдаты и казаки хранили, ибо доставались они кровью, люди верили в нетускнеющую славу русского оружия. Знали, что этим наградам придет еще время. Так допустимо ли, спрашивается, неуважительное отношение сегодня к знакам доблести, продажа их, тем более что в ряды коллекционеров не прочь затесаться и откровенные дельцы, наживающие на этом немалые деньги.

Не раз приходилось мне разговаривать со многими коллекционерами, в том числе и с участниками войны. В их словах обиды, возмущение. Где же грань, отделяющая истинное собирательство от грязного бизнеса? Шкала рыночной ценности тут полностью совпадает с официальной — по крайней мере, более других в цене орден Ленина. А как же! Там ведь — и золото, и платина! А кое-кто, к примеру, покупая ордена Славы и Отечественной войны, интересуется их номера-

Морское счастье

Тупоносый бело-красный вельбот напоминал корыто. Океанская волна то поднимала его, то опускала так, что он терялся между длинными тягучими валами. Тогда пропадали и стук движка, но вельбот, тархтя, упрямо выкарабкивался и порой, казалось, возносился над судном.

Даже какие-никакие усики пены бежали по сторонам, и маленький синенький флажок со знаком суднографической службы ВМФ трепетал на корме, рядом с рулевым.

Вельбот шел от нашего океанографического исследовательского судна к дрейфующему в нескольких кабельтовых такому же белому красавцу.

Встреча посреди океана, говоря морским языком — рандеву.

Наш боцман в этот день встал рано, а может, и вообще не ложился. Сменившиеся в четыре утра с вахты видели его на палубе. Боцман копался у какой-то вышки и нет-нет да и поглядывал в темноту.

Стояла ночь. Мы куда-то шли, ровно дрожала палуба. Иллюминатор внизу бросал желтый луч света, и в нём была видна и темная вода, и отворот отрезанной форштевнем волны в белом кружеве пены.

В дрейф легли в семь утра. Сразу началась болтанка, океан играл с судном, как с мячиком. Спать, когда тебя перекачивает с боку на бок и ноги то и дело задираются выше головы, невозможно. Заспанный народ, недовольно ворча, вылезал на палубу.

Здесь уже всюду светило солнце, и вода в океане была неестественно яркой, бирюзовой. Ни облачка в небе.

В половине восьмого на горизонте показалась белая точка. «Аджария», такое же океанографическое исследовательское судно, как и наше. Подойдя ближе, когда уже

можно было различить машущие нам фигурки людей на палубах, судно легло в дрейф. Теперь мы, похожие, как близнецы, качались друг против друга на волнах, словно на огромных качелях.

Командиры по радио поприветствовали друг друга.

— Ну как там боцман? — поинтересовались на «Аджарии». — Готов?

В восемь начали готовить к спуску вельбот. Его вывесили на шлюпбалках за борт, а потом, как всегда, что-то там заело. Не шел трос, не запускался движок, и боцман суется вокруг, покрикивая на матросов и торопя ковыряющегося в движке моториста.

Наконец ближе к девяти все как-то сразу заработало, пошли тросы, застучал движок, вельбот плюхнулся в воду и отвалил от борта.

Боцман сидел на носу вельбота, словно впередсмотрящий. Прямой, как струна, расправленные широкие плечи, волосы светлые, выгоревшие. Во всем облике, хоть и виден он был лишь со спины, сквозила какая-то суровость. И поскольку сидел боцман впереди, то и на волну возносился вроде как первым. Когда-то был обычай вырезать на носу корабля человеческие фигуры, и вот теперь он напоминал именно такую фигуру.

Было видно, как вельбот подошел к борту, и фигурки из него — боцман первым — по-обезьяньи ловко вскарабкались по штурмтрапу.

На «Аджарии» у боцмана работала жена.

Было неписаное правило или писанное в каких-то секретных загрифованных бумагах, которых нам и не показывали, что муж и жена не могут работать в море на одном судне. Чтоб не сбежали в каком-нибудь иностранном порту. И все всё понимали. Круглому сироте — выпускнику мореходки особист до-

ходчиво объяснял, что раз нет у него родных, нет, получается, и корней на родине, а значит, не будет тебе и визы — допуска к загранке. Работай, парень, в каботаже, пока не женишься, а еще лучше, пока дети не появятся. Вот тогда у тебя на родине появится якорь, и никаких проблем с визой не будет.

Палило солнце, сверкало под ним море. День получился вроде как выходной. Моряки загорали, ловили рыбу, глазели в бинокли на «Аджарию», выискивая друзей на палубах, гадая, где там Коля, а где Вася.

Ближе к обеду наш командир взялся за микрофон УКВ-рации. Еще раз поболтать о том о сем с командиром «Аджарии», таким же капитаном первого ранга, и спросить, как там вельбот. Скоро ли тронется назад?

Но в вельботе якобы что-то там сломалось, что-то не готово, на что наш командир только согласно кивнул.

Близился обед. В кают-компании и столовой команды столы застелили мокрыми скатертями, чтобы бачки с первым и тарелки не ездили при качке. После обеда народ потянулся в радиорубку.

Новые перестроечные времена дали и первые послабления. Нашей смешанной военно-гражданской команде разрешили звонить по радиотелефону домой. Три минуты разговора в порядке очереди, если у радистов найдется свободное время, а на коротких волнах будет «прохождение» и радист берегового центра согласится набрать номер твоего домашнего телефона. Тогда сквозь шум и треск эфира можно не столько услышать, сколько угадать голос собеседника.

Живая очередь из желающих позвонить набилась в радиорубку так, что и не продохнуть. Очередной счастливцев, отойдя в угол, вро-

де как уединившись, до боли прижав наушники, кричал в микрофон, что любит и ждет, потом передавал гарнитуру следующему и уходил с каким-то потусторонним счастливым лицом.

Начальник экспедиции капитан второго ранга поднялся на верхний мостик. Выйдя на связь с начальником экспедиции на "Аджарии", напомнил, что емкость со спиртом передали на вельботе не в знак дружбы, а чтобы он прислал в ответ какой-то особенный, нужный здесь кабель.

Вскоре в бинокль можно было увидеть, как свернутый в кольцо кабель грузят в вельбот.

Уже вечерело, когда наверх поднялся самый главный на борту — командир похода. Капитан первого ранга, сам из бывших командиров, а теперь в обычное непоходное время важный береговой начальник.

Он вызвал к рации командира похода с "Аджарии".

Уже несколько раз оба судна управляли на КП флота донесения, где помимо прочего указывается и местонахождение. И на этом КП на огромной карте мирового океана уже с раннего утра два кораблика стоят рядом. Конечно, встреча была организована, чтобы передать важные научные приборы. Но дежурный адмирал к вечеру вывод сделал один — совсем обнаглели, сошлись посреди океана и пьют, мерзавцы!

Поэтому командир похода, поговорив о новости — хотя какие в море новости! — об общих знакомых, перешел к делу.

— Ну как там наш боцман?

— Да ничего.

— Вы ему скажите, чтоб закружился...

А время все тянулось и тянулось. На корме рыбаки поймали небольшую, метра на полтора, акулу. Та клюнула, как банальная рыба, — на крючок. Кованый крюк на стальном тросе. И вместо червяка был здоровый кусок мяса.

Акулу долго, словно на выставке, водили вдоль борта, на котором собралась толпа болельщиков.

— Башку, башку ей задирай! — кричали болельщики. — Воздуху, воздуху дай глотнуть!

Акула послушно ходила на тросе, когда ее приподнимали, казалось, широкая морда с большой пастью улыбается.

Под хвост акулы подвели стальную петлю. И так с двух сторон подняли на палубу, где она заплясала

на досках свой последний танец, пока зрители, опасливо подавшись в стороны, стояли наготове с ножами.

— Все, — сказал командир, глянув на часы, — готовьте машины.

На "Аджарии" боцмана уже три раза кричали по "каштану" — корабельной трансляции, а теперь отправили к каюте его жены замполита. Тот поначалу деликатно кашлял у двери и постукивал в нее костяшками пальцев, а под конец замолотил кулаком...

Боцмана везли назад на том же вельботе. Он расслабленно развалился на банке — оранжевой скамье, сидел, раскинув руки от борта до борта. Ворот рубахи распахнут, глаза утомленно прикрыты. Зеваки заполнили палубу, глядели сверху, и завидуя, и посмеиваясь:

— Вот оно, моряцкое счастье!

Вельбот подошел, матросы прицепились к шлюпбалкам, и его быстро подняли.

Боцман тяжело спрыгнул на палубу, пошел в каюту и закрылся в ней до обеда. Впрочем, никто его и не тревожил.

Выпустив из труб снопы черного дыма, почти одновременно запустились дизели. Суда зажгли ходовые огни и, дав прощальный гудок, разошлись. "Аджарии" через месяц, сделав заход на отоварку в Ирландию, предстояло идти домой, нам же было назначено еще четыре месяца болтаться в самом центре Атлантики.

Эх! Веселое время! Когда это было? Лет пятнадцать назад, а словно целая жизнь прошла.

Вспоминается и другая история, когда тот же боцман получил орден. Наградами нас не баловали. Не Афганистан. Было время мирного военного труда. А тут пришла разнарядка. Представить к награждению нерусского, гражданского, чтоб был на рабочей сетке, женатого и что-то там еще про КПСС, то ли надо, чтобы он состоял в партии, то ли, наоборот, именно беспартийного. Орденом "Дружбы народов". Боцман своими анкетными данными лег на эту разнарядку, как калька.

Потом, помнится, он уже орденосцем ходил на прием к заместителю командующего Ленинградской военно-морской базой по политчасти. Хлопотал о квартире, поскольку прописан был, как и многие матросы, на судне, при каюте.

Получил ее или нет — не знаю. Время завертелось так, что и не вспомнить. И суда нашей шестой

атлантической экспедиции большей частью распилены — проданы за границу на металлолом. Немногие оставшиеся, в том числе переименованная из патристических соображений в "Кронштадт" "Аджария", догнивают у пирса.

А нас, бывших моряков, куда только не раскидало. От тюрьмы до Чечни. Другая страна, другая жизнь. Опять же прогресс. В ту же Чечню и жену можно взять, призывай ее, вешай погоны, и никакой особист не пикнет, и ордена и медали даются, невзирая на строгие разнарядки, только вот очень часто по ранению или посмертно. Даже квартиры дают воюющим в Чечне. Штучки две на часть за год. Но можно и, приколов орденскую планку, пойти на прием к заместителю командующего округом по работе с личным составом. Пожаловаться, попросить. Говорят, помогает.

Бывают на войне и праздники. Спонсоры везут сюда помимо мыла и пряников еще и спутниковые телефоны. В землянку какого-нибудь взводного опорного пункта народ набивается так, что не продохнуть. В темноте теряются нары. Обшитые досками стены, на модельном грубо сколоченном столе керосиновая лампа. Стойка с автоматами у выхода. Очередной счастливец, прижав к уху телефон, вернулся ко всем спиной и то кричит, то шепчет в микрофон:

— Люблю, жду и верю.

А за рукав уже нетерпеливо дергает следующий.

Вы бы видели их лица после этих трех минут разговора. Что же это? Счастье? Только уже не морское, а военное? Или просто счастье? И что такое это счастье?

Раф САЙГАНОВ

ЯЗЫК МОЙ — ВРАГ МОЙ!

Сквернословие в армии. Оно настолько неразрывно связано с воинской службой, что порой уже трудно себе и представить без него современную армию. Что греха таить, матерятся в армии многие, начиная от старших начальников и заканчивая новобранцами. Не видя в сквернословии ничего дурного, многие офицеры сквозь пальцы смотрят на подобные словоизливания своих подчиненных. Выпускники военных институтов не уступают в таком «красноречии» убеленным сединами ветеранам. А зеленая, чуть оперившаяся армейская молодежь может потягаться на равных с кем-нибудь из дембелей. Кроющего матом подчиненных военачальника приходилось встречать наверняка каждому, кто хотя бы месяц носил погоны. Подобное происходит повсеместно: в казармах, столовых, автопарках, на плацу. Матерятся москвичи и пиртцы, жители алтайских и сибирских глубин, уроженцы Дальнего Востока и Поморья.

Во многих воинских коллективах редкое служебное совещание проходит без употребления весьма пикантных выражений.

Нормальное ли это явление в государстве, имеющем богатейшую культуру, преемнике великой Российской империи?

Появилось в нашей армии оно не сегодня. История таких взаимоотношений между военнослужащими уходит в глубину истории. Но так было далеко не всегда. Еще в начале XVII века в России матерная брань жестко пресекалась и сурово каралась. При царях Федоре Алексеевиче и Алексее Михайловиче Романо-

вых стрельцы ловили матерщинников прямо на улицах и тут же, принародно, секли. Соответствующее положение дел сохранялось и в армии. Пока офицерами служили почти поголовно природные дворяне, матерщина была невозможна в войсках в принципе. Но менялись времена, менялся офицерский корпус, становясь все более разночинным. Позже сдерживающую роль против хамства, оскорблений в армии императорской России стали играть дуэли, существовавшие в армии полулегально издавна и разрешенные лишь Александром III в конце XIX века. Любителей унижить честь и достоинство сослуживцев довольно быстро отстреливали у барьеров. Свою работу в войсках проводила и православная церковь, воспитывая и укрепляя в людях нормы христианской морали, исключавшей оскорбление ближних.

Однако постепенно, с падением норм морали и нравственности в обществе, менялось отношение к матерщине и среди военнослужащих.

Многие сегодня считают мат вполне безобидным явлением, употребляя его для связки слов, не вдумываясь в его смысл, а порой и не

контролируя себя. Недалекий командир считает, наверное, что без мата невозможно разговаривать с отдельными военнослужащими или выполнять определенного рода служебно-боевые задачи. Существует мнение, что матерная брань — единственный способ достать оппонента через унижение и оскорбление. Великий русский писатель Ф.М.Достоевский по этому поводу замечал: «Кто легко склонен терять уважение к другим, тот прежде всего не уважает себя».

Знакомый офицер, заместитель командира по работе с личным составом одной из частей, отец двоих дочерей, воспитывал подчиненных исключительно матом, выражаясь, самыми скверными, скабресными словами. Приходилось слышать от него такое, что вгоняло в краску некоторых его оппонентов. Сам военачальник воспринимал этот факт весьма положительно: «Раз покраснел, значит, стало стыдно». Стыдно — то стыдно, только за кого? Насколько мне известно, дисциплина в этом воинском коллективе хромает на обе ноги. Его воспитанные таким образом подчиненные, в сравнении с аналогичным периодом прошлого года, совершили в несколько раз больше преступлений.

К сожалению, следом вспоминается другой, более старший начальник, из-за самодурства и хамства которого в отношении подчиненных из войск уволилось несколько грамотных офицеров-специалистов. Один из них даже вынужден был обратиться в суд. Но сей муж и далее продолжает оставаться на своем посту. Хамское отношение к своим

подчиненным, по мнению старших начальников, видимо, не мешает ему продолжать служить Отечеству.

Другое мнение. Мат якобы помогает военному служащему в экстремальной обстановке быстрее понять друг друга. Действительно, в боевой обстановке, когда дорога каждая секунда и эмоциональное напряжение достигает высшего предела, есть существенная необходимость быстро и коротко сообщить что-либо напарнику. Для этого в боевых подразделениях, расчетах, группах существует целая система подачи сигналов, знаков: коротким

жебный монахами Кириллом и Мефодием, в отличие от языков большинства остальных народов, изначально не содержал в себе даже намеков на срамные слова и выражения, из которых состоит теперешний мат. В прежние времена духовно более просвещенный русский народ любил и почитал Матерь Божию, свою мать, мать-землю и мать-Родину. И когда Русь несколько веков находилась под татаро-монгольским игмом, захватчики, зная, кого и что почитает русский народ, старались нанести ему оскорбления, оскверняя его святыни. И ныне приходится слышать, что матерщина

рующиеся с необходимостью защиты Отечества. "Вот почему матерное слово, слетевшее с твоих губ, дорогой мой друг, — не хулиганство, а клятва на верность врагам русского народа", — пишет наш современник публицист Владимир Бахревский. Задумайтесь: по сути же, это вид духовного предательства, измены своей матери-Родине.

Возможно, некоторые бравые военные мужи, скривившись, ответят: "Подумаешь, а при чем здесь я? Не надо слишком большое значение придавать словам". Однако недавние научные открытия заставляют в

Ваххабитская символика на домах горной Чечни — это только цветочки. Как пойдет диалог местных жителей и военных дальше, такovy будут и ягодки.

возгласом, жестом, свистом и т.д. Когда же командир начинает ставить задачи на бранно-матерном сленге: "Об этой вот хреновине, которую надо долбануть той фиговойной, елки зеленые, тра-ля-ля", то это если и бывает понятно, то лишь наиболее "догадливым", без учета потеряннного времени и излишнего шума. Величайший полководец Суворов, как известно, был весьма немногословен, краток и даже резок в отдаче приказов и распоряжений. Но прекрасно обходился без матерщины и сквернословия.

Матерная брань — это признак особой деградации нашей культуры, признак нашего духовного и нравственного разложения. Издревле матерщина в русском языке именуется срамословием, или сквернословием — от слова "скверно". В словаре В. Даля сказано: "Скверна — мерзость, гадость, пакость, все гнусное, противное, отвратительное, непотребное... нечистота, грязь и гниль, тление, мертвечина, кал, смрад, вонь, непотребство, разврат, нравственное растление...". Вот куда мы впали, отдавшись во власть смрадных, гнилых слов.

Русский язык, восходящий корнями к церковно-славянскому, созданному специально как язык богослужения

ли не национальный русский фольклор, средство выразительности, экспрессии нашей речи, изначально присущий всей русской культуре. Этот мат прочно засел в головах нашего воинства, претендующего порой называть себя христоролюбивым. Вот и стоит задуматься, на каком же языке разговаривают любители матерщины?

Наше растление, бездуховность давно используют враги Отечества. В своих, безусловно, интересах. Чем больше мы будем скатываться в болото нравственной распушченности (а матерщину, сквернословие никак нельзя назвать достижением высокой культуры и цивилизации!), тем лучше для них и, соответственно, хуже для нас. Культивирование бранной лексики не стихийно и не случайно. Брань ныне потоком льется с экранов телевизоров, тиражируется в массовом порядке в прессе, слышится на улице. Она, безусловно, снижает уровень нравственного сознания и культуры общества, отравляя окружающую атмосферу, не допуская возрождения патриотического самосознания. (А без этого армии не быть!) Матерная брань поневоле пробуждает у военнослужащих животные инстинкты, потребности, подавляя при этом здоровые, ассоци-

прямом смысле прикусить язык. Наши ученые доказали, что сказанное слово имеет силу. "Эксперименты в молекулярной биологии показали, что слово представляет собой волновое поле и передает человеку команды, которые живые организмы в той или иной степени выполняют. То есть каждое слово, услышанное или увиденное нами, слышат не только наши уши, видят не только наши глаза, но вся личность человека несет в себе отпечатки увиденного и услышанного", — пишет доктор филологических наук РАН Татьяна Миронова. Это открытие российских ученых призвано в корне изменить представление о Слове, которым, по Библии, Бог сотворил Землю. Матерная брань — это печать смерти и тления, которая поселяется в наших душах, обрекая их на смерть духовную прежде смерти телесной.

Вопрос должен стоять так: если ты патриот своей Родины, стань образцом морали, обратившись к духовным истокам своего народа. Не дай противнику повода обвинить тебя в безнравственности! Спасая родной язык и культуру, защитим и сохраним Россию!

**Подполковник
Роман ИЛЮЩЕНКО**

Новоселье для "ДЗЕРЖИНЦЕВ"

Вот куда можно водить на экскурсию высоких гостей! Из года в год недалеко от подмосковного Реутова в микрорайоне рядом с Отдельной дивизией оперативного назначения внутренних войск (бывшая имени Дзержинского) идет строительство жилых домов.

Три года назад жильцы въехали в многоквартирный дом, в прошлом году заселили 168-квартирный красавец, а рядом уже поднялось несколько этажей будущего 176-квартирного дома. Причем все эти дома самые современные, так, последний — серии 111М, дома которой возводятся и в новостройках Москвы. Новоселов ждут квартиры от

однокомнатных площадью 46,8 кв.метра до четырехкомнатных площадью 107,6 кв.метра.

Дом планируется сдать уже в этом году, а рядом выделена площадка под новое строительство.

Впрочем, заместителя командира дивизии по строительству и расквартированию заслуженного строителя России полковника Сергея Ходасевича куда чаще встретишь на другой новостройке. На самой территории дивизии продолжают работы в уже построенных зданиях общежития.

Хотя под привычное понятие "общежитие" — это пятиэтажное здание из трех корпусов вряд ли

подходит. Его блоки скорее отдельные квартиры. Прихожая, кухня, отдельный санузел, комнаты. Семье военнослужащего здесь без проблем можно жить хоть все время службы, жить, пока не подойдет очередь на собственное жилье. На сегодня заселены сорок таких блоков одного из корпусов, в ближайшее время заселят и два других корпуса.

Так что же, дивизия стала поведением в войсках местом, где удалось раз и навсегда решить жилищную проблему? Конечно, нет. Квартиры и места в общежитиях достаются не только дивизии. Квадратные метры уходят и очередникам Главного военного клинического госпиталя внутренних войск, других частей Реутовского гарнизона, селятся здесь и очередники Главкомата.

До победного рапорта еще

очень и очень далеко. Количество стоящих на улучшение жилищных условий в дивизии все так же вертится вокруг тысячи человек. Дело не только в том, что все вновь прибывшие из военных институтов и училищ лейтенанты пополняют ее. По мнению замкомдива по тылу полковника Сергея Милейко, один из сдерживающих очередь факторов — невозможность предоставлять очередникам, выслужившим более десяти лет, не служебное, а обычное муниципальное жилье. Поэтому они, когда приходит время увольнения в запас, проживая в благоустроенных служебных квартирах, месяцами остаются за штатом, ожидая положенного муниципального жилья.

Есть и еще одна причина того, что даже такое действительно массовое строительство не решит жилищную проблему дивизии, частей гарнизона. Это то, что слишком много лет копи-

лись, откладывались на потом жилищные проблемы наших военнослужащих.

И все же встающие год за годом новенькие, с иголочки дома и работающие краны на строй-

площадках показывают, что дело сдвинулось.

**Подполковник
Андрей МАКАРОВ**
Фото автора

БУДЕМ ЖИТЬ ПО ИПОТЕКЕ

В феврале государственная политика в обеспечении населения жильем сделала очередной резкий поворот. В своем выступлении на заседании Государственного совета Президент России Владимир Путин дал зеленый свет ипотеке как основному способу решения жилищной проблемы россиян. Не обойдет это стороной и военнослужащих, и членов их семей. Так что же такое эта ипотека?

Ипотека — один из видов кредитования, при котором полученные по кредиту деньги направляются их обладателю на покупку жилья. Есть два вида ипотеки, и правительство остановилось на "американском" варианте. Суть его в том, что купленное по банковскому кредиту жилье сразу поступает в вашу собственность. А вы в течение пятнадцати-двадцати лет погашаете выданный кредит и проценты по нему. Более того, это

жилье вы можете продать, подарить, завещать. Просто следующий владелец получит вместе с квадратными метрами и обязанность продолжать выплаты по кредиту.

Ваш первоначальный взнос составит тридцать процентов от стоимости квартиры, которые придется вносить самостоятельно, а остальное и составит банковский кредит.

Вообще-то подобные схемы приобретения жилья существовали и раньше, но все это проходило мимо военнослужащих. По одной простой причине: кредит банком выдавался лишь семьям, месячный доход которых превышал тысячу долларов. Ведь банк хотел подстраховаться и быть уверенным, что вы будете в состоянии погасить взятый кредит. Впрочем, и сегодня доход семей военных далек от таких цифр, важно другое. Свой взнос при покупке квартиры по схеме ипо-

точного кредитования военнослужащие смогут сделать представленными им сертификатом или субсидией.

Это значит, что впервые у их владельцев появится возможность действительно выбора квартиры. Сегодня при покупке жилья в большинстве крупных городов военнослужащему приходится или брать по сертификату (субсидии) самое дешевое жилье, или поступаться метрами, выбирая себе квартиру меньше положенной, или доплачивать немалые суммы из личных средств. С началом работы ипотеки у военнослужащих появится возможность покупки жилья классом выше. Основную сумму погасит сертификат (субсидия), остальное можно будет потихоньку выплачивать, уже живя в новой своей квартире.

Осталось лишь дождаться выхода новых нормативных актов, о чем мы обязательно расскажем в следующих номерах журнала.

**Отдел социальных проблем и
воинского воспитания**

“БАБЬЯ ВОЙНА”

1. Наурские щи

В начале июня 1774 года крепость Моздок потрясло известие, что сильный турецкий корпус со множеством примкнувших к нему горских дружин вышел в поход с целью выжечь все русские поселения по Тереку. Моздокский гарнизон приготовился к бою. Из соседних станиц для обороны крепости стали прибывать казаки. Их жены и дети со всем имуществом, которое можно было увезти, выехали в Наур. Тогда же с малыми силами отправился полковник Савельев. Этот шаг был сделан в основном для успокоения семей казаков и защиты от вражеских отрядов, которые могут действовать отдельно от основных сил.

...11 июня был Духов день. Оставшиеся в Науре казаки со своими семьями и не занятые на службе солдаты во главе с полковником Савельевым находились в церкви. Вдруг со стороны пикетов прогремели выстрелы. Полковник сразу же выбежал во двор и столкнулся с казаком, прибывшим из крепости.

— Что стряслось? — тихо, дабы не наводить лишней паники, спросил Савельев.

— Турки с горцами к крепости подошли, осадили. Однако большие силы двинулись к Науру. Примерно через час будут здесь.

Враг появился быстрее, чем ожидали. Горцы, примкнувшие к туркам, решили, используя внезапность, взять станицу наскоком. И уже спустя полчаса она была окру-

жена восьмитысячным войском. Но планам противника не суждено было сбыться. Полковник Савельев, опытный, закаленный в военных походах офицер, еще за несколько дней до нападения приказал обнести поселение большим валом с колючим терновником и ветками облепихи, разместить на валу рудут и четыре орудия, а также укрепить ров рогатинами.

Когда начался приступ, Савельев лично руководил обороной. На подмогу небольшому числу солдат и казаков, не успев переодеть праздничные сарафаны и платья, на вал, вооружившись серпами, вилами и косами, высыпали казачки.

— Так, бабоньки, — прогремел голос Савельева, — ваша задача — поддерживать костры, варить смолу и лить ее на головы басурман.

Перепаханные в саже, нередко раненые казачки бегали от котла со смолой ко рву, обливая ею очередную волну наступающих. Но вскоре на дне котла не осталось ничего, а неприятель снова пошел на штурм.

— Девки, — проорала одна из старейших жительниц станицы Федотья, — ташите щи праздничные, что мужикам понаготовили, авось турки энти и не пробовали еды казачьей.

Хитроумная выдумка бабки была сразу же подхвачена станичницами, и в котел, где некогда варилась смола, полились щи.

— Ой, бабы! — смеясь и подбадривая землячек, кричала она. — Ох и побьют же нас мужья, узнав, кого мы кормили сегодня.

Крупная, седовласая, с морщинистым лицом, перепаханным углем и сажею, она напоминала ведьму. Казалось, один только ее хриплый смех, слышный почти на всю станицу, отпугивал и внушал врагу ужас.

Пока полковник Савельев руководил казаками и солдатами, Федотья повела “бабью рать” с косами и серпами на вал, другим приказала перетаскивать туда, где усиливается натиск врага, чугунные пушки.

Не боясь свиста пуль и гиканья нападавших, рядом со старыми, закаленными воинами сражались женщины, нередко вступая даже в рукопашную схватку. В один момент враг почти прорвал оборону. Через ров полезли горцы. Положение

спасла незамужняя молодая казачка. С косой кинувшись на врага, она перерезала ему горло, отобрала ружье и немедля открыла огонь по узкому проходу, куда рвался неприятель. Вскоре проход был завален трупами нападающих.

Двенадцать часов шел бой. Осажденные ждали подмоги, но подмога не шла. К Моздоку подходили большие силы чеченцев, кумыков, и уход из крепости означал гибель для всех русских поселений.

Дорога из Кизляра также была перекрыта. Защитникам Наура приходилось рассчитывать только на свои силы.

К вечеру бой стал затихать. Турки отвели войска от рва.

— Нельзя дать им отдохнуть, — сказал Савельев. — Необходимо сделать ночную вылазку.

На рискованную операцию вызвался казак по имени Перепорх, с ним пошли и его друзья. Взяв с собой орудие, они заползли в камыши и остановились напротив ставки турок.

— Позиция для орудия-то хороша, — сказал Перепорх своим друзьям, — да как отступить будем?

— Нет пути для отступления?

— В таком случае подождем, пока дремота не примет врага, откроем огонь, уничтожим противника и уйдем этим же путем.

В середине ночи громыхнул пушечный выстрел, после которого с турецкой стороны открылась беспорядочная ружейная пальба...

Смельчаки к рассвету не вернулись. Савельев построил у вала оставшихся защитников станицы, чтобы помянуть героев. Но вдруг его речь была прервана громким смехом станичников. Сорви-головы вернулись целыми и невредимыми, с казенною пушкой и с пленным турком.

После допроса иноземца оказалось, что Перепорх удачным выстрелом убил племянника Калги — турецкого полководца — и нескольких уважаемых мурз.

Наутро турки сняли осаду и направились прочь от Терека. По пути они были еще раз обстреляны из крепости Моздок.

В ознаменование этого события в наурской церкви был достроен особый предел во имя апостолов Варфоломея и Варнавы, и день 11 июня праздновался в Моздокском полку до 1917 года.

Многие жительницы Наура были награждены медалями, учрежденными императрицей Екатериной II за турецкую войну 1769 — 1774 годов.

Особенная роль женщин при защите станицы стала причиной, почему многие горцы долго не могли забыть позора своего поражения.

На моздокском рынке стоял обычный шум. Мимо рядов, где торговали в основном военной амуницией, шли трое горцев. Остановились они у лавки с ятаганами. Долго спорили, выбирали. Вдруг рядом появилась большая седовласая бабка.

— А стоит ли? — спросила она, обращаясь к ним.

— Что хотела спросить, старуха? — зло ответили те вопросом на вопрос.

— Да так. Помню, как-то ходили вы один раз в поход на русские земли, да с казацкими бабами не управились.

Шутку поддержал почти весь рынок. Посыпались вопросы: "А не вы ли ши в Науре хлебали?", "Ваши бабы тоже так готовят?", "Оружие для жен своих покупаете?".

Под шутки и смех угрюмые горцы поспешно выбежали с рынка. Долго еще там не появлялись "гордые соседи".

2. Кавказские воевательницы

Вертолет сел на площадку. В подъехавшую "таблетку" стали заносить раненых. Операцию пришлось проводить прямо в машине. У раненого бойца открылось внутреннее кровотечение. Через несколько минут он был перенесен на операционный стол в медсанчасть 46-й ОБрОН.

За жизнь бойца медики бились всю ночь. Уже под утро из реанимационного отделения вышла медсестра Татьяна Исмолова.

— Спасли парня, — сказала она сиплым от усталости голосом и села рядом на стул.

Я собрался расспросить ее о ходе операции, о серьезности ранения, но, приготовив диктофон, увидел, что Татьяна уснула.

Встретить женщин, проходящих службу в Чечне, — дело обычное. Медсестры, хирурги, связисты, секретчики, повара, финансисты, писари, делопроизводители — вот далеко не полный перечень занимаемых ими должностей. Встречаются женщины — командиры разведподразделений, но это уже, конечно, редкое исключение.

Чтобы полностью нарисовать образ кавказских воевательниц, не хватит даже книги. Уж столько на их долю выпало испытаний!

1996 год. Высота недалеко от Бамута.

— Людочка, — обратился капитан Николаенко к фельдшеру прапорщику Людмиле Стегленко, — у нас раненые, посмотри их, а я пойду огонь АГС подкорректирую.

Окруженное со всех сторон боевиками подразделение почти сутки обороняло высоту. Окопавшись, бойцы отбивали все новые и новые атаки. Николаенко всегда был на самых напряженных участках боя. Новое наступление бандитов потребовало присутствие капитана на позициях АГС. Людмила осталась в землянке перевязывать раненых. Вдруг совсем близко раздался взрыв, через минуту бойцы принесли на руках раненого командира. Осколок попал в лицо. Николаенко был без сознания, а это означало, что руководить обороной было некому. Остановив кровотечение, фельдшер взяла в руки автомат и... приняла командование на себя. При помощи сержантов она скоро освоила непривычную для нее роль. Бегая под пулями, как матерый солдат, она старалась увидеть всю картину боя. Указывала бойцам, куда сосредоточить огонь, и одновременно осматривала ранения, врачевала.

Под утро пришел в себя командир. Чуть позже подошли и основные силы части. Враг был отброшен.

Уставшая, перепачканная кровью, Людмила снова зашла в землянку и села на матрац. Было очень тяжело как морально, так и физически.

Вдруг бойцы, стоявшие у входа, услышали женский крик. Схватив оружие, все бросились на помощь к фельдшеру. Но было поздно... Она уже стояла на табуретке, а мышь улизнула в норку. Секунду в землянке стояла гробовая тишина, которую прервал смех. Фельдшер, привыкшая к крови и войне, несколько часов назад бегавшая под пулями, сражавшаяся плечом к плечу с солдатами, испугалась мыши. Ведь женщина даже на войне остается женщиной.

2002 год. Ханкала. Пункт временной дислокации одного из отрядов спецназа.

— Нет, ну как вы меня достали! Шланг на шланге сидит и шлангом погоняет (шланг — уклоняющийся от работ. — Авт.), — сетует медсестра Надежда. — Как на спецоперацию, так все вперед бежите, а как палатку помочь перенести, так все большие.

— И часто в помощи отказывают? — спрашиваю я, сидя в только что установленной палатке.

— Нет, конечно. Они и горы ради нас свернут, — смеясь, отвечает

Надя. — А просим потрудиться лишь затем, чтоб разузнать об их самочувствии. Профессиональный глаз медиков многое заметит, когда человека в деле наблюдает.

— Бойцы боятся вас?

— Боятся, что в горы мы их не пустим. В прошлую командировку боец один сотрясение на спарринге получил, так я к командиру: мол, оставьте здесь. Оставил, на мою голову. Он же все нервы истрепал: "Вы мне всю жизнь отравили, мне воевать надо..." Ну как ему объяснить, что со здоровьем не шутят?! Вот и приходится хитрить. Видел, сегодня капитан приходил за йодом?

— Угу, — киваю я.

— Это Сашка Емилов. Говорит, что к Пасхе готовится, якобы яйца красить. На самом же деле упал он недавно в горах, чуть не разбился, теперь раны да ссадины прижигает. Попробуй такого оставь. Вою будет, чеченцы сами в Иран убегут. Зла не хватает, хотя и люблю я вояк наших.

Утром отряд снова уходил в горы. Провожать их пришли женщины спецназа. Были здесь и медсестра Надежда, и финансистка Галина, и повар отряда Люба. В глазах женщин, еще вчера ругавшихся на бойцов и офицеров за небрежность, всяческие подколы, нежелание есть или проверить здоровье, стояли слезы, самые чистые, какие мне приходилось видеть...

Старший лейтенант
Денис КОЗЛОВ

Некоторые имена и фамилии изменены

Виктор Дьяков

Виктор Елисеевич ДЬЯКОВ родился в Москве в 1951 году. Окончил Орджоникидзевское высшее зенитно-ракетное командное училище ПВО и более двадцати лет отслужил на инженерных и командных должностях. Майор запаса.

Писать рассказы начал еще во время службы. Они печатались в журналах "Наш современник", "Русский дом", альманахах "Подвиг", "Рать", в газетах. В минувшем году с рассказами "Кровник" и "В ста сорока километрах от Москвы" дебютировал в нашем журнале.

Владимир Сергеевич Сиротин, на пятьдесят пятом году овдовев, вдруг осознал, что ему незачем жить. Пока была жива жена, Ольга, вопрос о смысле бытия не возникал — они жили друг для друга. Это было больше чем привычка — за тридцать лет совместной жизни супруги как бы стали одним целым. У них рос сын, но, удивительное дело, насколько родители с трудом переносили даже дневную разлуку, настолько сын был к ним обоим совершенно равнодушен. Закончив институт, он женился и сразу ушёл жить в просторную квартиру состоятельных родителей жены, а своих почти не вспоминал, тем более что в их материальной помощи совершенно не нуждался. Да и какую помощь могли оказать отставной подполковник и домохозяйка?! Это в советское время подполковничья пенсия превышала большую часть зарплат рабочих и служащих, но после крушения Союза...

Впрочем, Сиротину с женой стало намного легче, когда сын их покинул. Они уже давно заметили, что он по мере взросления всё с большим трудом терпел отца с матерью, их почти детское обожание друг друга. Ему не дано было понять, как это родители могут быть счастливы, просто разговаривая, созерцая друг друга... И вообще — как можно быть серьёзно, без рисовки влюблёнными на шестом десятке, когда в доме шаром покати и лишнего рубля не сыскать днём с огнём... В свою новую семью он вошёл, как рука в перчатку по размеру. Новые родственники сделали всё, чтобы отгородить от "пагубного влияния" родителей зятя и родившегося внука. Ведь мальчик должен расти в строго деловой обстановке, с детства готовиться к неминуемой схватке за место под солнцем, а не слушать сентиментальные сюсюканья бабушки и дедушки, их пустопожоние обмены комплиментами, слюнявскую заботу друг о друге...

Смерть жены для Сиротина была равносильна тому, что он сам наполовину умер. Месяца два он пребывал в полнейшем трансе, забывая есть, не различая дня и ночи... Потом медленно приходил в себя, всё более ощущая полное, глобальное одиночество. Впрочем, вскоре нечто подобное цели дальнейшего существования все же обозначилось.

Они с женой имели небольшой ИЗ в долларах. Сиротин взял деньги и поехал на Рижский рынок. Там долго слонялся в надежде, что проницательные торговцы сами разглядят в нем потенциального покупателя. Но к нему никто не подходил — видимо, его внешность была недостаточно "крутой". Тогда он сам подошёл к торговцу газовым и пневматическим оружием с физиономией а-ля Сукачёв, набрался храбрости и...:

— Молодой человек... мне бы... Я слышал, что здесь настоящий пистолет купить можно...

— Ты что, папаша, с бодуна, что ли?! А ну чеши отсюда! — Парень тревожно забегал глазами по сторонам.

Сиротин, крайне смущённый, отошёл. Купить оружие, как в фильме "Ворошиловский стрелок", не получилось. Он уже намеревался так и уйти с рынка несолоно хлебавши, когда к нему кто-то неслышно подкрался сзади.

— Не оборачивайся... Стой спокойно... Тебе ствол нужен?

— Вообще-то да, — несколько растерянный от такого способа общения, ответил Сиротин, вытянувшись по стойке "смирно".

— Какой марки?

— Желательно “макаров”... только с глушителем, пожалуйста.

— Триста баксов.

— Хорошо.

— Патроны нужны?

— Да, конечно, — спохватился Сиротин, — четыре пачки.

— Бери шесть, на сто баксов для ровного счёта.

— Хорошо, — продолжал согласно кивать невидимому собеседнику Сиротин.

— Деньги давай.

— Но я хотел бы...

— Не боись!.. Давай бабки, стой здесь, и через десять минут ствол и патроны будут у тебя...

Как ни странно, его не обманули. Дома Сиротин с интересом рассматривал этот пистолет с затёртым номером. Откуда он? Похищен со склада какой-нибудь воинской части? А может быть, взят у убитого офицера в Чечне?.. Так или иначе, пистолет теперь появился. Требовалось лишь восстановить навыки. Когда-то Сиротин стрелял весьма прилично, но уже десять лет не держал в руках оружия. Для тренировки пришлось ехать на дачу... хоть и не хотелось. Ведь именно там его Оля была подвергнута жестокому избиению, пытке, вследствие чего и умерла.

2.

Дачу, вернее дом в селе, они с женой купили в девяносто первом, последнем советском году и первом после его увольнения в запас. Какое-то шестое чувство подсказало им вложить часть скопленных за время службы денег во что-то. Они и купили недорого небольшой домик у старушки, собравшейся доживать век у дочери в городе. Дом с банькой да ещё участок в шестнадцать соток со старым садом. От Москвы, правда, далековато, но на все, что ближе, цены были просто неподъёмны. Конечно, можно было пойти по пути большинства отставников: встать в очередь на участок, дожидаться и возвести там что-то, но... Сиротин боялся, что на строительство и возделывание участка-целины у него и тем более у страдающей гипертонией Оли просто не хватит сил. На проверку оказалось, что они выиграли тройне: и здоровье сберегли, и дом приобрели, и успели вложить деньги, которые обесценились после развала Союза.

Домик стал для них отрадой. Все их помыслы так или иначе были связаны с ним. Супруги, люди далёкие от земли, вдруг открыли для себя неведомое ранее удовольствие лицезреть, как из посаженного семени созревает урожай, причём с каждым годом всё больший. Они с гордостью привозили плоды своих трудов: свежие овощи и фрукты, соленья, варенья в семью, где жил сын. Там принимали их подарки, правда, зачастую кривясь и морщась, но Сиротин с супругой как бы и не замечали этого. Они продолжали жить, никому не завидуя, умудряясь получать удовольствие от того небольшого, что имели.

Урожай позволял супругам даже из небольшой пенсии Сиротина кое-что отложить. Так они накопили на сотовый телефон, крайне необходимый в дачном быту. Теперь, даже при кратковременных расставаниях, можно было в любой момент связаться, переговорить и избежать ненужной сердечной боли. Ольга была инициатором этой покупки... Разве мог тогда подумать Сиротин, что сотовый и явится косвенной причиной её гибели...

Провинциальные понятия сильно отстают от столичных. Потому к двухтысячному году в глубинке ещё считалось, что обладателями мобильных могут быть только очень состоятельные люди. Сиротины мало контактировали с местными сельскими жителями. И хоть они не имели машины, скромно одевались, в селе их почему-то считали богатыми. В русской провинции давно бытует мнение, что все москвичи состоятельные, а тут ещё этот телефон...

В тот летний день Ольга осталась на даче, а Сиротин поехал в Москву, проведать квартиру, полить цветы, ку-

пить кое-что из продуктов. Он рассчитывал вернуться на следующий день. Вечером в условленное время попытался дозвониться до жены, но она почему-то не ответила...

Их было четверо. Двое в масках — вязаных шапках с прорезями для глаз, двое других лиц не прятали. Дом, который купили супруги, находился на отшибе, с тыла его подпирал лес. Налётчики, видимо, специально ждали момент, когда там останется одна женщина. Они ворвались, когда уже смеркалось и вот-вот должен был позвонить Сиротин. Зажав хозяйке рот, потребовали золота и “зелёных”. Перепуганная Ольга честно созналась, что в доме кроме трёхсот рублей и её обручального кольца никаких ценностей нет. Ей не поверили и прямо, как в заправском боевике, принялись пытать, одновременно все переворачивая вверх дном.

Они, явно рисуясь, сначала просто били её, потом прибегли с помощью утюга... Когда и после этих “процедур” охрипшая от криков женщина продолжала стоять на своём, до налётчиков дошло, что они лопухнулись и вместо богатеньких нарвались на столичную нищету. Осознав наконец ошибку, совсем озверели: тем же утюгом сильно ударили женщину по голове. И прежде чем покинуть дом, хрястнули об пол злополучную трубку мобильного...

Примчавшийся утром с первой электричкой Сиротин, обеспокоенный тем, что Оля не вышла на связь, обнаружил жену в полузабытых, в синяках и кровоподтёках. На её груди краснел отпечаток от утюга... На той самой груди, которую он столько лет с неослабевающим желанием ласкал, целовал...

Во время пытки с Олей случился микроинфаркт, и она в таком состоянии пролежала полночи на полу, где её бросили, а вторую половину на кровати, куда кое-как взобралась, очнувшись...

Следователю она рассказала всё, что помнила. Налётчиков не знала. Следствие почти сразу зашло в тупик. Олю же поместили в кардиологическое отделение одной из московских клиник.

Сиротин буквально дневал и ночевал возле постели. Его сразу предупредили, что жена скорее всего выйдет из больницы инвалидом — у неё стала плохо двигаться левая рука, её сильно утомляла самая обычная ходьба, сердце стало прихватывать значительно чаще. Но Сиротин готов был оставаться при ней и сиделкой, и нянкой — лишь бы она жила... Увы, когда спустя почти два месяца дело, казалось, пошло на поправку, её разбил инсульт. Ольга впала в забытие и, не приходя в сознание, умерла...

Умерла на его глазах, он, как всегда, был рядом. Это случилось уже осенью. Всю зиму Сиротин пребывал в сомнамбулическом состоянии, медленно осознавая сложившуюся реальность... Результатом этого осознания и стало то, что он пошёл на рынок, купил пистолет...

3.

Жители небольших населённых пунктов, расположенных неподалёку от железнодорожных станций, где останавливались московские электрички, имели счастье добираться до столицы относительно быстро, со всеми вытекающими отсюда последствиями. В советские годы, когда вся российская провинция сидела на “голодном пайке”, эти электрички неофициально именовались продовольственными. В постсоветские годы, когда в провинции позакрывалось большинство предприятий, в столицу ездили в основном уже на работу...

Константин работал в Москве и был вынужден вставать в четыре утра, чтобы успеть на первую электричку. Он работал сутки через трое и поднимался в такую рань дважды в неделю. Потом, после дежурства, он день отсыпался, ещё день ходил как чумной и только на третий входил в нормальную колею. Но тут все опять вертелось по новой. Сумасшедшая жизнь, но платили хорошо, а

ближе и лучше устроиться не получалось. В таком ритме Константин работал уже четвёртый год. Тяжело, но в свои тридцать пять он пока на здоровье не жаловался, разве что на ощущение постоянного недосыпа.

В тот памятный день Константин вернулся домой после дежурства, как обычно, с десятичасовой электричкой. Встревожённая жена, Татьяна, сообщила, что их соседей, дачников-москвичей, этой ночью пытались ограбить, хозяйку сильно избили и там уже работала милиция...

Татьяна чувствовала себя неловко, потому что не решилась никого позвать, когда ночью услышала дикие крики из дома соседей. Она сразу поняла, что там происходит что-то неладное — ведь супруги люди нескандальные. Она даже по-настоящему им завидовала — тому, что, несмотря на годы, сохранили тёплые непоказушные отношения.

Испугавшись, Татьяна с дочкой заперлись на все замки и сидели в полной темноте тише воды, ниже травы. Даже телевизор не включали...

Ближе к ночи крики прекратились, и Татьяна разглядела в окно, как четыре тени метнулись от соседского дома к лесу. Она всю ночь не сомкнула глаз, но к соседям пойти так и не решилась. Утром вернулся муж соседки и, прибежав, попросил вызвать "скорую" и милицию, а сам поспешил назад, приводить в чувство жену.

Константин ни минуты не сомневался, чьи это рук дело. Дремучий интеллект его бывших дружков, сбитых с толку сотовым телефоном, вновь сыграл с ними злую шутку — полезли в дом, где нечего было взять.

Константин завязал с этим уже давно и накрепко. Хоть и было ему тогда всего восемнадцать, но хватило ума остановиться, ибо кореша оказались слишком невздержанны. В отличие от них, Костя не пропивал добытые ночами деньги, не продавал за бутылку золотые украшения, "экспроприированные" у московских дачников, прибывающих с последней электрички.

Лохов, как правило, поджидали в леске на пути от платформы к дачному посёлку. Ограбленные заявляли о случившемся с ними в местное отделение милиции, но там такие дела, как правило, волокитили, им не давали ходу, не желая наживать врагов среди односельчан.

Что такое дачники? Приехали-уехали. А здесь все жили одним миром — росли, хлебали одно "дерьмо"...

Константин занимался "бомбёжкой" почти до самой армии, и у него скопилось приличное количество часов, колец, серёг, цепочек... Он не стремился всё это как можно скорее реализовать, он прятал, копил... Предчувствие его не обмануло, он оказался в выигрыше: во-первых, с годами золото не дешевело, а во-вторых, и что самое главное — когда на его корешей вышли через продажные ими на базаре в райцентре ценности, Константин остался в стороне.

Кореша, родные братья Васька и Венька, получили по "пятаку", а он благополучно ушёл служить. Дембельнувшись, женился на Татьяне, своей бывшей однокласснице. Женился на доме... на хорошем доме с садом, баней, гаражом. У дома, впрочем, был и существенный недостаток — он располагался на краю села, рядом с лесом. Но Константина это не смущало — ему ли кого-то бояться? Это его, первого на селе ухара, всегда боялись. Рисковым разбойным делом он больше не баловался, остепенился, влез в хозяйство. Нашёл работу в Москве в охранной фирме.

Венька и Вовка, отбухав первый срок, вскоре залетели на второй. Когда и его отмотали, вернулись в посёлок, не узнали своего бывшего товарища — семейного, зажиточного мужика, имеющего дом — полную чашу, машину... Константин, естественно, о старом уже и не помышлял, а вот братья к нормальной жизни, к работе после отсидок оказались просто негодны. Пути старых друзей разошлись... Меж ними существовал негласный договор: Константин нигде никогда не вставал братьям поперёк дороги, а те, в свою очередь, не трясли лохов вблизи его жилища...

И вот договор нарушен.

Братья последнее время всё чаще сходили с катушек — много пили, не гнушались брать что плохо лежит даже у соседей. С возрастом они совсем не изменились, оставаясь на четвёртом десятке теми же, что и в юности — агрессивными, бесшабашными и, разумеется, нищими. А Константин, мало того что прилично зарабатывал, браконьерил в лесу и на окрестных водоёмах, втихую сбывал шкурки бобров, лосятину, кабанятину. Он валил корабельные сосны, до света привозил их домой и распускал на циркулярке, продавал доски и брус дачникам. Ему завидовали односельчане, у которых не хватало духу шабашить вот так же, не опасаясь лесников, рыбнадзора... Завидовали и побаивались. О его доходах ходили слухи, иногда раздутые до нелепости, но пятнадцать тысяч "зелёных" в ИЗ он действительно имел. Во всём остальном селе, пожалуй, не набрать было и половины этой суммы. Деньги Костя копил, не позволяя ни себе, ни жене ничего лишнего.

Удивительное дело, но у этого расчётливого, холодного, жестокого человека, никогда никого по-настоящему не любившего, включая родную мать, появилось существо, которое он любил искренне, бескорыстно, больше самого себя. Нет, это была не жена, не любовница. Константин боготворил свою дочку Настю, которой исполнилось тринадцать лет. Всё, что он делал в последние годы: рано вставал, далеко ездил на работу, рисковал в лесу и на озёрах, "пахал" на своём приусадебном участке — всё только ради неё.

Настя росла красивой, бойкой, сметливой, не в мать, невзрачную и медлительную, не в отца, угрюмого, звероватого и необщительного. И отец, и мать в школе учились неважно, а вот дочь... Симпатичная отличница Настя росла балованной, ни в грош не ставила мать, с малых лет сообразив, что в доме всем и вся является отец. Из него же со временем она приспособилась вить верёвки, получая почти всё, что хотела: платья, туфли, "видик", музыкальный центр, парфюмерию, которой не только подруги, родная мать похвастаться не могла. Главным в её взаимоотношениях с отцом было не переборщить, угадать его настроение, ни в коем случае не подойти со своей просьбой в неподобрый час. Тут уж безграничная отцовская любовь в момент грозила обернуться приступом ярости, и тогда "домашняя принцесса" могла отведать и ремня... Но такое случалось крайне редко.

Драгоценности, золото, добытые Константином в юности, прятались им в надёжном месте и ждали своего часа... когда Настя подрастёт. В своих мечтах Константин видел дочь студенткой престижного московского вуза... Для этого он готов был платить репетиторам, а то и просто дать взятку, купив дочке место в институте. Ему, человеку с восьмью классами сельской школы, казалось, что учёба Насти в МГУ или МГИМО откроет дорогу к знакомству с детьми состоятельных, важных людей, настоящей хозяйке жизни. В этом он видел смысл и своей дальнейшей жизни.

4.

Сиротин приехал на дачу. Последние десять лет супруги проводили здесь, за исключением зимы, большую часть своего времени. Им удалось превратить старый домик с довольно запущенным участком во вполне приспособленное для жизни и отдыха место. Сейчас тут вновь царил запустение: весной ничего не посажено, трава не скошена, одуванчики и сурепка желтым пламенем горели на грядках. В доме, где никто не появлялся уже десять месяцев, пахло сыростью, плесенью... В последний раз он покидал его, когда Оля была ещё жива.

Сейчас его жизнь как бы поделилась на до и после, с ней и без неё. Добродушный, размякший от тридцатилетнего счастья сосуществования рядом с любимой, человек остался там, за чертой. Нынешнему в жизни оставалась одна забота — расплатиться с долгами. Дальше он не загадывал.

Сиротин аккуратно сложил оставшиеся в доме вещи

Оли. Если бы он остался тем, прежним, он бы расплакался, прижимая к лицу её платя, халаты, перебирая бельё... И всё же слёзы навернулись на глаза, но то была не более чем секундная слабость. Он собирался увезти всё это с собой вечером. А пока обул резиновые сапоги, переоделся в афганку, оставшуюся со времён службы, взял корзину, на дне которой, прикрытый курткой, лежал пистолет, и незаметно, прячась в вымахавшей почти в человеческий рост траве, вышел через заднюю калитку в лес.

Сиротин шёл хорошо знакомой ему лесной тропкой, по которой они вместе ходили за грибами и ягодами, просто гуляли, вдыхая целебный смолистый воздух соснового бора. Отойдя примерно с километр, он свернул в густые заросли березняка, росшего вперемежку с орешником. Здесь долго прислушивался, и убедившись, что поблизости никого нет, повесил на чухлый берёзовый ствол самодельную мишень, отошёл на двадцать пять шагов и стал целиться...

Стрелять с глушителем было непривычно. Зато это не привлекало ничего внимания, даже птицы не пугались тихих, казалось, совсем неопасных хлопков. Расстреляв обойму, Сиротин понял, что лупить так же, как привык на стрельбище, держа пистолет в вытянутой руке, а вторую заложив за спину, не получится. Он постарел, да и рука ослабла, к тому же за счёт глушителя пистолет стал тяжелее обычного "макарова".

Попробовал стрелять, держа пистолет обеими руками. Результат стал заметно лучше. Сиротин выпустил две пачки — тридцать два патрона — последние восемь все оказались в мишени. Довольный, он спрятал оружие и пошёл назад. Ему оставалось переговорить с соседом и успеть на послеобеденную электричку, чтобы вернуться в Москву. Бегать, тренировать дыхание он собирался там, дома, и лишь когда на дорожка парка его "дыхалка" придёт в норму, свои последние легкоатлетические тренировки он собирался провести здесь, в лесу. Как и контрольный прикидку в стрельбе.

Но сначала необходимо поговорить с соседом... Обязательно поговорить...

5.

День выдался жарким. Июль вообще стоял как никогда — ни дня ниже тридцати градусов. Константин был в отгуле, Татьяна на своей работе, на почте. Настя, крупная для своих лет девочка, плескалась в небольшом садовом бассейне.

— Здорово, Костя! Разговор есть. — Сиротин остановился у соседской калитки, приветственно подняв руку.

— Привет, Сергеич! Что-то долго тебя не было. — Константин открыл калитку, но не впустил соседа, а вышел сам и протянул ему руку.

— Скоро совсем не увидишь. — Сиротин широко улыбнулся.

— Что так? Неужто домишко свой продать решил? — догадался Константин.

— Да. Зачем он мне одному?.. Так что буду покупателем подыскивать.

— Понятно, — задумчиво поскрёб затылок Константин. — Только это... Запущен он у тебя сильно, Сергеич. Ты траву хотя бы скосил, ну и по мелочам... Так сказать, для товарного вида что сделал.

— Ох, не знаю. Нет ни сил, ни желания... Слушай, Кость, а ты покупателя не подскажешь. Или, может, сам купишь, а? Объединишь участки, и у тебя тогда больше тридцати соток станет. Ты мужик ещё молодой, работающий. Одной картошки сколько соберёшь. Машина у тебя есть, прицеп тоже. Загрузишь, и в Москву. В зиму картошка хорошо идёт.

Константин в задумчивости морщил лоб. Предложение соседа было заманчиво. Он давно уже подумывал, что не мешало бы увеличить усадьбу, и самое удобное, конечно, было бы прирезать к своему соседский участок. Вот только платить прижимистой Константину не хотел, вернее, желал приобрести сиротинское добро по де-

шёвке, благо тому оно явно становилось в обузу.

— Ну что ж, Сергеич, это надо обмозговать. А сколько ты хочешь за свою хибару и участок? — Константин спросил намеренно пренебрежительно, чтобы сосед не больно раскатывал губы.

Сиротин внешне был совершенно невозмутим и только краешком губ чуть улыбался...

— Четыре тысячи долларов, — отчеканил он.

— Сколько-сколько?! — Константин был настолько ошеломлён этой несуразной ценой, что уже во второй раз за день растерялся, чего с ним вообще случилось крайне редко.

— Четыре штуки "зелеными", — на полном серьёзе повторил Сиротин.

— Ты что, старый, офонарел? За что просишь-то, хоть понимаешь? За избу без фундамента, которой сто лет в обед, и за запущенный участок? Ты эт... Сергеич... с горя умом не повредился? — Константин уже пришёл в себя и с усмешкой смотрел на соседа.

— Ну а сколько бы ты дал? — по-прежнему без эмоций спросил Сиротин.

— Ну... — Константина всё-таки несколько сбила с толку чрезмерно высокая стартовая цена соседа, и он не знал, с чего начать торги. Платить больше тысячи баксов он вообще не собирался ни при каком раскладе... Но после четырёх запрошенных предлагать одну становилось как-то неудобно...

— Здравствуй, Настя! — поздоровался Сиротин с вышедшей из бассейна девочкой.

— Здравствуйте, дядя Володя, — отозвалась она.

— Красавица у тебя растёт... — проводив девочку взглядом до крыльца, вновь заговорил с Константином Сиротин. — Когда я её впервые увидел, ей года три было, а сейчас вон какая стала, считай, невеста. — Сиротин загадочно улыбнулся.

— Ну, я думаю... тысяча двести... самая красная цена за твои владения, — тем временем пришёл к окончательному решению Константин.

— Не, брат, это не цена.

— Поверь, Сергеич, тебе никто не то что четыре, полторы не даст. Да ещё потратишься на объявления в газету эту... "Из рук в руки". Прикидываешь? А нервы?.. Ведь дело с незнакомыми людьми иметь придётся, а вдруг наколят, фальшивые баксы всучат... А со мной всё железно, и всё сразу. В райцентре в один день купчую оформим, лишнего рубля не заплатим, у меня там все знакомые, — убеждал Константин.

— Дадут, Костя, дадут... все четыре дадут, — словно не слыша его, продолжал стоять на своём Сиротин.

— И где же ты найдёшь такого дураля, который выложит такую прорву баксов за твою гнилушку, да ещё в полтораста верстах от Москвы? — Константин начал слегка злиться.

— Есть такие люди... Я свою землю с этим домом чеченцам продам, — негромко, даже вкрадчиво произнёс Сиротин.

У Константина будто ноги подкосились. Он схватился рукой за забор, но тут же придал в себя, попытался возразить, хотя и неуклюже:

— Как же! Они всю жизнь только и мечтали о твоей развалюхе.

— Дом этот, может ты и прав, им вряд ли понадобится. Но они его, если что, снесут, а тут кирпичный поставят. А за землю деньги дадут, будь уверен. Четыре тысячи для них — сумма плёвая... — Сиротин помолчал, посмотрел на часы. — Заговорился я, как бы на электричку не опоздать. Ну бывай. Я через неделю приеду... ты подумай пока... — И вновь, как бы невзначай добавил: — Красивая у тебя растёт дочка.

6.

Всю следующую неделю, пока Сиротин бегал в парке, пытаясь хоть как-то вернуть утраченную с годами физическую форму, Константин ходил под впечатлением от их

последнего разговора. Где бы ни был, что бы ни делал, мысленно постоянно возвращался к нему.

Он знал, что такое чеченцы. Знал не понаслышке. С ними он сталкивался, когда служил в армии. Если среди славян задиристыми были единицы, то среди горцев — абсолютное большинство. Причём если таковые русские, украинцы или, к примеру, татары в казарме держались наособицу, то чеченцы, ингуши, дагестанцы сразу сбивались в волчьи стаи. Эти стаи буквально подминали под себя, подчиняли себе целые подразделения. Десятка чеченцев вполне хватало, чтобы «поставить на колени» роту. Сиротин бывший офицер и, конечно, знает о том не хуже его.

Сейчас в Чечне война, и многие чеченские семьи бегут отсюда. Те, кто побогаче, не голодают в лагерях беженцев, а ищут возможность зацепиться в России, приобрести недвижимость. Так что сосед не блефует: здешняя земля вполне может кого-то из них заинтересовать. И места тут неплохие, и до Москвы прямая электричка. А Москву чеченцы любят особенно, ведь там можно добыть деньги... Так что... Построят под твоим боком большой кирпичный дом, вселятся кагалом человек десять-пятнадцать (семьи у них большие да и по многу рожают), вот и запоешь тогда. К тому же начнут к этим приезжать многочисленные родственники... Там всегда полно молодёжи — злой, агрессивной, смелой. И года через два, а то и раньше, коренные жители побегут из села... Побегут, как бегали солдаты его роты — куда глаза глядят. Причем все: и «черпаки» и «деды» — от невероятной жестокости дружных джигитов.

Константину по большому счету было плевать на односельчан, но он испугался за дочь. Он вдруг почувствовал, что вполне может возникнуть ситуация, когда он не сможет защитить Настю. Если раньше он с презрением относился к родителям, которым не под силу это, то теперь сам мог вполне оказаться на их месте...

В родном селе Константина побаивались. И потому он всегда был спокоен за дочь: никто нигде, ни в школе, ни на улице, никакой хулиганистый пацан не смел не то что пальцем тронуть, грубое слово ей сказать. Все знали, кто её отец и что он в случае чего никому не спустит: ни ребёнку, ни взрослому. Но тут особый случай...

В конце концов Константин несколько успокоился, решив, что сосед все-таки просто пугает его в надежде вытянуть как можно больше денег. Ну что ж, понять его можно. И Константин решился-таки несколько поднять стартовую цену.

А Сиротин, как и обещал, прикатил через неделю. На этот раз идти к Константину ему не пришлось, тот сам появился у калитки, едва Владимир Сергеевич переступил порог своей избушки.

— Сергеич, гостей принимаешь?

— Заходи, Костя... Извини за беспорядок... Сюда вот садись, — он осведомил заваленный какими-то тряпками стул. — Ты подумал над моим предложением?

— Да... в общем. Сергеич, так и быть, две тысячи я наскребу... В общем, согласен, — торопливой скороговоркой произнёс он.

Сиротин никак не отреагировал. Он повернул пробки, которые всегда выворачивал, уезжая в Москву, налил воду в электрочайник и включил его в сеть...

— Ты меня не понял, Костя... Я не собираюсь с тобой торговаться. Мне нужны четыре, понимаешь, четыре тысячи... И я их получу, не от тебя так... Ну я тебе уже говорил, от кого.

— Побойся Бога, Сергеич, ну какие четыре?!

— Как хочешь, Кость.

— Слушай, Сергеич... я понимаю, ты здесь на всех обижен... за жену. Но это не наши, это гастролёры какие-то. В ту ночь я на дежурстве был, а моя... Она сама всего боится, да и какая с неё подмога. Ни при чём мы здесь... — Он на секунду замолчал. — Не надо, Сергеич, чеченцев. Не за себя страшно, я-то их знаю, за людей. Ты же служил, знаешь, как они к другим относятся, какой террор устраивают... Ты ж русский, Сергеич. — Константин говорил необычным для себя просительным тоном.

— Не дави на жалость... — начал было Сиротин, но тут же как оборвал себя. — Ладно, сбавлю цену... так и быть. Но и ты мне помоги.

— Всё чем могу, Сергеич, — воспрял духом Константин.

— Можешь. Я в этом не сомневаюсь. Дело в том, что в милиции дело об избиении, а фактически убийстве моей жены под сукно положили. Я так понял, что никого давно уже не ищут. Вот ты и помоги мне, разузнай — кто там был и откуда.

— Да ты что, Сергеич?! — удовлетворение на лице Константина мгновенно сменилось отчаянием. — Если менты никого найти не могут, я-то как? Я ж говорю, не наши это, гастролёры. Где они сейчас — ищи ветра в поле.

— Ты мне сказки не рассказывай! — резко повысил голос Сиротин. — Какие гастролёры?! Твой дом в сравнении с моей избой — дворец, да и девятка у тебя в гараже. А они почему-то не к тебе, а к нам сунулись. Местные это! У меня ни малейшего сомнения нет. Поэтому и милиция никого не ищет. Потом, двое в масках были. Значит, боялись, что узнает... Хотя она и так почти никого здесь в лицо не знала... Перестраховались.

Константин сидел, угрюмо уставившись в давно не метённый пол. Он никак не ожидал услышать то, что слышал сейчас. Сосед производил впечатление мягкого, недалёкого человека, которого мог легко наколоть любой деревенский алкаш. Так и случилось, когда к нему нанялись пахать электроплугом огород, когда всучали ему дрянной навоз или горбыль. Константин не раз удивлялся, как такой непрактичный мужик дослужился до подполковника... Сейчас перед ним сидел совсем иной человек.

— Месяц сроку тебе... Узнаешь — сброшу цену. Нет — чеченам продам. Специально продам. Мне здесь никого не жаль. Нас здесь не пожалели. Этот заговор умолчания, круговая порука... они вам дорого обойдутся... Лучше узнай...

7.

Примерно сутки после поступившего предложения, а вернее ультиматума, Константин ничего не мог делать, хотя в огороде картофельная ботва буквально стонала от колорадского жука и подошла пора убирать озимый чеснок. Когда он пребывал в таком состоянии, к нему болялась подходить даже Настя. Сейчас она так и не решалась попросить свозить её в Москву, купить к школе новые сапоги, да такие, чтобы поразить подруг, а может быть, и кое-кого из нищих училков... Надо было переждать. Но шли дни, а в настроении отца улучшения не происходило.

Лишь к концу недели Константин принял решение. Он не видел иного выхода, а потому пришёл к своим бывшим корешам под вечер и застал их тоже в весьма неважном состоянии духа... и тела. Недавно они «подломили» артельный сарай дачников, в котором хранились три лодочных мотора. Увы, за дорого толкнуть движки не удалось. Денег едва хватило на неделю питания.

— О! Какие люди к нам! — Посреди комнаты стоял Венька, длинный, худой, голый до пояса, с рёбрами, торчащими как у узника концлагеря. Он искренне обрадовался гостью.

— Привет, братовья! — поздоровался Константин и мрачно оглядел жилище.

— Привет. Давненько ты к нам не захаживал. — На койке, застеленной вытертым одеялом, лежал старший брат Васька, среднего роста, коренастый мужик в линялой майке и семейных трусах. — Зачем пожаловал? Ты ж просто так не ходишь.

— А сегодня, может, и просто так. Вас проведать решил, — усмехнулся Константин. — Завязывать, гляжу, не собирается. Смотрите, не век дядя ваш в ментовке сидеть будет... покрывать ваши штучки.

— Тебе-то что за печаль? — по-прежнему лёжа, огрызнулся Васька.

— Да такая вот... С прошлого года руки всё чешутся и одному по второму по роже съездить да руки-ноги переломать. Соседа моего зачем трясли? Вы ж бабу его фактически угробили. Хотя бы меня сначала спросили, я бы вам сказал, что нищие они, брать нечего, кроме того мобильника, на который вы и позарились...

— Ну ты даёшь!.. Скоро уж год тому. Сколько молчал, а сейчас пришёл, забеспокоился,— усмехнулся Васька.— Ладно, это дело прошлое, чего ворошить?.. А то ведь и про тебя кое-что вспомнить можно. Например, как ты дачникам черепушки мозжил... А мы тогда... Кто ж знал, что она... что сердце у неё плохо тянет? Ладно, чёрт с ним, умерла так умерла, чего уж... Сейчас только помянуть и остаётся... Ты случайно на фанфурик нам не ссудишь?

— Не ссужу!— Константин с грохотом выдвинул из-под стола табуретку и сел, показывая, что зашёл не с кратковременным визитом.— Значит, тебе интересно, чего это я про тот случай заговорил?— Константин обратился только к Ваське, так как младший брат всегда ходил под ним.

— Ну так чего?— лениво, с хрустом потянулся на своём ложе Васька.

— А того, что вас её мужик ищет. Ко мне за помощью обратился.

— Ну и что?.. Пусть себе ищет... Ты ж нас не продашь?— Васька напряжённо снизу вверх смотрел на Константина. Тот молча отвёл глаза.— Не забывай, чем мы с тобой повязаны... Мы своё отрубили, а ты ведь слинял тогда. Мы ж тебя не заложили.

— Ерунду говоришь,— нехотя отвечал Константин.— Не сел я с вами, потому что у меня голова на плечах, а у вас... Ладно, не за тем я пришёл, чтобы старое ворошить да считать, кто кому должен. Закладывать я вас не собираюсь... Тут другое... Он уверен, что двое в масках местные были. Она же в лицо-то вас не знала, зачем вы маски-то напялили? Фильмов насмотрелись?

— Мы же не убивать её шли... Потом, она на улице опознать могла,— объяснил Васька и, скрипнув пружинами, сел на койке.— Он что, серьёзно попросил тебя помочь?

— Вроде того...

— А взамен чего?.. Ты ж за так ничего не сделаешь... Небось обещал домишко свой с участком тебе по дешевке отдать?— Васька заулыбался, не сомневаясь в своей догадке.

Константин тоже не удивился проницательности бывшего кореша: Васька был очень даже неглуп, рассудителен в отличие от брата. Только все эти качества проявлялись у него в периоды трезвости, то есть нечасто. Выдержав паузу и не реагируя на ухмылку Васьки, Константин подтвердил:

— Да, за это он пообещал, как ты и говоришь, свой дом и участок мне продать... а не чеченцам. А вот если не помогу, то не мне, а им...

Братья вытаращили на Константина глаза, а тот, не глядя на них, лишь мрачно усмехнулся.

— Ты чё?.. Он что... и вправду чеченам продать хочешь?!— наконец выдавил из себя Венька, видимо, уже пуганный горцами где-то на зоне.— Во гад чо удумал.

— Молодец! Вот уж действительно, придумал так придумал. Они всех тут на уши поставят... Ха-ха!— Васька вдруг зашёлся в приступе дикого веселья.— Всем, всему селу воткнёт по самые помидоры... По нынешнему времени лучше не отомстить, да-а!

Брат его не поддержал, а продолжал с испугом смотреть на гостя. Константин, дождавшись, когда Васька уймётся, начал медленно говорить:

— Рано или поздно он вас вычислит... Не через меня, через других... Из-за страха, что здесь чёрные поселятся, вас продадут. За грабёж и избиение, приведшие к смерти... В общем, уголовный кодекс вы лучше меня знаете...

— Так что же теперь делать... а? Кость, ты ж голова, подскази,— растерянно канючил Венька, в то время как его брат после нервного смеха словно отключился.

— То-то и оно!.. Если бы вы всегда меня слушали, и срока бы не мотали, и жили не так.— Константин презрительным взглядом обвёл убогое жилище.— А сейчас что? Сейчас он банкует. Так и сказал: специально чеченцам продам, если никто не поможет убийц найти. Раз вы так, то и я так. Он через месяц приедет, за ответом... И за клюквой сходить хочет... на болото... Секёте?

Васька сразу словно очнулся.

— Ишь ты! На мокруху нас подбиваешь?

— Я никого и ни на что не подбиваю. Я просто объяснил вам ваше положение, а решать и действовать, это уж ваше дело. Если, конечно, вы предпочитаете лет двенадцать на нарах париться, то никакого базара нет, пожалуйста...

Васька опустил голову, собрал морщины на покатом лбу, задумался:

— А точно... за клюквой-то?

— Точно. Говорит, давление у него после того случая скакать стало, а клюкво — лучшее лекарство.

— А ведь это можно проверить... Там его по-тихому, без свидетелей... и в трясину спустить... И никто никогда не найдёт,— вслух размышлял Васька.— Только надо и этих... Черепа с Сурком, с которыми мы его бабу потрошили, с собой взять.

— Зачем? Неужто вдвоём не справитесь?

— Так будет вернее... Там вместе были и здесь тоже вместе должны... Ладно, принимаем этот план. А теперь гони на пузырь! — потребовал Васька.

— Да ты что?! — опешил от неожиданности Константин.

— Давай, давай! Когда мы соседа твоего грохнем, ты у его родичей хибару задарма возьмешь. Они от неё как чёрт от ладана отпихиваться будут. Так что не жидись, полтинник гони, да быстрее, пока сотню не прошу.

Венька так до конца и не врубился в рассуждения брата, зато требование денег на выпивку, сразу вызвало у него плотоядный блеск в глазах...

8.

Сиротин приехал, как и обещал, в начале осени — к клюквенному сезону. Константин отдыхал после дежурства, но, услышав скрип ржавых петель соседской калитки, поспешил на улицу. На вопрос Сиротина он отреагировал просительно:

— Подожди, Сергеич, я узнаю. Клянусь тебе! Намётки уже есть. Ещё пару недель подожди.

— Ладно, так и быть, подожду.— Сиротин пылливо всматривался в лицо Константина.— А пока за клюквой похожу... Завтра с утречка и отправлюсь. Не подсказешь, куда лучше?.. Так, чтобы ведро с одного захода набрать? Рядом-то тут, наверное, уже всё обобрали?

— Лучше всего на Лепёхинские болота идти. Туда местные редко ходят. А клюквы там этот год прорва, не ведро, два соберёшь.

— Где это?

— А вот... Дай бумагу и ручку, я тебе нарисую, как туда пройти.

Константин стал увлечённо рисовать схему. Он сидел за столом, а Сиротин стоял сзади и с усмешкой следил за карандашом.

— А это что за круги такие?

— Это озёра... Там топко кругом. Ты с тропинки не сходи. А вот тут,— Константин ткнул ручкой в промежуток между овалами,— бугор. Там самая клюква и есть.

“Меня, наверное, в эти самые озёра и порешили сбросить... Трясина засосёт, и всё...” — размышлял про себя Сиротин.

— Далековато, конечно. Километра четыре с гаком, зато с клюквой будешь.— Константин протянул листок.

— Спасибо, Костя... Ну что ж, завтра с утра и схожу. Значит, сначала вдоль ЛЭП, километра полтора, потом резко вправо...

Не заходя к себе, Константин двинул к центру села. Заглянул в продмаг, поговорил со знакомой продавщицей. Выходя из магазина, увидел дочь, идущую в окружении подруг из школы. Она выделялась, как цесарка на фоне обычных куриц: и выше, и крупнее, и милостивнее, и наряднее одета. Да и держалась Настя свободнее, раскованнее: громко разговаривала, смеялась. Константин не захотел сейчас встречаться с нею, он быстро вернулся в магазин, дождался, когда щебечущая девичья стайка пройдёт мимо.

В неприглядный дом братьев проскользнул тихо. Они оказались на месте.

— Приехал! — с порога возбуждённо сообщил Константин.

— Кто приехал? — не понял Венька, стоявший у газовой плиты.

— Кто-то? Конь в пальто! — огрызнулся Константин. — Сосед, кто же еще?!

— Ну и что? — лениво спросил Васька. Он сидел на стуле и клеил прохудившиеся резиновые сапоги.

— А то. Он завтра с утра по клюкву пойдёт... на Лепёхинские болота.

— Ишь ты!.. Далё-о-око, — протянул Васька, не отрываясь от своего дела. — А ты почём знаешь, что туда?

— Он у меня сам спрашивал, где клюквы больше. Я ему и посоветовал, и нарисовал, как туда пройти.

— Правильно... Хорошее место... Недаром я сапоги начал клеить, как чуял, — удовлетворённо заключил Васька. — Венька, прыгай на мотоцикл и мухой лети за Черепом и Сурком.

— Что?.. Прямо сейчас? — Младший брат растерянно вертел в руке поварёшку.

— А когда? Чтобы к ночи оба здесь были. У нас переночуют. С утра на дело идём. Не слышал, что ли?

— Может, не надо? — попытался противиться Венька.

— Объясни ты ему... я уже не могу... терпению нет с ним разговаривать! — обратился Васька к Константину, с раздражением бросая сапог на пол.

10.

Сиротин тем временем сходил в лес и провёл контрольную пристрелку. Тренировки в парке не прошли даром: он легко, без одышки, выдерживал ускорения. Единственно чего он сейчас опасался, что по его следу пойдут не все четверо прошлогодних налётчиков и разом с последним, оставшимся у него на этом свете долгом не рассчитаться...

В семь утра Владимир Сергеевич с ведром в руках и рюкзаком за плечами вышел из дома. Он не спешил, чтобы преследователи случайно не потеряли его из виду. Слежку он засёк сразу, где-то на втором километре пути, едва начал рассеиваться туман.

В разговоре с Константином Сиротин намеренно соврал, что не знает дороги. На самом же деле он ходил как-то на Лепёхинские болота, к этим озёрам, правда, не за ягодами, а на охоту с одним из местных старожилов. Тот старик умер года три назад...

Преследователи не очень-то маскировались, а Сиротин делал вид, что не замечает идущих за ним мужиков. Их было четверо, и сердце Сиротина обволокла спокойная радость. Они шли без ружей, видимо, в полной уверенности, что справятся и так без лишнего шума. Четверо против одного — что уж тут сомневаться в успехе "предприятия"?

Венька нервничал, а Череп с Сурком торопились, хотели напасть на Сиротина как можно скорее. Они не догадались надеть сапоги и теперь, начерпав полные ботинки, попросту говоря, не шли, а мучились. Им не терпелось завалить лоха, а не тащить до болот. Но Васька зло и решительно пресёк их самостоятельность: в чахлам подлеске сложно "с концами" спрятать труп...

На подходе к Лепехинским топям Сиротин сделал резкое ускорение. Он легко оторвался от преследовате-

лей, хоть те и были лет на двадцать моложе. Залёг в высокой осоке чуть в стороне от тропы, стал ждать. Он знал это место, тут они прятались с покойным старожилом, выслеживая прилетающих на озёра уток.

Преследователи, взмыленные, матерясь и вертя во все стороны головами, пробежали мимо.

Сиротин вынул из рюкзака пистолет, передёрнул затвор, поставил на предохранитель и вышел на тропу, отрезая им пути отхода. Он колебался лишь в одном: не мудрствуя, перестрелять всех из засады или сначала сказать этим гадам, за что он лишает их жизни. Подмывало, конечно, толкнуть речь, но он в конце концов предпочёл надёжность исполнения задуманного киношному пафосу.

Преследователи возвращались, громко матерясь. Впереди, с трудом переводя дыхание, двигался неприятный человек в кепке, под которой угадывался абсолютно голый череп.

Сиротин снял пистолет с предохранителя. Ему не надо было возбуждать себя мыслями, что вот наконец пробил час отмщения, он сможет рассчитаться с теми, кто убил его Олю. Обо всём этом он уже столько передумал, перестрадал...

Впередиидущий, словно налетев на невидимое препятствие, вскрикнул и, схватившись за грудь, стал падать назад.

— Череп, ты чего?! — закричал идущий следом и склонился над дружкойм.

Лежащий только хрипел в ответ.

Сиротин воспользовался моментом. Дистанция была всего метров десять, и он без труда попал в голову склонившемуся бандиту. Тот беззвучно повалился на лысого.

— Вот он, сука! — Идущий третьим коренастый крепыш увидел высунувшегося из засады Сиротина. — Что делает, гад!.. У него же шпалер с глухарём!

Скрываться больше не было смысла, и Сиротин вышел из засады на тропу. Его решительный вид, да ещё с устрашающе длинным из-за набалдашника глушителя пистолетом, произвёл ошеломляющее впечатление на четвёртого, худого и длинного парня, шедшего позади всех. Он вдруг дико завизжал и, развернувшись, побежал прочь, тяжело шлёпая резиновыми сапогами, казавшимися огромными на его тонких ногах...

— Ну, суцара, погоди... сейчас! — Коренастый выхватил на мгновение блеснувшую короткой молнией финку и бросился на врага. Но успел лишь обогнуть загоревшие тропу тела. Сиротин, почти не целясь, выстрелил ему в живот. Коренастый переломился пополам, сделав по инерции ещё пару шагов, и рухнул головой вперёд...

Сиротин не стал осматривать трупы, он побежал за четвёртым. Настиг его минут через десять. Первая пуля прошла мимо, зато вторая повалила длинного на тропу...

11.

Назад Сиротин вернулся к обеду. Он был измучен, как человек, в одиночку разгрузивший вагон. Проходя мимо дома соседа, пристально смерил взглядом стоявшего на стрёме и мучавшегося ожиданием Константина.

— Привет, Кость!.. Хреновое место ты мне посоветовал... Нету там никакой клюквы, одни топи кругом. Любого засосет — и шито-крыто...

Константин стоял бледный, прямой, словно лом проглотивший.

Сиротин прошёл было дальше, но остановился, обернулся.

— И ты не ходи туда, Костя... Там не ровен час кто утопнет у тебя на глазах, а потом оправдывайся... Опять же менты насядут, не отмахнешься.

Он с минуту помолчал, зло и пристально глядя на соседа, но тот уже все понял.

— А насчёт чечен не бойсь... — откуда-то, словно издалека, долетели до потрясенного Константина сиротинские слова. — Дочку твою жалко... Я ж всё-таки русский... Вот только ты-то кто?

ПИСЬМО

1.

Дроздов никак не мог привыкнуть к гаубицам. Даже бьющий скорее по нервам, чем по ушам протяжный звук залпов "Града" не так на него действовал, как эти тяжкие ухающие выстрелы. Голова произвольно втягивалась в плечи, туловище само собой сжималось и оставалось в таком положении, пока грохот уносящегося вдаль снаряда не затихал, напоследок возвестя о себе едва слышимым всплеском далёкого разрыва.

— Не ссы, сынок, это пока ещё не по тебе панихида, — с ухмылками прошли мимо двое контрактников, неся перед собой в согнутых руках по несколько буханок хлеба. — Наберут детей на войну, а сопли утирать...

Дальше Дроздов не расслышал — подошла его очередь получать первое.

— Заснул?! Какая рота?! — кричал, стоя на металлической подножке походной кухни, нарядчик с черпаком в руке.

— Вторая. Я из дозора. На двоих человек. — Дроздов подал котелки.

— Из дозора? На, держи, поешь напоследок. Сегодня ночью "духи" к тебе в гости придут яйца резать, завтра петухом запоёшь. — Нарядчик издевательски заржал.

Дроздова передёрнуло. Схватив котелки со щами, он поспешил к следующему котлу за вторым. Здесь "банковал" сам повар, "дед" — сержант. Каши с тушёной в поданные крышки от котелков он положил явно мало. Дроздов не отходил.

— Чего встал, разводягой по лбу захотел? Двигай дальше, нечего очередь задерживать! — Повар кривил красное лицо в угрожающих гримасах.

Дроздов бросил исподлобья недобрый взгляд и нарочито неспешно отошёл.

— Чего зыркаешь?! Сейчас слезу, по горбу настучу... салабон! — ругался ему вслед повар, принимая следующие крышки от котелков.

Даже прослужив шесть месяцев, Дроздов и его однопризывники вновь оказались самыми зелеными в полку. Ещё во время боёв в Дагестане погибло несколько "молодых" из Татарии, и по этому поводу подняли шум... В общем, когда начались бои в Чечне, прослуживших менее полугода в боевых подразделениях уже не было. Таким образом, молодость "черпаков", солдат, прослуживших по шесть месяцев, продлялась ещё на полгода. А это означало, что основная тяжесть службы опять ложилась на них: наряды, тяжёлая, грязная работа — разгрузки-погрузки, рытьё траншей и окопов... Не контрактники же всем этим будут заниматься, не "деды". Даже "годки" имели некоторое моральное право увильнуть.

В дозоре — муторном суточном дежурстве на выдвинутом за позиции батальона посту — тоже в основном службу несли "черпаки". Нагруженный обедом, Дроздов уже собирался идти на свой окопный пост, где его ожи-

дал напарник, когда к нему подбежал Галеев. Однопризывник Дроздова, он по штату числился в их взводе, но благодаря умению писать плакатным пером и немного рисовать, пристроился при передвижном полковом клубе. В руках у "клубного работника" белела пачка конвертов. Они были в неплохих отношениях, и Галеев обратился к нему по-свойски:

— Толян, тебе письмо толстое. С фоткой, наверное. От бабы?

— Сунь в карман. — Дроздов подставил бок, отводя руку, занятую котелками.

Галеев засунул толстый конверт в карман бушлата и побежал дальше раздавать почту.

"От бабы... Какой бабы? У меня и бабы-то никакой нет". — Неясное волнение охватило его, когда он мельком увидел адрес, написанный материнским почерком. Толщина конверта подсказывала, что мать, узнав наконец, куда загремел её единственный сын, разволновалась, расплакалась... вот и накатала. Что-то, а писать-то она умеет: как-никак более двадцати лет русский и литературу в школе преподаёт.

Дроздов, словно ощущая тяжесть материнских слов, сгорбившись, как старик, шёл вверх по склону пологой горы мимо кунгов, палаток... В одной из палаток контрактников шёл гудёж. Там располагались батальонные разведчики, они единственные в полку соприкасались с противником почти ежедневно. Им многое позволялось: они обращались к офицерам на "ты", у них всегда было спиртное, они несли самые настоящие потери. Убитыми и ранеными. В палатке наверняка находился и Лунёв, разведчик, воевавший и в Афгане, и в первую чеченскую. Лунёв тоже пензенский, земляк, и у него Дроздов пару раз просил заступничества, когда ротные "старички" чрезмерно его напрягали.

Зона ответственности их взвода — это примерно двести метров на склоне горы, являющейся господствующей высотой, которую оседлал дивизион "Града". Дальше, до следующей высоты, где базировались самоходки, шли позиции других взводов, рот и батальонной полка. Перед пехотными подразделениями стояла задача не допустить "духов" в тыл, на позиции артиллеристов, которые в этой, пока ещё не очень контактной войне, были главными действующими лицами. Именно они, выдавливая огнём не обладавшего тяжёлым вооружением противника с позиций, вынуждали его отступать всё дальше в глубь Чечни, к Грозному. На следующем рубеже всё повторялось: захват господствующих высот, артиллерийский прессинг, разведрейды...

Дроздов прыгнул в траншею и, пригнувшись, двинулся к своему посту.

— Что так долго?! Тебя только за смертью посылать! Что там на рубон? — В углу окопа полулежал на разостланной шинели Бедрицкий, крупный, но рыхлый уралец.

— Щи и каша рисовая.

— А третье?

— Кисель.

— Каши чего так мало? Тебя всегда надувают!

— Сам бы шёл! — беззлобно огрызнулся Дроздов и стал очищать полбуханки хлеба от налипшего мусора.

— Разве это жратва?.. — привычно запричитал Бедрицкий. — Сволочи... На смерть посылают, а ни мяса, ни свежатины... Осень вон стоит, овощи, фрукты везде, а тут концентратами доволься...

Дроздов, не реагируя на скулёж напарника, начал хлебать ещё горячие щи. Ел не спеша. Он оттягивал момент начала чтения письма, ибо не сомневался, что сильно расстроил мать, и она наверняка об этом написала. Но Бедрицкий всё же достал. Тоже деятель, разнылся, слушай тут его! Дроздов и сам бы с удовольствием поплакался, посетовал на свою разнестачную судьбу, ему тоже здесь всё противно. И не столько кормёжка, "деды", прапор взводный, постоянные подкальва-

ния контрактников, грязь, борьба со вшами, сны о тёплой бане, а в первую очередь, конечно, постоянная смертельная угроза, именуемая кем как: “духи”, “боевики”, “чёрные”, “звери”. Да и вся обстановка: ненависть местных жителей, беженцев, без труда читаемая во взглядах страшных старух, злых женщин, звероватых мальчишек. Эти горы, каменистая, едва поддающаяся лому и кирке почва, сырой холод по ночам после относительно тёплых дней... Здесь на юге, в этой горной степи, он мёрз так, как никогда не мёрз у себя в Пензе: не спасали ни бушлат, ни уже выданное зимнее бельё.

Тем не менее простуда почему-то не приставала. А как на нее рассчитывал Бедрицкий! Да и Дроздов сам не отказался бы улечься в санчасть или ещё лучше в госпиталь во Владикавказе, где и прокантиваться как можно дольше. А там... Там, может, война кончится или ещё какая-нибудь лазейка откроется... Чтобы только не сюда, не на передовую...

Бедрицкий, тот даже интересовался у фельдшера, что будет, если полежать на земле без бушлата. Дроздов предпочитал, чтобы всё произошло само собой и лучше всего — без серьёзного ущерба для здоровья. Хотя кто знает, что лучше: здоровье сберегать или... жизнь. С другой стороны, солдат срочной службы старались под огонь не посылать. За всё время, что полк продвигался от границы с Ингушетией, потери были в основном у контрактников — восемь убитых и более двух десятков раненых. Из срочников погиб только один, да и то не в бою: связист наткнулся на противопехотную мину, не замеченную сапёрами. Зато больных, косящих под больных и прочих “шлангов”, под различными предлогами отправляемых в тыл, набиралось предостаточно. В общем, статистика пока была обнадеживающей.

Щи оказались недосолёнными, каша чуть тёплой, а кисель несладким. Впрочем, Дроздов уже привык в армии есть, не получая удовольствия от пищи. Как-то ещё в самом начале так называемой “контртеррористической операции” в полк приехал командующий группировкой и, увидев, что солдат кормят перловкой, раскричался, пообещав разогнать всю тыловую службу. После того ни перловки, ни сечки, ни овсянки в рационе не стало, но и рис, и гречка, и пшёнка, приготовленные неумелыми полковыми поварами, теми же солдатами срочной службы, были ненамного вкуснее.

— Не, так дальше жить нельзя! — Бедрицкий в сердцах бросил ложку, и она звонко стукнулась о дно котелка. — Тут если “духи” не подстрелят, так желудок точно накроется... Когти надо рвать, пока не поздно. Как думаешь?

Подобные разговоры напарник заводил не впервые, и Дроздов отреагировал довольно вяло:

— Никак не думаю.

— У тебя что, кочан вместо головы?!

— Ну а ты что думаешь, в плен, что ли, сдать?!! — вновь огрызнулся Дроздов, начиная мыть котелок.

— Ну ты совсем дурной, пацан!.. Этим разве можно сдаваться? Это если бы с нормальными людьми воевать, — мечтательно закатила глаза Бедрицкий. — У которых в тюрьме лучше, чем у нас на воле... А этим зверьям... ислам заставят принять, издеваться будут, не-е!.. Я вот чего... слушай. — Бедрицкий понизил голос и опасливо обернулся, хотя ближайший пост находился метрах в трёхстах, и к ним даже по ходу сообщения невозможно было подойти незамеченным. — Как думаешь, если в ладонь себе стрельнуть, это больно?

Дроздов выплеснул воду из котелка за бруствер.

— У тебя что, крыша съехала?! Себя калечить!

— Так ведь наверняка комиссуют, или в госпиталь надолго ляжешь. А война эта на год, а то и больше. Десять раз убиты. До Грозного дойдём, штурмовать придёт. Там одними контрактниками не обойдутся, и нас сунут... А это хана. Там они нас из подвалов, с чердаков мочить

будут. Мужики, что в прошлый раз воевали, говорили, что там батальон за сутки выбивало. Нет, ты как хочешь, а я до Грозного тянуть не хочу, хоть как, но свалю отсюда.

— Дурак, за членовредительство судить будут. Иiscalечишься, и в дисбат загремишь. — Дроздов тщательно отмывал скользкую после киселя кружку. Он не принимал всерьёз заявления Бедрицкого. Тот, чем ближе к вечеру, заводил подобные разговоры, постепенно скидая, и к темноте уже ничем не напоминал человека, решившегося на самострел. Скорее походил на смертельно напуганную собаку. Он всегда шёл в дозор в паре с Дроздовым, зная, что тот никогда не проболтается о его животном страхе, заставляющем с наступлением темноты забиваться в угол окопа и всю ночь мучиться от противной мелкой дрожи.

Сплошной линии обороны на их участке не было. В обязанности дозорных входило вовремя заметить противника, сообщить о том по телефону или, открыв огонь, вызвать подкрепление. Правда, на этом рубеже до столкновений пока не доходило. Будучи обнаруженными, боевики сразу же отходили в зелёнку, не желая принимать бой на открытом пространстве.

Вот-вот должно начать темнеть, и надо было спешить с чтением письма. Дроздов вздохнул и достал помявшийся в кармане конверт. Увидев его, Бедрицкий востепенно:

— Что, почта была?

— Да, вот письмо от матери получил.

— А мне... мне не было?

— Не знаю, Галеев вот сунул... больше ничего не сказал. Нет, наверное, он же знает, что ты со мной в наряде.

— Что они там, суки, вола за хер тянут?! Обещали же!.. Тут каждую минуту под смертью, а они там... сволочи...

Бедрицкий, как и Дроздов, рос без отца. Но у матери, универмаговской продавщицы, по его словам, всегда были хахали и нынешний, со связями, обещал по-мочь.

Дроздов разорвал конверт и вынул пачку сложенных вдвое тетрадных листов, исписанных знакомым округлым почерком.

2.

“Толенька, сынок, здравствуй. Наконец-то дождалась от тебя письма. Пиши как можно чаще, что бы ни случилось. Господи, ты всё-таки попал в это пекло! За что такое наказание? И без того я всей жизнью наказана, тебе-то за что? Видно, весь род наш невезучий. Прадеда твоего кулачили, а тех, кто богаче его, не трогали. Деда на войну с язвой забрали, а его друзьям здоровым бронь сделали: он в могиле давно, а те, многие, и по сей день живы-здоровы.

Прости, сынок, понесло меня, но не стану зачёркивать, рвать и новый лист начинать. Боюсь, остановлюсь и потом уже не смогу написать всё, что хочу, духу не хватит. Ты прости меня, Толя, что не сумела тебя от войны этой проклятой уберечь. Клянусь себя за дурацкую стеснительность мою. Господи, ведь у матери на первом месте должно быть её дитя, а всё остальное ерунда, чушь, мишура! Ведь знала я, что новая война с чеченцами неизбежна, но надеялась — это произойдет нескоро, и ты успеешь отслужить. Забыла, что мы все невезучие...”

Начался обстрел. Работал “Град” с вершин горы. Воюющие искрящиеся снаряды пронеслись над головой и отзывались эхом разрывов где-то на том краю зелёнки. Продолжавшийся минут пятнадцать обстрел прекратился так же внезапно, как и начался: видимо, корректировщики сообщили, что “духи” покинули обстреливаемый квадрат. Тут же над вершинами гор проплыли несколько

вертушек, туда, куда только что летели снаряды.

Содержание письма пока что соответствовало ожиданиям. Дроздов с некоторым усилием вновь заставил себя читать — до конца послания было ещё далеко.

«... Могла, могла я тебя, сынок, избавить от призыва, наскрести, занять деньги, к отцу твоему, наконец, обратиться, сунуть кому надо, чтобы не трогали. Многие ведь так поступали. Прости, прости меня, дуру, с принципами моими, будь они прокляты! Тебе, конечно, мои причитания не помогут, но я хочу хоть отчасти искупить свою вину перед тобой. Сейчас, конечно, всё от тебя зависит».

Толя, сыночек, сделай всё, что в твоих силах, но останься жив, вернись оттуда. Прости за всё, за то, что рос без отца, детства нормального, даже образования я не сумела тебе дать, прости. Но сейчас надо думать о том, как тебе выжить, и для этого я хочу поделиться своим опытом. Не знаю, поможет ли это тебе, но сейчас это всё, что я могу для тебя сделать...»

— Что мать-то пишет?— спросил Бедрицкий, пытаясь сосредоточиться на мытье посуды.

— Да так, переживает, — не отрываясь от письма, ответил Дроздов.

— А моя не переживает... Я уж сколько писем отправил, а она на три моих одним отвечает. Некогда. Хахалей своих ублажает. Сорок пять бабе уже, а всё никак не нагуляется. Плевать ей, что меня тут каждый день угробить могут.

— Не может мать так к сыну относиться, — оторвался от чтения Дроздов.

— Ты мою не знаешь. Я ей и на хрен не нужен. Она мне сколько раз говорила, что я ей всю жизнь поломал: из-за меня, мол, её замуж никто не взял.

— Всё равно не может!— убеждённо повторил Дроздов. Он встал и, осторожно выглянув из-за бруствера, убедился, что всё вокруг спокойно, хотя и без того засветло активности от «духов» ожидать не приходилось. Он сполз назад в окоп и возобновил чтение.

«... Прошу тебя отнестись к тому, что расскажу дальше, серьёзно, это может тебе пригодиться. Ты ведь знаешь, что я училась в Краснодаре, в пединституте. Там работала старшая знакомая твоей бабушки, она и помогла мне поступить. Но что и меня вместе с несколькими другими выпускницами по распределению направили в Чечню, тогда это была Чечено-Ингушская АССР, я никому никогда не рассказывала. Слухи про тамошние ужасы уже и тогда ходили, но они были настолько невероятны, особенно для меня, приехавшей из центральной России, что я бы в них никогда не поверила, если бы сама не убедилась во всем».

В то время отказаться от распределения было почти преступлением, и мы поехали в райцентр, не хочу даже называть какой. Там везде, где большинство населения составляли чеченцы и ингуши, творилось одно и то же. Власть же посылала нас, молодых девчонок, туда так же, как в обычный русский город или село.

Я сбежала буквально через несколько дней после приезда, не успев даже выйти на работу. Потом имела массу неприятностей, даже грозили лишить диплома. Но позднее я поняла, какая это все ерунда по сравнению с тем, что пережили мои подруги, там оставшиеся. Их открыто оскорбляли днём, а ночью приходилось баррикадироваться в общежитии и выдерживать настоящую осаду, потому что к ним постоянно ломались местные джигиты. И всё равно насилий многим избежать не удалось. А потом женщины-чеченки плевали им в лицо в школе и на улице, а мальчишки, их же ученики, швыряли в них камнями. Жаловаться, писать куда-то их отговаривала местная администрация, просто запугивала, и они молчали. О своём позоре они молчат по сей день и никогда не признаются.

Тебе трудно в это поверить, и, наверное, ты не пони-

маешь, зачем я тебе об этом пишу. Потерпи, прочитай всё до конца. Только сразу хочу тебя предупредить, чтобы ты не воспринимал чеченцев поголовно как нацию преступников. Просто в чеченской глубинке всегда была такая норма поведения по отношению к русским. Примерно то же можно сказать и о других кавказских народах, но чеченцы везде и во всем стремились к лидерству. А в своих семьях эти ночные насильники вполне могли быть отзывчивыми, вежливыми детьми, заботливыми отцами, мужьями, братьями. Я тебе об этом пишу, чтобы ты, не знаящий Кавказа, понял, что из себя представляют люди, против которых тебя направила наша нынешняя власть, а я не смогла тебя уберечь...»

Звонок полевого телефона заставил Дроздова вздрогнуть. Он машинально поднял трубку:

— Слушаю, шестой.

— Это кто, Дроздов?— раздался в трубке сухой насмешливый голос.

— Так точно, товарищ прапорщик!

— Почему в четыре часа доклада не было?— Голос приобрёл угрожающий оттенок.

Дроздов бросил тревожный взгляд на свои простенькие часы, на которые не позарился ни один «дед». Стрелки показывали уже половину пятого.

— Извините, товарищ прапорщик, запамятовали.

— Я-то извиню, а «духи» как?.. У них тоже извинения попросишь? Смотреть в оба, есть разведанные, что этой ночью возможна вылазка диверсионной группы.

— Ясно, товарищ прапорщик!

— Что тебе ясно, мудака?! Проспите «духов», они вам бошки поотрывают и мамашам в посылках пошлют. Не спать! Если застукаю, не обижайтесь. Понял?

— Понял,— тихо ответил Дроздов. Перед ним нарисовалась картина: мать открывает посылку и...

— Взводный звонил? Что сказал?— Бедрицкий домысливал посуду.

— Чтобы не спали. Ночью «духи» полезут.

— А чёрт! Надо же именно в наше дежурство...

«... Я приехала домой, в Пензу. Потом познакомилась с твоим отцом. Он преподавал физкультуру в той школе, куда я решила устроиться. Он же вызвался со мной съездить за моими документами в Чечню... Я знаю, для тебя наш развод всегда был загадкой. Ведь ты не верил моим отговоркам о несовместимости характеров. Но разве могла я тебе объяснить, что тебя отца, а меня мужа лишил Кавказ...»

Это была группа подростков, четверо шестнадцатилетних шалопаев. Твой отец был сильным и крепким, в школе кроме уроков физкультуры вел секцию борьбы. Но в тот вечер и самбо ему не помогло: его просто сзади ударили камнем по голове, и он потерял сознание, а мне зажали рот, чтобы не кричала... Когда мы вернулись в Пензу, твой отец стал совсем другим. И вскоре предпочёл исправно платить алименты, чем жить с обесчещенной женой. Хоть он и объяснял свое решение угрызениями совести, тем, что не сумел меня защитить, но я-то все поняла.

Почему я тебе не рассказала всего этого раньше? Стеснялась, сынок, да и надеялась, что жизнь никогда не занесёт тебя в это проклятое место...»

Где-то справа, на противоположном фланге, вспыхнула перестрелка — сначала автоматная, потом подключились ДШК и гранатомёты. Дроздов, оторвавшись от чтения, увидел, что у Бедрицкого начался очередной «вечерний приступ»: наклонив голову и зажав уши, он дрожал мелкой дрожью.

«... У кавказских народов, у горских, в первую очередь, насилье над женщинами другой нации никогда не считалось преступлением. За насилие над соплеменницей по законам кровной мести положена смерть. В этом случае даже ухаживание, лёгкий флирт чреват самыми тяжёлыми последствиями. Потому джигиты и отговарива-

ются на нас — тех, за кого некому или не принято мстить. Это является одной из основ их менталитета, в то же время служившим для них щитом от советской уравниловки, национальной обезлички. Они и в советское время при равных условиях были зажиточнее нас, а сейчас легче воспринимают рыночную стихию. Из средневековья проще войти в капитализм, нежели вернуться из нашего социализма. Ни Российская империя, ни СССР, ни нынешняя Россия для них не являлись и не являются их страной, потому они всегда жили только для своих семей, родов, тейпов. Мы же горбатились на благо государства и заботу о самих себе перепоручали ему, надеясь, что оно нас не даст в обиду...»

Дроздов вновь прервал чтение. Для него, впервые окунувшегося в такие проблемы, многое было непонятно. Прочитанное напомнило случайно услышанный разговор капитана, командира их роты, с каким-то офицером-танкистом. Фраза танкиста сейчас ожила в памяти:

— Когда через Ингушетию проходили, такое желание было все эти их дворцы, “Ауди” и “Тойоты” гусеницами подавить... Суки, золото в Магадане тоннами воруют, жируют за наш счёт и над нами же потешаются...

И тут же мысли о золоте навеяли другое, весьма жуткое воспоминание о собственном разговоре с земляком, разведчиком Лунёвым:

— Видал, земляк. — Лунёв показывал пригорошно золотых коронок, вырванных порою вместе с зубами. Дроздов в ужасе попятился от контрактника, а тот, удовлетворённо хмыкнув, предложил: — Пойдем со мной, дело стоящее. Вон те развалины разберём, там наверхняка многих засыпало, а то мне одному тяжело. — Лунёв указывал на руины на месте больших частных кирпичных домов, по которым скорее всего отработали вертушки.

— Не-е... — мотал головой ещё не привыкший к цинизму войны Дроздов.

— Напрасно, земляк. Солдат на войне должен иметь законную добычу. Так было всегда, иначе зачем жизнь рисковать. Нам по контракту то ли заплатят, что обещали, то ли нет, а вам так точно ничего не дадут. Убьют — это ещё не самое страшное, а если, к примеру, калеккой останешься, кому тогда ты будешь нужен, а? Вот и раскидывай мозгами... Ты что, думаешь, я мародёр? Нет, дудки! Я своё беру, то, что они у наших отцов и дедов обманом отняли. У твоей бабки или матери зубы золотые?

— Не знаю... Нет, наверное... Откуда такие деньги взять?

— И у моих тоже, железо с напылением в лучшем случае. А здесь у каждой старухи и старика самое малое по полчелюсти из чистого золота. Секёшь? Откуда оно у них? Каким трудом найдито? По северам и БАМам они сроду не работали? Всё это обман да разбой!.. Они не мы. Это у нас урка ни отца, ни матери не помнит, а деньги пропьёт. А у них — награвит в России, а потом домой вернётся и всех родичей подарками завалит, дом построит, машину купит, зубы из золота отцу с матерью поставит и живёт, всеми уважаемый. Понял? Вот они, эти дома. — Лунёв вновь кивнул на развалины. — А в подвалах наверняка старики их прятались... У тебя мать училка? Значит, всю жизнь за гроши работала. Вот и представь, то, что ей недоплачивали, у этих вот осело... тут, рядом. Дембельнёшься, подарок ей сделаешь. Почему наши матери ничего не могут себе позволить, а эти за просто, в одной ведь стране живем?

“...Толя я тебе всё это объясняю, чтобы у тебя не возникло желания мстить. Упаси тебя Бог. Не теряй головы, сынок, ненависть — плохой советчик. У Клиинга в стихотворении “Бремя белых” есть такие строки: “Ты светоч зажжёшь ума, чтобы в ответ услышать: нам милее египетская тьма”. Это он писал о колонизаторской деятельности англичан в Индии. Англичане в конце концов уяснили тщетность своих усилий и ушли. Увы, наши правители до сих пор не могут понять, что мы существуем в

разных эпохах. Даже одетые в европейские костюмы и за рулём иномарок, подавляющее большинство горцев душой в средневековье, в “египетской тьме”. И не надо навязывать им другой образ жизни, они отвечают на это по-своему, по-средневековому. Заплатить за “зажжение светоча ума” уже довелось мне, а сейчас приходится тебе и таким, как мы, тем невольникам, что сидят в их зинданах.

Толя, ты у меня на свете один-единственный. Я не хочу, чтобы Кавказ лишил меня сына. Не будет тебя, я не смогу жить. Сынок, сделай всё, что можешь и не можешь, но останься жив, хоть как, но останься.

Толенька, будь осторожен, на рожон не лезь, старайся держаться подальше от опасности, лучше где-нибудь в тылу. Хоть не вызывайся никуда добровольцем. Надеюсь, то, что я тебе разъясняла, удержит тебя от необдуманных поступков. Помни: они все нас ненавидят, даже если это и вполне благообразные внешне люди. Не верь им, им их “египетская тьма” всегда милее нашей, российской. Ненависть к нам наследуется ими из поколения в поколение, независимо от них самих. Просто между нами скопилось море крови и взаимных унижений. По-хорошему, мы не должны жить в одном государстве, но до осознания этого в нашем обществе ещё очень далеко. Да, обрусели, притёрлись к нам многие нерусские народы. А на равных мы не сможем сосуществовать, всегда будем друг друга унижать, мы — на государственном уровне, а они нас — на бытовом.

Я хорошо знаю их систему воспитания: жалость там всегда считалась признаком трусости, слабости, поверь мне, сынок. Остерегайся любого из них, даже женщины, старика, ребёнка — они все могут тебя убить. Будь внимателен и зорок, случись что, окажешься в бою — лучше выстрели первым, но останься жив и вернись! Я тебя не призываю мстить, я хочу, чтобы ты остался жив.

Толя, как получишь письмо, сразу напиши ответ, мне необходимо знать, что ты его получил. И ещё, обязательно сожги письмо.

Твоя мама”.

3.

Дроздов нащупал в кармане бушлата зажигалку, высек огонь и поджёг листья. Они полыхнули неожиданно сильно, едва не опалив пальцы. Он бросил бумажно-огненный клубок и смотрел, как тот догорал, свиваясь в чёрный кокон.

День сменили кратковременные сумерки. Впрочем, и в полумраке Дроздов видел хорошо, много лучше, чем любой другой человек с обычным зрением, — его зрение было уникальным. Именно из-за зрения его прямо из военкомата направили в снайперскую учебку. Но там же вскоре выяснился и его несовместимый со снайперской деятельностью недостаток — он не мог плавно нажимать на спусковой крючок, что-то в нервной системе не позволяло. Курок он рвал и, несмотря на отличное видение мишени даже в относительной темноте, его пули всегда ложились выше или ниже “десятки”. В яблоко он попадал только тогда, когда долго целился. Отчислensä из учебки, ему объяснили: у снайпера в бою такой роскоши, как целиться не спеша, никогда не бывает.

Дроздов выглянул за бруствер и стал смотреть в сторону зелёнки, кустов у подножия горы, откуда обычно появлялась разведка “духов”.

— Ты что, дырку в башке хочешь получить?! — со дна окопа крикнул своим лягающим голосом Бедрицкий.

— Слушай, а ты не хочешь прямо сейчас сделать ноги отсюда? — задумчиво глядя в прежнее направлении, спросил Дроздов.

— Это как?.. Зачем? — Голос Бедрицкого перестал

лязгать и выражал крайнее удивление.

— Затем, что надоел ты мне,— спокойно ответил Дроздов и сполз в окоп.

— И куда же ты мне... предлагаешь идти? — Бедрицкий расспрашивал уже с тревогой.

— Да хотя бы в расположение... в палатку... спать.

— Ты чё? Меня же там как дезертира... а "деды", так точно отмудохают... Если бы ранение какое лёгкое, в руку или плечо, так, чтобы только кость не зацепить... касательное...

— Давай... я тебя раню, куда хочешь?! — с жутковатой весёлостью предложил Дроздов и, схватив лежавший в специальной нише автомат, клацнул затвором. — Ну, куда?.. В руку, в ногу? А может, в жопу или в глаз? Наверняка комиссуют... подчистую!

— Ты чё? У тебя крыша, да? Ведь не попадёшь, как надо... А если искалечишь? — Бедрицкий в ужасе отполз подальше.

Дроздов мрачно рассмеялся и положил автомат.

— Ладно, не ссы, трясушка твоя опротивела. Сколько можно дристать?.. Слышишь, успокойся, пошутил я.

— Не-е... такие шутки не по мне! Тебе что, мать что-то нехорошее написала? Ты после письма какой-то другой стал... Не-е... я так и скажу там, что ты рехнулся, с катушек сошёл. — Бедрицкий задом, почти на четвереньках стал пятиться к ходу сообщения, потом резко развернулся и в полусогнутом состоянии, по-обезьяньи кинулся было бежать, но его в последний момент задержал ироничный голос Дроздова:

— Автомат свой и манатки хоть забери... а то точно отмудохают!

Бедрицкий вернулся, сгреб в охапку автомат, бронжилет, подсумок, вещмешок и вновь метнулся прочь: ему казалось, что у него появилась веская причина покинуть передовую.

Темнело быстро. Минут через пятнадцать зазвонил телефон.

— Дроздов?! С тобой всё в порядке?

— Так точно, товарищ прапорщик! За время дежурства происшествий не случилось,— нарочито чётко, изображая служебное рвение, доложил Дроздов.

— Как это не случилось?.. Ты там что устроил?! Зачем напарника напугал? Он и без того придурок! — орал в трубку взводный.

— А какая разница, что с ним, что без него? — уже резко отвечал Дроздов. — Всё равно с него толку нет, забьётся в угол и всю ночь напролёт скулит да трясётся, сил уже нет терпеть. Дайте кого другого. Сегодня же "духи" должны полезть, а с него какой помощник?!

— Чего ж ты с утра-то молчал, мудака?! Где я тебе теперь на ночь глядя замену найду?! ... Ну уроды!.. Один торчать будешь!

— Лучше уж одному,— ответил Дроздов, отлично осознавая, что одного его не оставят, взводный расшибётся, но пришлёт замену.

Замены ждать пришлось ещё минут двадцать. К этому времени стало уже совсем темно, и с севера основательно потянул сырой противный ветерок. Новый напарник продвигался по ходу сообщения необычно осторожно, медленно: он нёс Дроздову ужин. Это был Галеев, оказавшийся на переднем крае в тёмное время суток впервые.

— Эй, Толян, слышь?! Это я, Галеев, рубон тебе принёс!

Дроздов как-то напрочь забыл об ужине, хоть чувство голода давно уже стало его постоянным спутником.

Повесив автомат на шею, кажущийся и без того квадратным, а тут еще и в бронжилете, Галеев пробирался по ходу сообщения. В одной руке он держал котелок, а в другой вещмешок. Он двигался на ощупь, задевая стенки траншеи неловко висящим на ремне оттопыренным штык-ножом.

— Тебя, что ли, назначили ко мне? — Дроздов с досадой сплунул. — Что, больше некого было?

— А кого? Второе отделение снаряды разгружать увезли. Всю ночь там вкалывать будут. У Кузьменко температура тридцать восемь, у Венки чирьи, шею повернуть не может, а у меня, как специально, с замполитом конфликт... Уфф!.. Пока шёл, раз пять чуть не долбанулся... Кого же сюда добром загонишь, дураков нет, — вздохнул Галеев.

— А ты что же, дурак, значит? — Дроздов наскоро споласкивал ложку, втягивая ноздрями исходящий из котелка запах варёной гречки.

— Значит, дурак... Не один же ты такой. Все мы дураки тут, умные от армии отмазались.

— Тебя замполит прогнал, что ли? — Главного полкового воспитателя все звали по-прежнему, по-советски, замполитом. Дроздов спросил с ехидством, приступая к еде.

— Да шел бы он... — Галеев не знал, что делать с бронжилетом, снимать или нет. Впервые оказавшись в дозоре, он опасался остаться без "панциря", в то же время в нём было без привычки неудобно и тяжело. Рассмотрев лежачий в нише бронжилет Дроздова, он всё же решился и стал рассупониваться. — Разозлился он на меня, специально наказал... Я ему цифровую фотокамеру об камень шарахнул, дорожку, трофейную. Часа два орал, грозил в окопах сгноить... Ну и чёрт с ним, лучше уж здесь, чем бобиком у него. Тоже мне, ваше благородие, денщика из меня сделал... Подумаешь, камеру разбил, будто он деньги за неё платил. — Чувствовалось, что Галеев хоть и хорохорится, но сильно жалеет о потере "тёплого места". — Слышь, Толян, ты мне покажь, что и как. Ну это... как стрелять, куда стрелять.

— Ты что же, и стрелять совсем не умеешь? — изумился Дроздов, не донеся ложку до рта.

— Совсем не совсем... Один раз перед присягой стрелял... Ещё во Владикавказе, а больше не довелось. Я ведь в клубе всё время сидел, плакаты, стенгазеты, фотки делал, писал да рисовал.

— Ну ты даёшь, вояка! — Дроздов облизал ложку. — Обожди, чай допью.

Стали пускать осветительные ракеты.

— Ну наконец-то, давно пора, — с облегчением отреагировал Дроздов, зажмурившись от повисшего в высоте кратковременного "ночника". — Вот смотри, присоединяешь магазин... передёргиваешь затвор... планку ставишь на автоматический огонь или на одиночный... снимаешь с предохранителя... Понял?

— Понял. Ты мне покажи, как целиться.

— Нечего тебе целиться, всё равно не попадёшь. Меня вон в учебке три месяца гоняли, и то как следует не научили, а ты хочешь со второго раза, да ещё ночью в "духа" попасть. Это если он к тебе метров на десять подойдёт, тогда, может, и влепишь, а так... Твоя задача сейчас... — Дроздов вдруг задумался и, словно на что-то решившись, хлопнул Галеева по плечу. — А задача твоя следующая. Я буду "духов" высматривать, я и в темноте, как кошка, вижу, а ты на стрёме, понял? Если, не дай Бог, сегодня полезут, ты по моей команде бежишь со страшной силой по траншее, вон туда. Там поворот и тоже бруствер насыпан — это запасная позиция. Сейчас ракета будет, я тебе покажу.

— Ага, — с готовностью, даже с каким-то детским азартом смотрел на Дроздова разжалованный клубный работорник, воспринимавший пока ещё всё как игру.

— Как только я дам короткую очередь, ты выставляешь автомат за насыпь и начинаешь палить короткими очередями, трассирующими... Вот, я тебе магазин с трассирующими пристегну... Помни: короткими, нажал на спуск, сосчитал раз-два и отпуская, а то у тебя патроны быстро кончатся. Три-четыре очереди дал и смывайся. Метров на десять-пятнадцать отбежал и снова три-четыре очереди. Голову из траншеи не высывай, толь-

ко автомат. Потом ещё отбегаешь и по новой три-четыре очереди. Потом назад. Понял?

— Понял, а куда стрелять-то?

— Ну ты что, совсем тупой? Туда. — Дроздов махнул рукой в сторону зелёнки.

— Понятно. А зачем всё это? Я ведь так ни в кого не попадаю, только запарюсь бегавши.

— Так нужно. Ты не бойся, опасности для тебя никакой, главное, морду не высовывай. Над тобой пули свистеть будут, но ты не дрейфь, в траншее ты в безопасности. Только ко мне ближе той насыпи не подходи.

— Понял. А долго так бегать?

— Пока тревожная группа не прибудет. Минут десять. Ты рожки-то менять умеешь? Давай покажу...

4.

Дроздов заметил их сразу, как только они выползли из зелёнки. Их было двое, и они короткими перебежками продвигались от валуна к валуну, в промежутках между пусками ракет. Уже не первый раз на этом участке разведка “духов” появлялась вот так из кустов и, используя множество больших и малых камней, приближалась к выдвинутому вперёд посту федералов. До сих пор эти вылазки пресекались взаимно корректно: дозор их вовремя обнаруживал, следовал доклад по телефону, на КП сразу же завывала сирена, резко возрастала интенсивность пуска ракет, и на подмогу спешила тревожная группа. Впрочем, уже одной сирены или даже короткой очереди с поста было достаточно, чтобы “духи” сразу же усекали, что обнаружены и, повернув назад, проворно исчезали в зелёнке.

Сейчас Дроздов не доложил, и те двое продолжали перебегать, поднимаясь вверх по склону, всё дальше отдаляясь от линии кустов. Метров за сто до поста склон становился почти голым — Дроздов сотоварищи два дня под прикрытием “пропалывали” этот участок. Лишь несколько каменных бугров, глубоко засевавших в почве, сиротливо торчали здесь.

“Духи” долго не решались выйти на эту площадку, видимо, надеясь, что их всё-таки заметят с поста, поднимут тревогу и у них появится моральное право вернуться в спасительную зелёнку. Но Дроздов на этот раз решил не давать им такого права, и они вынуждены были, подавив дрожь и сомнения, идти дальше, туда, откуда вернуться уже было не так просто. Вернуться без веской причины им не позволяли кандалы легендарной кавказской гордости и неминуемое обвинение в трусости, самое унижительное для горца.

— Галей! Беги, куда я тебе говорил, только тихо... Не надо бронжилета, — шёпотом приказал Дроздов.

— А что, уже идут? — сдвленно осведомился Галеев. — Тогда надо позвонить.

— Я лучше знаю, что надо! Беги, и как услышишь мою очередь, начинай палить и бегать с места на место... Только не высовывайся и близко ко мне не подходи.

Галеев скрылся в траншее, а Дроздов до боли в глазах всматривался в серый полумрак. Вспыхнула ракета. Двое уже ступили, вернее, вползли на голую площадку. Сейчас при свете они лежали недвижимо, стараясь слиться камуфляжным обмундированием с почвой. Они выглядели неестественно крупными, широкими. Видимо, под камуфляжем скрывались длинные тяжёлые “советские” бронжилеты с титановыми пластинами, а не короткие лёгкие, щегольские импортные из кевлара, в которых “духи” любили позировать перед кинокамерами западных корреспондентов. “Значит, стрелять скорее всего придётся в голову”, — подумал Дроздов и сам удивился своему необычному спокойствию: казалось, что сейчас даже спусковой крючок он способен нажать плавно, без рывка.

Пара разделилась: один примостился с автоматом на изготовку за невыкорчеванным валуном — прикрывать, второй сделал бросок вперёд. Задача разведчиков была ясна: или незаметно подползти к окопу и, бросив гранату, сразу бежать назад, или, проникнув в окоп, перерезать дозорных и, захватив их оружие, вернуться к своим, гордо похваляясь трофеями, или, совсем уж джигитский поступок: зарезать одного и заминировать труп, а второго приволочь как языка. На большее такой маленькой группе рассчитывать не приходилось.

Очередная ракета. Двое застыли. Дроздов видел их, а они его нет — в бруствере было сделано хитрое маскирующее углубление, позволявшее оставаться незаметным снизу, со склона.

До ближайшего оставалось метров шестьдесят-семьдесят, до второго, что за валуном, восемьдесят-девять. Дроздов даже успел различить серое лицо ближнего, его предельное напряжение. Он был с бородой, не молодой и не старый, лет тридцати-тридцати пяти. “Матери тогда было двадцать восемь, тем пятнадцать-шестнадцать, сейчас ей сорок четыре, значит, этим должно быть тридцать один — тридцать два”.

Когда вновь вспыхнула ракета, ближний был уже метрах в пятидесяти. Со следующей позиции он мог бросить гранату — пора было начинать.

Дроздов стал целить в дальнего, что за валуном. Тот, видимо, чувствовал себя в полной безопасности: его вязаная шапочка слишком уж беспечно высовывалась из-за камня. Бездействие федералов явно усыпило его бдительность. К тому же оба знали, что мёрзнуть в дозоре у армейцев всегда назначают первоодков, и если они так долго их не обнаружили, то наверняка спят. Изнеженные сопляки, не способные убить, дрожащие от одного звука гортанного акцента, только и видят во сне своих грудастых и задастых коров-мамаш...

Короткая очередь гулким эхом прорезала ночь и пошла гулять отзвуками по распадку. Только что торчащая над валуном шапочка неестественно дёрнулась и пропала. Это было попадание в десятку. Видимо, тот нерв, что не дал возможности Дроздову окончить снайперскую школу, наконец успокоился и уже не мешал плавно спускать курок. Он целился недолго — ракета всё ещё горела. Ближний бородач распалстался лицом вниз, стараясь втиснуться в каменистый склон. Ему некуда было деться, его уже никто не прикрывал, а бежать назад к камням выходило далековато.

Дроздов же ждал, что “дух” побежит всё-таки назад, покажет спину, наклонится... и тогда появится возможность всадить очередь снизу, под бронжилет...

Ракета погасла, Галеев очнулся и начал поливать из своего укрытия в небо трассерами. “Духи” тут же стали отвечать из зелёнки — оказывается, их было там много, а эти двое всего лишь нечто вроде авангарда диверсионной группы. В свою очередь Галеев, бегая с места на место, создавал впечатление, что в траншее засело не меньше отделения. Сосредоточив весь огонь на изображавшем “море огня” клубном работнике, отряд в зелёнке лишил последнего прикрытия своего лежащего перед окопом товарища. Дроздов спокойно дожидался “света”, не обращая внимания на надрывавшийся от звонков телефон. Он и так хорошо видел цель, и если бы “дух” сделал хоть малейшее движение в любую сторону... Но “дух” лежал ничком как мёртвый — то ли оцепенел, а может, молился... Взлетело сразу несколько ракет, и стало светло как ярким днём. Сигнал тревоги в тылу сливался с беспорядочной стрельбой... Уже было слышно, как с бряцанием приближается тревожная группа, когда Дроздов выпустил длинную очередь, целясь в голову застывшего в ужасе чеченца...

О хороших поэтах не принято говорить в прошедшем времени, поскольку творчество их живет, волнует, заставляет задумываться над некогда произнесенным и непотускневшим словом. Вот и говоря о Геннадии Григорьевиче Касмынине, хочется заметить, что стихи его звучат остро современно, хотя поэта шесть лет как нет с нами.

Он родился в 1948 году в Саратовской области, в селе Казачка. Срочную служил во внутренних войсках. По окончании Литинститута работал в издательстве "Современник", журнале "Наш современник". При жизни издал семь поэтических сборников. Его лирика переведена на болгарский и венгерский языки.

“ОСТАТЬСЯ В ЭТОЙ ЖИЗНИ...”

Жизнь уходит в неглавные
вещи,
Превращается в пыль и песок,
И уже туповато-зловеще
Повествует о сроках висок.

Настает, приближается, длится
Отрицание прожитых дней:
Тронешь ветку —
повалятся лица
На венозные жилы корней.

А картины? А мысли?
А книги?
А заводы? Мосты? Корабли?
Это все — на скелете вериги,
Упаковка обычной земли.

Успокойся, не думай про это,
Помолись и унынье развей,
Человек, прибавляющий света
Керосиновой лампой своей.

Гляжу с горы на ледоход
И слушаю грачиный гам.
На льдине валенок плывет

Куда-то к новым берегам.
Через неделю вновь с горы —
Поскольку место это что —
Гляжу на игры детворы
В чижа, и зоску, и лапту.

Ползла зелень все быстрее,
И все нежней рука в руке,
А вот и первый соловей
Забулькал в майском лозняке.

О дни весны, о вечера!
Живее взгляд и голос мой!
Но был моложе я вчера,
Еще моложе был зимой.

Сирень цветет, цветет, цветет,
Душа щемит, щемит, щемит,
И жизнь идет, идет, идет,
И лес шумит, шумит, шумит...

Воркотня голубей
под ногами старушки,
С православными птицами
делящей крошки,
И напрасные поиски
брежневской двушки,
Нужно срочно звонить,
я бегу по дорожке.

Телефонные будки
болтливыми заняты,
И троллейбус сорвался
нечаянно с провода, —
Как торопишься к женщине,
это вы знаете,
Без надежды, по глупости,
да и без повода.

И торопишься странствовать
без возвращения,
Уезжаешь и бедствуешь,
но без проклятия,
И потом наступает пора
укрощения,
И поставят тебя на колени
объятия.

И придется учиться
ходжению заново
И отращивать крылья,
сожженные женщиной...
Это путь по земле недотепы
незваного,
Не из ваших кругов
мужика-деревенщины.

Так и знайте, залетные
лебеди-хахали,
Прощельги и щеголи,
гоголи-моголи,
Что над прахом моим

ваши женщины плакали
И дорогу мою
поцелуями трогали...

КРАСИВЫЕ ЛЮДИ

Красивые люди прошли...
Неужели?

Чему удивляться,
прошли и прошли.
И жили беднее, не досыта ели
И все же лазоревым цветом
цвели.

Нежданная буря ударила с неба,
Распалась на части
единая твердь,
И зрячий глядит
вызывающе-слепо
И жизнью зовет поражение
и смерть.

Так это же мы, некрасивые люди,
Пророки исхода, скулящие псы,
Менялы в любви
и святоши во блюде,
Не в сторону вечности
крутим часы.

Красивые люди
прошли стороною,
И все еще мимо идут, и пока
Идут и идут,
как идут надо мною
В аркадах из радуг
в грозе облака.

Новый гвоздь из доски легко
Вынимается... Ну а ржавый
Врос в сосновое молоко,
Сросся с деревом и державой.

Клещи времени, пьяный гость
Лезут в душу, ломают стены, —
Упирается старый гвоздь,
Ненавидящий перемены.

Пусть останется, как вопрос,
Тайна выбора в человеке...

Где он вырос, зачем он рос
И куда он забит навеки.

РУССКИЙ НАРОД

Жует и бороду лохматит,
И собирает крошки в рот, —
Еще живет...

— А может, хватит?
Ведь тыщи лет тебе, народ.
Поди, устал, пора на печку
Иль пряником в уютный гроб.
Венок оплатим, купим свечку,
Попов заставим, пели чтоб.
Не сомневайся, честь по чести
Зароем в землю — прикажи!

Живет. И ластится к невесте.
И подновляет этажи.
Не собирается в могилу,
Еще не старый он казак.
И копит, копит, копит силу
И молодеет на глазах.

Ты погляди, какие лица
Сияют славой, просто шик!
На тыщи лет, как говорится,
Еще нас хватит, гробовщик...

КАЛИТА

Иван Калита содрогнулся,
Когда поглядел из дали
На нашего главного гнуса,
На трату казны и земли.
И Грозный возгневался:
“Воры!”

И Петр за дубинку —
и в глаз!
Чтоб тут же пресечь
разговоры,
Как лучше обманывать нас.

Держава закроет границы
И татей возьмет под замок,
Орел принесет для орлицы,
Для Родины время и срок,
Когда воссияют над стягом
И наши с тобой имена...
Ну с Богом! Хотя бы и шагом
Из ямы, из грязи, со dna.

Садится в глубине лесов заря,
Топорщится по молодости
озимь,
И пушкинской строке
благодаря
Свое дворянство
не роняет осень.

Чахоточная дева, ты опять
Бежишь в лавчонку
покупать румяна,
Светает в восемь,
а темнеет в пять,
Все вовремя:
не поздно и не рано.

И если ты растеряна,
смирись,
Роняй листву и думай, дорогая:
В другом краю уже светлеет
высь,
Там жизнь начнется заново —
другая.

И срок настал переходить туда
И слушать по болезненной
привычке,
Как ночь идет, уходят поезда
И от платформ отходят
электрички.

И я с тобою слышу этот вой
И тонушие, стонушие звуки
Над рельсовой
двойною тетивой,
Над встречей нашей
в нежности разлуки.

Не пройден час,
не завершился весь,
Еще живут в листве опавшей
слизни,
И хочется пожить подольше
здесь.

Здесь умереть,
Остаться в этой жизни...

Публикация
С.Ф. КАСМИНИНОЙ

Ирина ДЕГТЯРЕВА

Ирина ДЕГТЯРЕВА — недавняя выпускница Литературного института им. А.М. Горького, член Союза писателей России. Стремление писать на правоохранительную тематику несколько лет назад привело ее в наш журнал, где и состоялся ее дебют. Затем мы неоднократно публиковали ее рассказы и небольшие повести о чеченской войне. Ныне она специальный корреспондент литературно-художественного журнала МВД России "Жеглов, Шарапов и Ко".

Иван пригнулся, выбежал из подвала. Выстрелил из подствольника и влетел обратно.

Федор стрелял из подвального окна. После нескольких очередей он откатился к другому окну.

— Точнехонько легла. — Глаза у Ивана поблескивали на чумазом скуластом лице. Он готовился опять выскочить во двор. — Это песня! Слышь, Круглый?

Меняя магазин, Федор прижался спиной к простенку между окон.

— Хрен им! — сплюнул Федор, и его автомат застучал сухо и гулко в каменном подвале. — Где наши-то, мать их?!

Гильзы с металлическим стуком отлетали и щелкали по кирпичной крошке, усеявшей пол. Федор стрелял одиночными выстрелами — патронов оставалось уже немного.

Несколько минут назад с двух сторон по их БТРу ударили три огненных шара. Одна граната скользнула по касательной, а от двух других тяжелый бэтр подскочил, как мячик.

Экипаж высыпался из люков. Пули летели, казалось, отовсюду, и нельзя было укрыться за броней.

Федор видел "Урал", который шел впереди. Теперь, развороченный взрывом, он горел. Бойцы уползали кто куда.

— Мы в "елочку" попали, — крикнул в рацию Федор. — У нас "трехсотые".

Он не успел больше ничего сказать — в рацию ударила пуля, зацепило плечо.

Федор схватил за шкуру раненого Семена и толкнул в подвал. Сзади буквально ему на голову впрыгнул Иван.

— Там Соловья зажало! — крикнул он. — Под бэтром лежит. Глаза, как чашки. Круглый, прикрой, я его выведу.

Федор переместился к двери. Сменил магазин, не замечая на левой руке кровавый след, смешанный с грязью.

Соловей — рыжий, веснушчатый, долговязый, бледные кисти рук нелепо торчат из рукавов камуфляжа. Когда Иван попытался выдернуть его из под БТРа, он уперся и ударил того прикладом по лицу.

Иван, хоть и тощий, но сильный, затащил Соловья в подвал и врезал ему под зад.

— Придурок! — беззлобно бросил он. — Круглый, слышишь?

Федор и сам уже насторожился. Доставал сигареты из пачки. Но они все были поломаны, он отбрасывал одну за другой.

— Наши едут. "Духи" по ним лупят. Мужики, стреляем! Надо отвлечь.

Выстрелы звучали реже и суше. Из пелены начавшегося дождя выплыл БТР.

Федор сидел на табурете посреди комнаты и уважительно рассматривал автомат. Во время боя в АК попало две пули, но из него можно было стрелять хоть сейчас.

Иван умывался. Тер шею и морщился, когда вода попадала на разбитое плечо.

— Федь, ты мыться будешь? Чего застыл?

— Отвали, Вань. — Федор еще раз взглянул на автомат.

— Докторша новая приехала.

— Докторша? Я же мужика просил прислать!

— Наши, кто у нее был, говорят, что она такая кралячка. Пойдем и мы с тобой поглядим? У меня вон ссадина на плече, а у тебя кровь на руке.

— У меня дома мать и брат-балбес. Вот оставил его на материной шее, а она с ним не справляется... У меня за них душа болит, а ты все о глупостях.

— И чего ты так за Сережку переживаешь? Нормальный пацан. Упрямый! Так есть в кого. Ты сам-то что — подарок?

— Ты бы с ним пожил, — горько вздохнул Федор. — Нормальный! На него слова вообще не действуют. Начнешь ругать, он в стену уставится и молчит как суч... Поздний ребенок. Мать его, конечно, избаловала. Сереженьке то, Сереженьке это... А теперь растет паршивец!

Иван пытался причесать короткий ежик. Но влажные волосы топорщились. Заглядывая в осколок зеркала, он подмигивал себе и улыбался.

— Ха-рош, — наконец задумчиво и самодовольно протянул он. — А ты перевоспитывай его, Федь.

— Ага, — мрачно откликнулся тот. — Только я за ремень, мать в крик. Не дает.

— Да разве я про ремень? Веди его к нам в отряд, в нашу группу. Мальчишки это любят — оружие, полоса препятствий, форма, дисциплина. Он и дома шелковым станет.

— Пусти козла в огород! Ты собирался к медичке, ну и валя. Не трави душу.

— Сам же первый про Серегу заговорил.

Иван вернулся подозрительно быстро. Бочком вошел, нервно одернул камуфляж, подтянул штаны. Федор все еще сидел, не выпуская из рук автомат. На Ивана глянул насмешливо.

— Ну как?

— Что?

— Врачи как?

— Дура! — проворчал Иван обиженно. — У меня ссадина ерундовая, а она укол какой-то вмазала.

— Ты небось подкатывался?

— Еще чего! Она, конечно, глазки строила, но я — ноль внимания.

— Да все они!.. И эта вот... Работала бы в частной клинике, зачем на войну-то поперлась?

— Понятное дело, — лукаво улыбнулся Иван, потирая место укола. — Только с такими мыслями ты никогда не женишься.

— Сыт по горло! Ты что думаешь?.. Я ведь был женат...

— Где здесь Круглов?

Федор вздрогнул и обернулся.

В дверях стояла их новая докторша.

— Вы Круглов? Мне сказали, что вы ранены. — Из-под зеленой медицинской шапочки на Федора смотрели сердитые девчоночьи глаза, в уголке рта торчала тлеющая сигарета. — Почему я должна за вами бегать? Что за детский сад!

— Да пустяки, — начал было Федор, но она тут же его перебила.

— Идите за мной! — И не слушая возражений, скрылась за шторой.

Иван приснул. Федор независимо пожал плечами, но подчинился.

— Почему вы такой чумазый? — Первый же вопрос обескуражил Круглова. — Вы же командир.

— Чего?! Да я... Я здесь, между прочим, не прохлаждаюсь, а воюю. Только из боя!

— Ваш заместитель тоже из боя, но уже умылся. — Она устало махнула рукой. — Разденьтесь по пояс. Вон там таз с теплой водой.

У Федора побагровела шея, а потом запылали щеки.

— Была бы ты мужчиной, — пробормотал он.

— Драться бы полезли? — улыбнулась она. — Ради Бога. Драться я умею, только на "ты" мы не переходили. Можете называть меня майор Степанова.

Федор покраснел еще сильнее. Смущаясь, стягивал потный, серый от пыли камуфляж.

— Смотри ты — майор!... Ишь, как зыркает... Сколько же ей лет? Выглядит совсем пацанкой. А помыться и правда не мешало бы. Ну да ладно. Пусть привыкает к нормальным, ненакрахмаленным мужикам. Тут, в конце концов, война".

От теплой воды он уже отвык. К тому же в белом эмалированном тазу она стала такого неприлично бурого цвета, что он не знал, куда с этим тазом деться.

— Оставьте. Я потом вылью. Садитесь на кушетку.

Она встала рядом, стала ощупывать руку чуть выше локтя.

Федор замычал.

— У вас сквозное ранение, а вы еще не хотели мне показываться.

Когда она в очередной раз склонилась над его плечом, Федор вдруг почувствовал горьковатый запах полевой ромашки — такой сильный, какой бывает, если растереть пальцами желтую сердцевинку цветка. И ему вспомнились опушка летнего леса, пятна теней на траве, редкие головки ромашек. Пруд, окруженный осокой, и круги на воде от играющей рыбы. И худая спина Сережки: клетчатая рубашка провисает между острых лопаток, и в такт ходьбы покачивается тонкая бамбуковая удочка...

— Круглов, Круглов! Да придите же в себя!

Федор приоткрыл глаза. Он лежал поперек кушетки.

— Голова кружится? — Она настырно оттягивала веки Федора и озабоченно заглядывала ему в глаза.

— Немного.

— Не тошнит?

— Да вроде нет. Есть хочется.

— У вас контузия.

— Кто бы сомневался! — Федор, как ни в чем не бывало, спокойно сел. — Если бы не "бестолковка", я бы перед тобой... вами вообще не сидел.

— Бестолковка?

— Приехала на войну, а простых вещей не знаешь. — Федор нашел возможность ее подколоть и даже улыбнулся.

— Если вы имеете в виду "сферу", за пять своих командировок я столько ее разных названий слышала, даже матерных, что словарь синонимов издавать впору. И почему вы мне все время "тыкаете"?

— Извини...те. Я по привычке. У нас с ребятами в этом смысле просто. — Федор пытался не думать о том, что снова неудержимо краснеет.

— Почему вы про контузию не сказали? — Она отвернулась к маленькому столику с инструментами.

— А чего говорить?! Раз бэтр подорвался, значит, всех трянуло.

Степанова обернулась, и оказалось, что у нее в руке шприц.

— Спустите штаны.

— Это еще зачем? — Федору стало вдруг жарко. — Ни к чему! — Он потянулся за своей курткой.

— Уж позвольте мне тут решать. Что вы, товарищ майор, ведете себя, как ребенок! За здоровье вашей группы я несу ответственность. Спускайте штаны, коль вам говорят!

Забравшись с ногами на койку Федора, Иван шелестел какими-то исписанными листочками. Он не сразу заметил вошедшего.

— Федь, я беру свои слова обратно. Майор Леночка

— золото! Ты представляешь, ехала к нам одна, узнала, кто из отряда сейчас в командировке, связалась с нашими родственниками, кто в Москве и Подмосковье, и захватила посылки и письма.

— Ну и что?

— Тебе тоже. Вон пакет лежит, — пожал плечами Иван и отгородился письмом. — Зачем в бутылку лезть? Неплохо бы ее пригласить на чай.

— Нет уж! У меня и без нее голова раскалывается. Ты отправил раненых?

— Давно.

— Кузнецов “тяжелый”?

— Док сказала, что терпимо.

— Кто у нас дежурит сегодня? Ермилов?

— Угу. Ты почему такой вялый?

— Устал. — Федор забрался в спальник.

...Вместо двери висела штора, поэтому Лена постучала по стене, прежде чем войти.

— Федор Андреевич, я к вам.

Федор лежал, отвернувшись к стене, и пробормотал сквозь сон:

— Все вопросы завтра. У меня тихий час.

— Никаких вопросов. Просто вылезайте из мешка, я сделаю вам укол и можете спать дальше.

— Какой еще укол? Вы что, на погибель мою приехали? — Федор забыл, что в спальнике, попытался вскочить, но только изогнулся, как гусеница.

— Меня беспокоит ваша контузия.

Она склонилась и расстегнула молнию.

— Иван Петрович, покиньте на минутку помещение, — попросила она.

— Зачем так официально? “Иван Петрович!..” — Иван подошел ближе. — Федор меня вовсе не стесняется. Да, Федь?

— А не пошел бы ты!

Иван исчез, а на Федора вдруг опять волной накатил ромашковая горечь. Укола он не почувствовал, не слышал, и как Лена вышла. Ему казалось, что он упал в воду и его тянет водоворотом на дно. Вода тяжелая, давит. И воздуха уже нет, и сил бороться тоже. Но вдруг вода куда-то исчезла, запахло совсем по-домашнему, смородиной. Это Иван заварил чай, чтобы угостить Лену. Чашку она взяла, улыбнулась:

— Спокойной ночи, Иван Петрович, — и захлопнула перед его носом дверь.

На тумбочке Иван отыскал тетрадные листки письма, положил их на грудь. От Светки.

...Тем декабрьским вечером Иван был под хмельком. Он ехал от Федора. Уже слез с заснеженной платформы. Ружье в чехле стучало по спине, оттягивал плечи рюкзак с соленьями, которыми его нагрнула Федина мать. Иван брел неторопливо к автобусной остановке, загребая ботинками снег. И все вокруг ласково расплывалось: и огни, и лица, и снег в черно-синем морозном воздухе. Снег кружил в маленьких водоворотах, словно кто-то быстро вращал белое веретено и ткал, ткал пуховые сугробы.

В таком благодушном настроении Иван подошел к остановке. Так и стоял он, расслабленный, улыбающийся, когда прямо перед ним затормозил автобус, скрипнул дверями, и со скользких ступеней вылетела она. Сшибла Ивана с ног. В рюкзаке хрустнули банки. Пока барахтались на снегу, автобус уехал.

Снежинки садились на круглую вязаную шапку и толстый шарф, несколько раз обмотанный вокруг ее шеи. На шнурках на плече висели коньки.

— Чего уставился? Отряхни меня! — потребовала она.

Иван машинально подчинился. Больше ничего не говоря, девчонка исчезла, будто ее закрутило снежным веретеном.

Еще несколько раз они столкнулись на этой остановке...

Светке исполнилось восемнадцать, и она пришла в однокомнатную Ивана с сумкой и чемоданом. Ее отец выпивал, а мать уже давно ушла к другому.

— Ты можешь не жениться, — разрешила она, укладывая свои вещи в шкаф. — Я все равно тебя люблю...

— Соловья ко мне! — гаркнул Федор.

Он еще не встал с кровати. Хмуро тер черную щетину на впалых щеках.

Соловей прошмыгнул внутрь.

— Ну, Соловей? Что будем с тобой делать? Ты мне скажи, чему тебя полгода обучали? Инструктора с тобой занимались. Чего нюни распустил, — Федор покачал головой. — Нету в тебе песни, Соловей, нету. Садись! — Федор придвинул к нему кружку чая. — Пей!

Соловей скосил глаза от кружки на командира.

— Магазин можно расстрелять за пять секунд. — Федор для наглядности растопырил короткие отечные пальцы. — Пять! А если жить хочешь, ставь на одиночный и не мельтеши... Все бежали, а ты под бэтр залез. На кой хрен?

— Я думал, броня...

— Ладно. Думать, видно, для тебя вредно. В следующий раз куда все побегут, туда и ты дуй во все лопатки. Если на бегу еще и стрелять будешь не по своим, мы с Петровичем скинемся и купим тебе орден ба-альшой-пребольшой. Иди, свободен... Петрович, ты мне скажи, откуда такие берутся?

— Федор, не гуди! Обычный пацан из деревни. — Иван играл с кошкой, вертел на полу лимонку. — Он за коровами убирать может, траву косить, картоху сажать, а потом рубать ее же, родимую, с огурчиком да под водочку... Ки-иса, киска. Зараза царапучая! — Иван отпихнул кошку и слизнул кровь с тонкой царапину на ладони. — Соловей на гитаре здорово бренчит, ребятам везет. Я с ним разговаривал, он про свое житье-бытье в деревне рассказывал. Братьев и сестер у него целый выводок, ему бы до дембеля дотянуть, а тут командир — злыдня.

— Что командир?! — Федор доставал бумаги, перебирал и укладывал в папку.

— Разносы устраивает. Соловей тебя боится как огня.

— Не такой я страшный. За него ведь, дуралея, беспокоюсь.

— А за тебя майор Леночка волнуется. Справлялась, как ты изволил поживать? Сама-то робеет зайти.

— Чего она вдруг оробела? Вроде бойкая бабенка. Как думаешь, сколько ей лет?

— Около тридцати пяти. — Иван вышвырнул кошку в коридор.

— Выглядит от силы на двадцать пять... Я в “мобильник” на “промычку мозгов”. Ты за главного.

— Леночка, вы очаровательны! — Иван уже минут пять подпирал дверной косяк медсанчасти и наблюдал, как Лена вытаскивала коробочки и пузырьки с лекарствами и расставляла их в шкафу. Она обернулась, долго мерила Ивана взглядом глубоких шоколадных глаз.

— Что вы хотели, Иван Петрович? Укол?

Иван плюнул и собрался уходить.

— Постойте! Я хотела спросить. Почему к вам из медиков никто не ехал? Что у вас за прорыв с медициной получился?

— Двоих санинструкторов подряд ранило. Потом следующие два сбежали.

— Как это? — Лена присела на кушетку, сняла медицинскую шапочку.

Иван вытянул шею, удивленно заглядывая майору за

спину. Янтарные волосы почти до пояса, освобожденные, под собственной тяжестью распрямились.

— А так, — после паузы объяснил Иван. — Прикинулись больными. У одного якобы язва, у другого что-то с желчным пузырем. Короче, отправили мы их к мамкам и женам, а сами кукуем без медицины.

Федор заглянул в медсанчасть, услышав голоса.

— Иван, ты мне нужен, — не взглянув на Лену, про бурчал он.

В БТРе невыносимо терпко пахло нарциссами. Как ни орал Федор на бойцов, почти у каждого на коленях лежали букеты. Красно-белые тюльпаны и нарциссы с мохнатыми желтыми трубочками сердцевины.

Два часа назад Иван стоял у окна, держал под прицелом задний двор. Камуфляж темными потными пятнами прилип к плечам и спине.

Федор встал на стул, заглядывая в чердачный люк. Стул трещал. Лезть наверх не хотелось.

— Темно, как у негра... — Федор прыгнул. — Вань, давай, ты полегче.

— Что вам надо? — с криками в комнату вбежала хозяйка. — Зачем потолок сломали?

— Боевиков укрываешь, — надвинулся на нее Иван.

— Кто говорит? Кто говорит? — прищурилась и подбоченилась женщина. — Уходите с нашей земли! Зачем вы разоряете наши дома?

Иван побелел. Федор встал между ним и хозяйкой.

На улице зашелкали выстрелы.

— Командир, к нам группа боевиков идет, мирными прикрываются!

Федор и Иван выбежали на улицу. Башня БТРа разворачивалась в сторону толпы.

Хозяйка дома, обжав Федора, вылетела за калитку. Крикнула что-то по-чеченски. В ответ ей раздались выстрелы. Секундой раньше Иван повалил ее на землю, оттащил во двор.

Гремели выстрелы. Женщины визжали. Некоторые на руках держали детей.

Соловей засел у забора с винтовкой. Он выстрелил без команды. В толпе кто-то упал. Местные с криками стали разбегаться. Боевики стреляли. Одна убежавшая будто споткнулась, упала и больше не поднялась.

Внезапное нападение "духов" захлебнулось. Оказавшись без прикрытия, они прижались к заборам и стреляли зло, длинными очередями, с отчаянием.

Через минуту улица опустела. Только на дороге лежала женщина в длинном черном платье и чуть в отдалении убитый Соловьем боевик. Своих раненых, а может, и убитых, чеченцы унесли с собой: там и тут на обочинах виднелась кровь.

Федор оглянулся, подошел к лежащей женщине, пощупал пульс. Перевернул остывающее тело. Под ней возился грудной ребенок в пеленках, впитавших материну кровь. Федор поднял его, прижал к "разгрузнику". Ребенок высунул смуглую ручку, потянулся к блестящему автоматному магазину, торчавшему из кармана.

Командир отдал ребенка хозяйке дома.

— Так, мужики, — хрипло сказал он. — Еще минут десять шмонаем и уходим. Здесь становится жарко.

Тогда-то бойцы нарвали цветов в огороде и возвращались на ПВД в горьком облаке запаха весны и жизни. А перед глазами Федора все прокручивался бой, лицо убитой женщины и ее ребенка, такие невоенные и беззащитные...

В одной из комнат оборудовали столовую, рядом — кинозал. Небольшой телевизор привезли из Москвы. Вот уже несколько вечеров собирались, смотрели фильм про любовь в приграничном военном городке.

Лена бродила по темному коридору, поглядывала на часы. Уже вечерело. Прислушивалась: не едут? Зашла по-

смотреть телевизор. Бойцы вскочили, засуетились и тут же соорудили для нее нечто вроде кресла из двух старых, невесть откуда взявшихся диванных подушек. Сами они в основном сидели прямо на полу, комментируя по ходу фильм и передразнивая рекламу. А ей вдруг вспомнилась прошлая осень.

Бригада, с которой Лена прибыла в Чечню, не вылезала из боев. А тут еще туман, дождь, ветер... Холодный, жгучий, воющий по ночам, бьющийся в палатку. Простуженные бойцы кашляли, задыхались на этом ветру: Он гнал осень в горы, рвал последние листья, громче него только ухала артиллерия где-то в предгорье. Потом одно-го за другим стали приносить раненых. Вместе с дождем пол палатки заливало кровью. Один из бойцов держал фонарь и подавал инструменты. Лена оперировала. Иногда боец выбегал из палатки, и она слышала, как его рвет.

Заканчивались обезболивашие.

Лейтенанта с осколочным ранением живота принесли последним. "Духи" объявились где-то совсем рядом. Она оперировала, стараясь не думать, что будет потом. И с ним, и со всеми остальными ранеными. И с ней самой.

Карман камуфляжа майора Леночки оттягивала граната, рядом, на ящике из-под патрон, лежал автомат.

Лейтенант кричал, звал мать, потом еще какую-то Юлю и кричал, кричал, кричал...

Потом Лене еще долго снился этот его крик, снились его глаза, потемневшие, запавшие на осунувшемся лице, запекшиеся губы. И вот в один из вечеров уже дома позвонили в дверь. Она открыла, на пороге стоял высокий военный. В полутьме Лена разглядела только охапку гвоздик в его руках и блеск Звезды Героя.

— Доктор, доктор, — бормотал он знакомым голосом, всхлипывая.

— Погоди, погоди! — Лена отстранилась на мгновение.

— Я Зимин. — У него по щекам текли слезы. — Лейтенант Зимин. Не помните? Вы же меня оперировали.

— Осколочное ранение брюшной полости? — Лена не узнавала его. — Это ты?! Живой...

Иван швырнул на кровать свой побитый пулями бронешител. Федор наклонился над ним:

— Сволочь ты, Иван! Себя не жалеешь, так меня бы пожалел. Какого хрена ты полез ее защищать?

Иван лег, отвернулся к стене. Федор высунулся в коридор:

— Соловья ко мне!

Он крикнул так громко и раздраженно, что из медсанчасти высунулась Лена:

— Вы вернулись?

— А разве не видно? Соловей!

Лена вздрогнула.

— Зачем так кричать? Если хотите, я могу сходить за ним.

— Вы не посыльный, а доктор. Вот и занимайтесь своим делом! — Федор все глядел в коридор.

— Кстати, по поводу моих обязанностей, — сухо сказала Лена. — Когда вы закончите с Соловьем, прошу вас зайти ко мне.

— Это еще зачем?

— Я должна вас осмотреть. Вспышки ярости у вас могут быть вследствие контузии.

Федор побагровел.

— Ну, знаете!

— Я вас жду, — отрезала Лена.

— Товарищ майор, — вырос из темноты Соловей, — по вашему приказанию...

— Проходи, проходи! — Федор нетерпеливо затолкнул его в комнату, все еще поглядывая в сторону медсанчасти.

— Ты почему открыл пальбу без приказа? Ты разве не знаешь, что огонь открывать можно только ответный?

— Так они же стреляли...

— Вань, ты слышал? — покачал головой Федор. — Ты

понимаешь, сопляк, что меня потом с Иваном по судам за-таскают? Дескать, мы агрессоры, на мирных напали.

— Ну, это будет неправдой. — Соловей чуть не плакал.

— Вот, блин, карась-идеалист! — хмыкнул Иван. — У нас большая часть законов такова, что свои же укусят за то, что честно выполняешь воинский долг. Заруби на носу и слушай, что майор говорит.

— Пойми ты, чужак-человек, — Федор потер лоб. — Тут героизм побоку. Нам всем надо выжить. А вообще, ты молодец. Это была песня, как ты его снял. Но чтобы больше такого не повторялось! — прикрикнул он снова. — Марш отдыхать!

Скрывая улыбку, Соловей шмыгнул за штору, а Федор присел к столу.

— Вань, а ведь из парня будет толк. Башка варит.

— У него-то варит, а твою чуть под трибунал не подвел.

— Нет, надо будет его после срочной уломать на кон-тракт.

— Вы крайне раздражены. — Лена считала его пульс.

— С чего вы это взяли?

Федор сидел на кушетке. Лена стояла перед ним. Ее ступня в маленьком белом шлепанце оказалась рядом с ботинком Федора. Шлепанец был ровно вполовину меньше ботинка.

— Вы и сейчас кричите.

— У меня такой голос, — как можно тише сказал Федор.

— Закройте глаза, коснитесь указательным пальцем кончика носа.

Федор чуть не выбил себе глаз.

— Ложитесь.

— Зачем? Опять укол?

— Нет, капельницу поставлю.

— Да я прекрасно себя чувствую! В конце-то концов! Откуда такое усердие? Больных настоящих, что ли, нет?

— Снимите куртку. Вы вообще ее когда-нибудь стирае-те?

— Когда время есть, — сквозь зубы процедил Федор.

— Поработайте кулаком. — Лена затынула жгут повыше локтя. — Почему вы так злитесь на меня? — Лена вставила иглу, присоединила капельницу. — Только честно.

— Честно? Не люблю, когда ба... женщины во всё лезут. Уж и на войне от вас житья нет.

— У меня однажды был случай. Почти два года назад. — Она смотрела в стену. — Мы тоже в Грозном стояли. Коля притащил мальчонку, лет трех, чеченца. Ребенку все лицо осколками посеколо. Он кровью истекал. Делаю ему ново-каин, а он реакцию аллергическую дает. А больше на тот момент у меня никаких обезболивающих. Я стала так шить. Два часа швы накладывала, а он за все время не пикнул, зубы сжал и не пикнул.

— А кто это Коля? — после паузы спросил Федор.

— Мой муж. — Лена снова начала обрабатывать рану.

— Он тоже служит? Где?

— Он погиб.

— Я не знал, простите.

— Домой бы вас отправить. — Она потрогала его лоб. — Вы вытягиваете из самого себя жилы. Думаете, это кто-то оценит? Станете инвалидом...

— Голова и так болит. Не надо сейчас меня воспитывать. Мне через полчаса на совещание. Сможешь меня на ноги поднять?

— Смогу при условии, что, когда ты, — она выделила "ты", — вернешься, ляжешь без разговоров под капельни-цу.

Федор вернулся с совещания свежельно-красный. Сел к столу, стал жадно пить из фляжки воду.

Иван ждал, не лез с расспросами.

— Нас обстреляли по дороге. Еле ноги унесли. Даже не отбивались. Я Стасу ору: "Гони!" — он так рванул, что два

бойца головы разбили. Сейчас их Лена обрабатывает. И что ты думаешь? Куда сегодня выдвигаемся?

— В то же самое село!

— Не повезу людей и баста! — громыхнул кулаком по столу Федор. — Это же явно подстава! По одной и той же дороге елозим туда-сюда. Подорвут нас или засаду уст-роят как пить дать.

Иван всматривался в нервное, напряженное лицо Фе-дора. Складки рта, морщины на лбу.

— Федь, не лезь в бутылку, а?

— Отставить!

— Я тебя прошу.

— Отставить, я сказал!

...Через час в отряд на "уазике" во двор ворвался пол-ковник.

— Где ваш Круглов?! — заорал он с порога.

— В штабе, товарищ генерал, — с перепугу брякнул Соловей.

Лена слышала через коридор, как они орала. Федор басил, не уступая в выражениях.

— Я знаю, что ты любимчик командующего, но чтобы через пять минут твои люди присоединились к колонне! Я не позволю всяким... мальчишкам срывать операции! — хлопнул дверью приезжий.

Боевики напали за два часа до рассвета. Их было мно-го, они плотно окружили ПВД и стреляли одновременно с нескольких сторон.

Лена выбежала в коридор с медицинской сумкой че-рез плечо. Федор увидел ее, втолкнул обратно.

— Не выходить! — крикнул он.

Выскочил, спрыгнул с крыльца, перекатился за ограж-дение из мешков с песком. Наткнулся на кого-то.

— Кто здесь?

— Это я, Соловей.

— Где Волошин?

— Он там! — ткнул куда-то в темноту боец.

— Где? — рявкнул Федор.

— У забора. Он стрелял из подствольника, потом пере-бежал к мешкам. У забора.

Вспышка от взрыва озарила двор желтовато-красным светом. Федор разглядел скрючившуюся фигуру Ивана метрах в пятнадцати от себя. Нога, странно вывернутая, торчала из укрытия.

— Иван! — заорал Федор. — Я сейчас! Сейчас!

"Они нас выследили! От поселка... Когда подмога? Ок-ружили", — взрывались мысли вместе с грохотом и выст-релами.

Нога за мешками чуть шевельнулась. Рассеянный свет от взрыва стал таять в воздухе. В остатках свечения к за-бору метнулась темная фигурка.

Соловей оглушал Федора, стреляя под самым ухом из автомата. На крыше ПВД к перестрелке подключился пу-лемет.

От новой вспышки Федор на мгновение зажмурился. Из-за бетонного забора вылетел огненный шар, осветил Лену. Она падала.

Огненный шар с всхлипом разорвал землю, засыпал комьями Федора и Соловья, отбросил их к стене.

Федор вскочил первым и бросился к забору. Лена, не добежав до укрытия, лежала на открытом пространстве. Федор подбежал и рывком втащил ее за мешки с песком.

Иван натягивал жгутом ногу повыше колена. Темное пятно расплывалось по штанине.

— Дура! — орал Федор, оглохший от взрыва, одной ру-кой тряс ее за плечо, другой пытался нащупать пульс. — Дура, родная, глупая, не умирай! Ты не смеешь! Попробуй только. Нет! Ваня, где пульс?

— Да жива, жива она...

Юрий
ШЕВЧУК:

*“Я не служу в армии,
я служу армии...”*

Признаюсь сразу, я давний поклонник группы ДДТ. С далеких 80-х годов, практически с самого начала восхождения Юрия Шевчука на музыкальный Олимп. Помните: “Не стреляй!”, “Периферия”, “Наполним небо добротой”, “Я получил эту роль”, “Террорист”?.. Можно продолжать и продолжать: “Дождь”, “В последнюю осень”, “Родина”, “Актриса весна”, “Что такое осень?”, “Рожденный в СССР”... Эти песни сразу становились популярными. Не побоюсь этого слова — народными. Кто их не знает?! Каждая новая пластинка — событие. Каждая новая песня, нет, не заучивалась — сама откладывалась в памяти, потому что точно была в цель. В душу. В сердце.

Первый раз “вживую” Юрия Шевчука я услышал года два назад в подольском ледовом дворце спорта “Витязь”. Тогда и предпринял попытку встретиться с легендарным рок-музыкантом, с которым давно уже мечтал поговорить “за жисть”. Не получилось. Пытался еще несколько раз. Но опять не выходило. Шевчука было сложно застать на одном месте. Он то в Афганистане, то в Таджикистане, то в Чечне. То с концертами гастролирует по стране.

И вот наконец после долгих телефонных переговоров и неоднократного переноса времени встречи я попал в питерскую студию Юрия Шевчука. В его рассуждениях было много серьезного и не очень, шуточного и ернического, много неоднозначного, а порой и противоречивого. Но этим он нам и интересен. За это мы его и любим...

**“Мы живы,
и рок-н-ролл жив...”**

— Юра, кто в наибольшей степени оказал влияние на ваше творчество?

— Конечно, не вся культура, но многие... Это очень сложно определить. Русская поэзия, начиная от Пушкина, Батюшкова и заканчивая Бродским. В музыке и авторская песня, и Галич, и Высоцкий, и рок-н-ролл, и Джимми Хендрикс, и Джон Леннон, и Мориссон. И классическая музыка, и симфоническая, и джазовая. В общем, много. Мне вообще кажется, что чем больше того или иного автора в голове, чем больше багажа, тем ты интереснее как художник.

— Борис Гребенщиков лет двадцать назад спел такую сокрушительную фразу: “Рок-н-

ролл мертв..." На ваш взгляд, рок все же выжил или попса его задушила окончательно?

— Я против лозунгов в искусстве. Искусство их не терпит. "Рок-н-ролл мертв" — это лозунг. И он стал просто рекламой... БГ написал удачный слоган. Он вообще хороший провокатор. Ну и что? Все зашевелились и теперь убеждают друг друга, что он еще жив. И слава Богу!

— То есть рок-н-ролл жив?

— Мы живы, и рок-н-ролл жив... Мы играем много разной музыки, и она вся живая, безупречно... Романс, многие говорят, сейчас не тот. Симфоническая музыка умерла. Джаза не стало. Это все бред собачий... Несет людей некоторых, что же делать. Как вот можно шестнадцатилетнему парню, который сидит сейчас на кухне, бренчит на гитаре, сказать: "Старик, рок-н-ролл-то мертв. Чего ты на гитаре-то играешь?"

— Рождаешь мертвое дитё?

— (Смеется.) Ну да! Это же бред!

— Кто сейчас идет правильным рок-н-рольным путем?

— Перечислять не буду. Много молодежи хорошей, много прекрасных музыкантов... На самом деле, замечательно все. В одном Петербурге, мы как-то считали, но потом и со счета сбились, около тысячи рок-н-рольных групп. Но разных, конечно, стилей. И в каждом городе, я уверен, такие же группы есть.

— Если составить "шорт-лист" от Юрия Шевчука, кто будет занимать в нем первые позиции?

— Я так вот и не скажу. Искусство же не спорт! Ну как я могу?! У меня нет любимчиков.

— Но личные пристрастия же есть?

— Нет никаких личных пристрастий! Я уважаю разную музыку, многих музыкантов люблю. У нас сейчас в Питере, если быть более менее объективным, много ребят, которые честно рубятся, играют, думают, размышляют, ищут свое мироощущение: "Король и Шут", "Пилот", "Психея", "Враги", "Зимовье зверей".

— Как бы вы сами охарактеризовали тот стиль, в котором работаете?

— Я даже не знаю... Мы играем не совсем рок-музыку. Мы это называем роком, но это название скорее более идеологическое. Мы поем песни в разных стилях...

— То есть даже чисто терминологически вы не хотите ставить себя в какие-то рамки?

— А зачем?! У нас нет никаких

рамок... Сейчас, знаете, открываешь какой-нибудь журнал, посвященный современной музыке, и там этих терминов! Читаешь: эта группа — какие-нибудь "Красные медиаторы"! — играет в стиле хард-хэви-пластик-бэнд-джаз-рокабили. Ставишь пластинку — слушать нечего! Ни музыки, ни слов. Мне кажется, сейчас молодые журналисты и музыкальные критики этой дурацкой терминологией очень часто прикрывают пустоту. А мы ярлыки не вешаем ни на себя, ни на других. Зачем?! Есть рок-музыка, есть классическая, есть авангардная, фолк, джазовая. Вот и все. А остальные термины — это ерунда.

— Юра, чем, на ваш взгляд, рок конца 20 века отличается от рока начала 21-го?

— Раньше рок был более социальным. Движение хиппи, первый Вудсток... У нас в России вначале рок-музыку просто переигрывали — Джими Хендрикса, Дип Пепл, Лед Зеппелин. Потом стали сочинять свои слова. Многие старались, чтобы эти слова были умные и честные. Поэтому рок стал достаточно социальным, взял на себя этот груз. И это нормально. Это было остро. Время было такое.

Сейчас рок не так социален. В наши дни, как бы при вполне доступной свободе, социальные песни, конечно, есть, но это уже скорее единичные случаи. А раньше практически никто не проходил мимо.

— Давайте назовем это первым, достаточно принципиальным отличием рока века минувшего от рока века нынешнего. А какие есть еще отличия?

— В современной рок-музыке заметен высокий профессионализм многих групп. Здорово ребята играют... Но вот тематика песен, конечно... На мой взгляд, в 80-х годах она была более серьезной. А сейчас поют про секс по Интернету... Мелкотемье все-таки ощущается. Но не все опять же группы. Некоторые пытаются рассмотреть и жизненные проблемы. Но таких меньше, конечно...

"Хозяин для художника — Бог"

— По своей природе вы одиночка или личность общественная?

— (Долгая пауза.) Как личность я одиночка, как животное — существо общественное.

— Тяжело быть узнаваемым?

— (Еще одна долгая пауза.) Ну как... Вообще-то, это невесело. Но наша профессия, наша работа, на-

ша жизнь, посвященная музыке, она предполагает, конечно, какую-то популярность. Потому что без нее ты никому на фиг не нужен. Но с другой стороны, эта популярность имеет, конечно, и минусы большие. Вот в связи с последними событиями: дал пенделя одному попсовому артисту, так вся страна это три месяца уже обсасывает. Это мне не нравится... Есть груз чего-то такого общественного. Потому что ты на виду.

Многое тебе не прощают, что прощают нормальным людям. Многое под микроскопом рассматривают — твое нижнее белье или еще чего-нибудь. И вообще, многие люди у нас в России до сих пор считают, что художник больше, чем художник, поэт больше, чем поэт. И идеализируют нас. Думают, что мы и в туалет не ходим. Едим и пьем только нектар. А мы часто бываем не меньшим г... чем нормальные люди... Да мы и есть нормальные живые люди...

Что отличает художника?.. Художник что-то слышит, какие-то звуки, которые не слышит никто. Пожалуй, только этим он и отличается от других людей.

— Давайте заглянем на вашу творческую кухню — если, конечно, это не тайна за семью печатями. Как вы работаете? Строчка может прийти в совершенно неожиданной ситуации?

— Конечно... Все зависит от твоего настроения. Если ты живешь грязно и дико, никакие хорошие строчки к тебе не придут. А если ты, скажем так, настраиваешь свой приемник на мировую информацию, на высшие сферы, то ты там что-то слышишь, видишь, читаешь, записываешь. И жестоко страдаешь. Потому что то, что ты видишь в своих снах — это идеально. А то что ты потом материально переносишь на бумагу... И мы всегда недовольны. Художник вообще всегда недоволен своим мастерством, тем, что он играет не то, что слышит. Это страшная мука на самом деле.

Ведь есть же такое банальное выражение — "муки творчества". И это действительно так. Наша художественная кухня — это как раз и есть эти муки творчества. Хочется услышанную музыку воспроизвести здесь, на этой земле, где есть сила притяжения. Но не всегда это удается так, как хотелось бы. Поэтому постоянно точишь свое мастерство и все время пытаешься достичь какого-то идеала. А это невозможно. Как правило...

Поэтому я ни одного, даже самого гениального художника не видел, чтобы тот был удовлетворен.

А с другой стороны, эти черты —

попса там всякая — они не мучают-ся никогда.

— **Но они и не художники, по большому счету...**

— Да, они не художники. Это надо отличать...

Художник — человек очень ранимый. Он иногда вести себя может неадекватно в обществе приличных людей. Потому что живет какими-то своими мыслями. Он все время мучительно вспоминает ноты, которые слышал сверху. И думает, как их сыграть. Вот что для него важно. Остальное ерунда.

А некоторые обыватели и музыкальные критики, которые не слышат этой музыки сверху, — иначе они были бы не критиками, а музыкантами, — они считают, что такой-то музыкант взял, сложил из кубиков вот эту музыку и выдал ее на суд. А это неправильно. Абсолютно.

Природу творчества понимает только художник. Только тот, кто слышит эти звуки. А тот, кто не слышит, он никогда этого не поймет. Это все равно что неверующему в Господа пытаться логически объяснить и доказать, что Бог есть. Он должен верить. Это чувство или есть, или его нет. И творчество здесь очень близко.

— **А что для вас вдохновение? Вы его ждете?**

— Вдохновение — это и есть то, когда ты слышишь божественное, идеальное, необычное, нестандартное. Когда ты слышишь эти толики, песчинки, крупинки вселенского знания. Этой мировой информации.

— **По образованию вы художник. Сейчас пишете стихи и музыке. А “презренной” прозой не пробовали заниматься?**

— Были попытки какие-то, но это все не мое. Да и времени нет. Много работы. А проза требует огромного времени.

А во-вторых, проза — это все-таки некоторое многословие, которого я боюсь. Поэзия лучше. Заболтать ее невозможно. Потому что она перестанет быть поэзией. А проза — вещь болтливая. Поэтому я ее не очень люблю.

У нас сейчас в Думе идут споры какие-то о русском языке. А я бы предложил всем политикам и думцам говорить стихами. Я бы наш государственный язык сделал стихотворным. И меньше было бы слов! В тысячи раз было бы меньше слов! Выходит Путин: “Народ! К тебе я вышел. Скажу, живем хреново. Но надо жить! Но надо жить, ребята! Не тужить!..” Это же здорово! Или Жириновский: “Я в Ирак поеду. На фиг всех американцев посылаю отсюда буду...” Классно же! И лишнего ничего бы не было.

Представьте себе командира: “Боец! В атаку я тебя зову! Примкнуть штыки...”

— **И побежали...**

— Да, “...и побежали!” Здорово же! “И танки наши быстры!” Вот это кейф! Сразу дух у бойца поднимется.

— **Сейчас у нас в стране проматривается такая интересная тенденция: тот, кто стал известным и популярным, обязательно в конце концов уходит в большую политику. Вы не думаете об этом?**

— Нет, нет совершенно. Мы политикой не интересуемся. То есть как нормальные граждане страны мы, конечно, в чем-то пытаемся разобраться, ходим на выборы. Но я даже не знаю, кто за кого голосует в нашей группе. Мне это неинтересно. Это личное дело каждого.

А политические партии мы никакие не поддерживаем. Это скучно и как-то неловко поддерживать какую-нибудь партию. Потому что творчество — это совершенно другой институт познания мира, нежели политика. Творчество — это нечто противоположное политике. Я не ругаю политику... Но это логика, изворотливый ум, интеллект. А творчество — это все же душа, сердце. В политике мало сердца, мало души и мало божественного. Человеческие законы, они гораздо ниже законов Божьих. Вот и все.

— **Красиво...**

— Поэтому, политика — это всего лишь человеческие законы. А люди... Мы просто несовершенны. Поэтому и наша политика несовершенна. А совершенны лишь законы божьи. Хозяин для художника — Бог. А не какой-то там дядя Петя.

— **Юра, вы поете: “Еду я на Родину. Пусть кричат: “Уродина!” А она мне нравится...”**

— Рифма ужасная, конечно. Но что делать?!

— **Нет-нет, вопрос в другом. А чем она вам нравится?**

— (Долгая пауза.) Тем, что я в ней красиво живу! (Смеется.)

— **Замечательно!**

— Шучу, конечно... Ну а что? Нравится мне здесь жить... Если бы мы знали, за что мы любим... Мы бы тут же разлюбили, может быть. Как говорит наш художник Володя Дворник: “Родину любить — не безрезки целовать!” Никто не знает, и я не знаю. Но я не представляю, как можно жить в другом месте.

Вообще, один священник хорошо сказал: “Человек должен жить там, где его посадили”. Классная фраза! Живи там, где тебя посадили, ешь эту травку, лечись ею, кушай эту землю, дыши этим небом... И ты будешь счастлив.

— **Хотел спросить, не собираетесь ли вы уезжать за границу, но чувствую, что для вас этот вопрос не актуален...**

— Что я больной, что ли, какой?! Куда уезжать-то? Нас отсюда силком не выпереть! Не то что самим уезжать!

Хотя многое мне не нравится, многое печалит. Цитирую: “Кто живет без печали и боли, тот не любит Отчизны своей”. Некрасов. В творчестве много печали, много боли, но это, безусловно, тоже часть любви.

Попса пытается навязать любовь какую-то рафинированную. Чтобы все друг другу улыбались улыбочками голливудскими, при этом смотря друг на друга ненавидящими глазами. Но это не любовь! Фуфло это. Дешевый кабак.

Любовь — это боль. Это тоска. Это печаль за свою страну, за своих друзей. Вообще за людей.

“Главное — чтобы самим нравилось...”

— **Юра, у вас было несколько заметных ролей в художественных фильмах. Будете продолжать свою кинокарьеру?**

— Если предложат что-то такое легкое и не очень утомительное, то может быть, и буду. Последний раз я в детском фильме “Вовочка” сыграл. Вот там у меня была эпизодическая роль. Три дня съемок всего. Вроде что-то получилось...

А так наша работа все-таки — это ДДТ, это музыка. Все-таки песни петь... Я очень счастливый в этом смысле человек. И зачем мне заниматься не своим делом?! Если Господь мне дал голос, немножко слуха и к тому же я не дальтоник?! Зачем мне еще идти куда-то? Смысла нет никакого...

— **Как вы считаете, в вашем творчестве пик уже был или пика вообще не должно быть и художник должен постоянно к нему стремиться?**

— Пик в творчестве? Не знаю... Это биографы потом скажут. Это во-первых. А во-вторых, я бы не хотел, чтобы были какие-то пики... Бывают пики популярности. Но это одно. А пик творчества — это другое совсем. Это какие-то удачные произведения, которые ты сделал в течение своей жизни, удачные импровизации, которые сыграл.

— **А может быть такая ситуация, что поклонникам, слушателям нравится одно, а вы считаете, что прожили всю сознательную жизнь ради другого?**

— Из каждого альбома крутятся по радио совершенно не те песни,

которые бы нам хотелось. Нам хочется, чтобы крутили более серьезные песни, интересные, проблемные. А на радио существует пресловутый формат. И эти радиомангаты и ди-джеи наших людей за идиотов держат. Они мне говорят, что проблемные песни народ не поймет. Откуда они знают, эти ди-джеи полуграмотные, что народ поймет, что не поймет?! К сожалению, сейчас много коммерции в стране, и они диктуют нам, что мы поймем, что не поймем. Геббельсы какие-то, я не знаю, с бериями...

Даже взять последний альбом "Единочество". Крутят "Осеннюю", самую лиричную песню. Она в альбоме на своем месте, но там есть песни и более серьезные, которые сейчас тоже надо дать людям послушать. Может, они заставили бы кого-то задуматься. Так нет же...

— **К слову сказать, вашу, на мой взгляд, замечательную песню "Беда"...**

— Она личная. Я вдовец и ее написал сразу после гибели супруги. Вообще, ряд песен тогда был написан — "Вороны", "Беда"... Да и вся программа "Черный пес Петербург" тогда создана.

— **Так вот эту песню я ни разу по радио не слышал.**

— Я и говорю, что эти радиомангаты, радио-ди-джеи — это отвратительные люди, на мой взгляд. Они диктуют эти форматы, они оболванивают нашу страну, пытаются навязать все такое легонькое, непроблемное, чтобы все было тишь, да гладь, да Божья благодать.

— **А можно приоткрыть творческий секрет, что будет во второй части "Единочества"? Удивите своих поклонников в очередной раз?**

— У нас нет задачи удивлять. Самое главное, чтобы нам самим нравилось. Мы уже больше двадцати лет играем. И переболели. Мы не стремимся что-то еще завоевывать. Нам это уже не нужно. Залы наши полные, на концерты наши ходят, пластинки наши слушают. Что еще нужно?

— **То есть главный критерий творчества — чтобы нравилось самим.**

— Конечно. А иначе смысл какой эти гайки крутить? (Смеется.)

— **А что вы чувствуете, когда рождается песня? Вы сами чувствуете, что песня получилась?**

— Это такие личные дела... Поразному всегда бывает. Иногда что-то зреет, шевелится, не дает спать. О методике творчества, вообще-то, много написано, но никто до сих пор не знает, как все происходит на самом деле. Иначе бы компьютеры сочиняли музыку.

— **Когда вы пишете песню, у вас много вариантов или сразу рождается единственный и неповторимый?**

— У меня, как правило, рождается основная идея... А иногда бывает, что первая строчка... А иногда удивляешься, как песня заканчивается. Это, наверное, самое лучшее в творчестве, когда ты не знаешь, каково будет завершение идеи. Это очень важная вещь. Всегда удивляешься. С каждой песней немножко вырастаешь как художник... Поразному бывает, по-разному...

— **А вы вообще довольны собой или все время хотите что-то изменить?**

— Безусловно, всегда хочется чего-то нового.

— **Нового чего? Новых стилей? Открытий в музыке?**

— Хочется что-то достойное написать. Чтобы хоть раз в жизни крикнуть: "Ай да Пушкин, ай да сукин сын!"

"Меня наградили красным беретом..."

— **Юра, о вашей дружбе со спецназовцами ходят легенды. Но мало кто знает, с чего она началась.**

— Это произошло в 1995 году. Я был в Чечне, давал концерты. А жил у МЧС. Рядом стояли "витязи". Вот тогда я с ними и подружился. Крепко подружился. С Игорем Чекулаевым, с Лехой, с Гришей... Со многими ребятами.

— **А потом была и "вторая Чечня"?**

— Да, я много раз там был. Да и не только там. Как-то подсчитал, семь или восемь раз я был в горячих точках. В Косово, Таджикистане, Афганистане. В Белграде в мае 1999 года мы всей группой играли концерт мира. Отличный концерт был. Под бомбами.

Знаете, о чем обязательно напишите: американцы показывают два пальца — "V" — "виктория", "победа", а православные три. В Сербии, в Косово все православные показывают три пальца — потому что троица: Отец, Сын, Святой Дух. А американцы — два. И это фишня. Это значит враг. Если на войне в Косово покажешь два пальца — тебя сразу грохнут...

— **Тут у вас на стене фотография, на которой вы стоите рядом с космической ракетой на стартовой площадке...**

— Это я прошлой весной выступал на Байконуре. Потом был в Афганистане, во Дворце Амина. У нас каждый год поездки. Летом в очередной раз ездил по Чечне. Де-

сантники даже дали мне грамоту и подарили голубую берет.

— **Насколько я знаю, это не первый ваш берет?**

— Да, не первый. Я же член братства "витязей", и они меня наградили красным беретом... Я братишек очень люблю. Я даже такой слоган про себя придумал: "Я не служу в армии, я служу армии". Военные — люди удивительные, замечательные. Получают копейки, а действительно служат России. Лучшая часть мужского общества страны — это в армии, конечно. Самая преданная, искренняя, верная. Самая смелая, честная, мужественная. Я очень уважаю этих людей, бесконечно уважаю.

— **Юра, я понимаю, вы не политик, вы — поэт. Но по моему глубокому убеждению, настоящий поэт — это всегда мыслитель, философ. Как вы считаете, чеченскую войну можно как-то остановить?**

— Мне кажется, во всем, что касается чеченского конфликта, виноваты только политики. Они там очень слабо работают. Поэтому война может быть вечной. И это печально.

С другой стороны, мне очень неприятно ощущать, что о Чечне говорят только те, кто болен этой проблемой, кто там воюет, живет и мучается: солдаты-фронтовики да народ — чеченский и русский. Мне больно видеть, что и для инвалидов, и для раненых — я это хорошо знаю, я много работаю в больницах — делается очень мало. Они просто как изгой какие-то...

Меня раздражает равнодушие наших политиков. Я бы их всех вместе с их детишками взял бы да и отправил в Чечню. Вот они тогда, может, и зашевелились бы. Вот тогда, может, и война поскорее закончилась... А что, разве я не прав?!

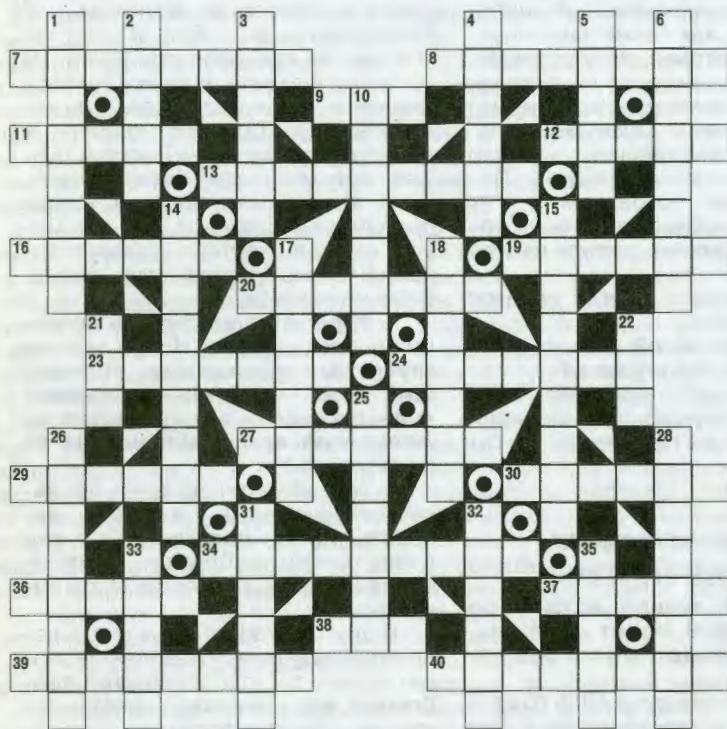
— **Но пока война, к сожалению, еще идет, что вы хотели бы пожелать тем ребятам, кто и сегодня несет службу в горячем регионе?**

— Прежде всего здоровья и крепкого духа. Дух — главное для воина. А духа без веры быть не может. Поэтому — веры. Потому что просто так ходить воевать, непонятно за что — этого я не понимаю.

**Беседу вел
подполковник
Николай КАЗАКОВ**

Фото автора
и из архива Юрия ШЕВЧУКА

КРОССВОРД С ГУСЛЫБКОЧ

таться. 3. Унитаз для малыша. 4. Прото-
 колный разговор со следователем. 5.
 Кислый брат апельсина. 6. Жанр, который
 мертвый хваткой вцепился в книжный ры-
 нок и телеэкран. 10. Что является мате-
 рью порядка? 14. Возмутитель спокойствия
 взрывчатки. 15. Специалист по сня-
 тию сливок. 17. Армада кораблей в пусты-
 не. 18. Произведение журналиста К.Паус-
 товского, созданное писателем К.Паус-
 товским. 21. Назойливое насекомое, сла-
 стена с острым жалом. 22. Нецензурная
 брань, узаконенная в шахматах. 25. Тем-
 ный чуланчик, в котором Синяя Борода
 творил темные дела. 26. Рассказ А.Чехова
 о человеке-флюгере. 28. Один росчерк
 пера, который претендует на бессмер-
 тие. 31. Грохот колесницы, на которой бог
 грозы Перун носится по небу. 32. Глуп,
 как...(разг.). 33. Бараний коллектив. 35.
 Единица длины в космическом полете.

Составил Евгений КУЛИКОВ

По горизонтали: 7. Вилка для дегустации
 звуков. 8. Подарок, с которым едут в гости. 9. По-
 кушение на короля. 11. Сухопутный кок. 12. Са-
 мый влюбленный юноша на свете. 13. Аппарат,
 позволяющий безболезненно вторгаться в элект-
 росеть. 16. Балзаковский скряга, а по сути дела
 - рачительный хозяин. 19. В царской армии - сол-
 дат, не мечтавший стать генералом, но служив-
 ший ему. 20. Постоянный друг сердечника. 23.
 Волчья профессия. 24. Деревня в Подмосковье,
 где В.Васнецов написал картину "Аленушка". 27.
 Парусник, наполненный кефалью. 29. Необходим
 в технике, но противопоказан в искусстве. 30. Ру-
 ководитель, начальник. 34. Мертвая природа,
 ожившая под кистью художника. 36. Красивое и
 дорогое женское имя. 37. Болезнь, которая боит-
 ся луковой головки. 38. Замысел футболиста, ре-
 ализованный ударом ноги. 39. Предмет в техни-
 ческом вузе, который является бичом студента.
 40. Любитель путешествий по вертикали.

По вертикали: 1. Карусель для атома. 2. По-
 этический вдохновитель, который может скопы-

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 2, 2003

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Окоп. 5. Шпор. 9.
 Тактика. 16. Канонир. 17. Инам. 19.
 Кноп. 21. Бокал. 23. Полетаев. 24. Хорун-
 жий. 26. Таран. 27. "Нева". 30. Воин. 34.
 Курсант. 41. Неделин. 42. Залп. 43. Риск.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 4. Отсрочка. 8. "Иван".
 9. Танк. 10. Акир. 11. Снос. 17. Истомин.
 18. Мортира. 19. Кутузов. 20. Полигон.
 21. Брест. 22. Ляоян. 25. Бруствер. 33.
 Цель. 34. Крон. 35. Трон. 36. Ярко.

ПО ДУГАМ: 2. Киев. 3. Орша. 6. Полк. 7.
 Один. 12. Атон. 13. Ниша. 14. Иран. 15.
 Осло. 28. Евле. 29. Веер. 31. Одер. 32.
 Истр. 37. Лава. 38. Орёл. 39. "Огни". 40.
 Курс.

Исполнилось 90 лет со дня рождения Александра Яковлевича ЯШИНА (1913 — 1968 гг.), замечательного русского писателя — поэта и прозаика. Он родился в деревне Блумово Вологодской губернии. В Вологде окончил пединститут и до переезда в Москву учительствовал. С 1935-го по 1941-й учился в Литинституте. Писать и печататься начал рано — с 15 лет. К началу войны выпустил две поэтические книги. Воевал моряком, армейским журналистом.

Критикой не раз замечалось, что написанное им в последние годы жизни отмечено «подлинной бескомпромиссностью, беспредельной правдивостью, обостренным чувством сиюминутной любви к родной земле». В поэзии это отразилось в сборниках «Босиком по росе», «День творенья», в прозе — в рассказах «Рычаги», «Вологодская свадьба», сыгравших немалую роль в становлении последующей, так называемой «деревенской прозы» В. Белова,

Б. Можая, В. Шукшина. Лауреат Государственной премии СССР. Ежегодно 11 июля, в день смерти Яшина, на Вологодчине проводится День поэзии.

СПЕШИТЕ ДЕЛАТЬ ДОБРЫЕ ДЕЛА

Мне с отчимом невесело жилось,
Все ж он меня растил —
И оттого
Порой жалею, что не довелось
Хоть чем-нибудь порадовать его.

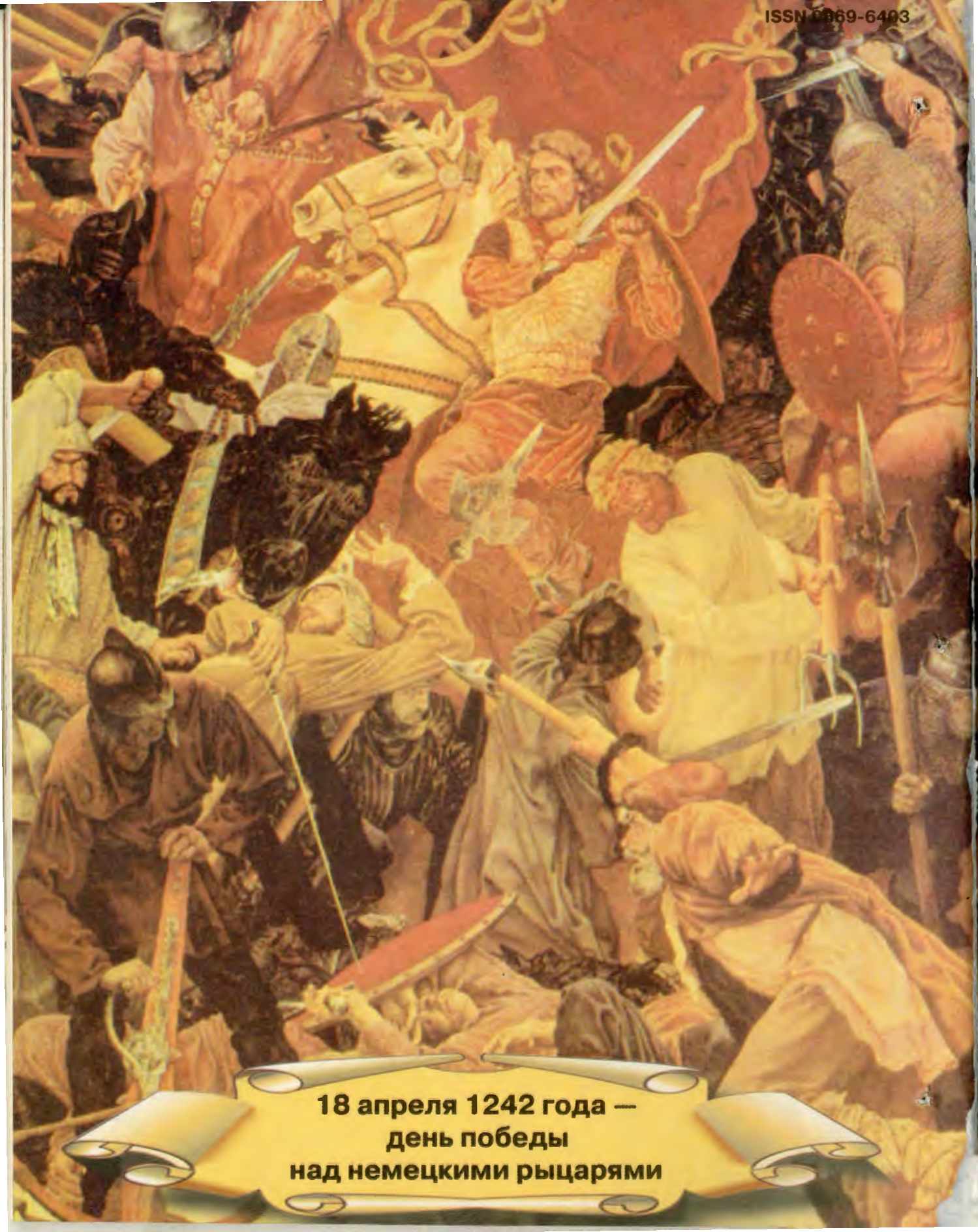
Когда он слег и тихо умирал, —
Рассказывает мать, —
День ото дня
Все чаще вспоминал меня и ждал:
«Вот Шурку бы...
Уж он бы спас меня!»

Бездомной бабушке в селе родном
Я говорил: мол, так ее люблю,
Что подрасту и сам срублю ей дом,
Дров наготовлю,

Хлеба воз куплю.
Мечтал о многом,
Много обещал...
В блокаде ленинградской старика
От смерти б спас,
Да на день опоздал,
И дня того не возвратят века.

Теперь прошел я тысячи дорог —
Купить воз хлеба,
дом срубить бы мог...
Нет отчима,
И бабка умерла...

Спешите делать добрые дела!

**18 апреля 1242 года —
день победы
над немецкими рыцарями**